www.mir-politika.ru

МИР И ПОЛИТИКА

The Scientist

Ноябрь 2013. № 11(84)

СОДЕРЖАНИЕ

Папа Франциск и вызовы Римско-католической церкви в современном мире
З.В. Ивановский 4

Сирийский излом
И.В. Бочарников 18

Россия – Бразилия: богатые традиции, хорошее настоящее и перспективное будущее
А.И. Сизоненко 36

Европейские ценности и облик современного государства
М.В. Каргалова 45

Взгляды США на формирование новой системы международных отношений в условиях нарастающей политической нестабильности
О.Г. Карпович 55

Мюнхенский сговор 1938 г. как трагический рубеж начала Второй мировой войны и современные реалии
Л.Н. Анисимов 63

Особенности конголезско-руандийского конфликта и поиски путей его преодоления
Г.М. Сидорова 80

«Грянет ли буря» в Восточно-Китайском море?
А.Л. Лукин, А.В. Губин 88

Проблемы привлечения к ответственности частных военных и охранных компаний за нарушение норм международного гуманитарного права на основании законодательства США
Е.В. Мартыненко, А.А. Сырхаев 101

О противодействии распространению идеологии «цветных революций» в студенческой среде
А.В. Манойло 110

Путь России в будущее: «Восток или Запад?»
А.А. Канунников 118

МИР И ПОЛИТИКА

The Scientist

Журнал зарегистрирован Мининформпечати РФ
Рег. ПИ № ФС 77-22239 выдан 28 Окт. 2005 г.

Каталог Роспечать – подписной индекс 71974
Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 42953
Каталог Российской прессы «Почта России» (МАП) – подписной индекс 99908

РЕДАКЦИЯ:
Эраст Галумов Главный редактор.
Анатолий Шутов Зам. главного редактора по науке.
Андрей Манойло Шеф-редактор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гринберг Р.С. член-корреспондент РАН,
Мэлор Стуруа журналист, доктор политических и экономических наук, профессор,
Капто А.С. доктор философских наук, профессор,
Косолапов Н.А. кандидат исторических наук, профессор,
Пляйс Я.А. доктор исторических наук, доктор политических наук,
Золотарев В.А. доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор,
Цыганков П.А. доктор философских наук, профессор,
Каргалова М.В. доктор исторических наук, профессор,
Золотарева В.А. доктор исторических наук, профессор,
Соловьев В.И. доктор философских наук, профессор,
Коваленко В.И. доктор исторических наук, профессор,
Соколенко В.Г. доктор политических наук,
Модестов С.А. доктор философских наук, доктор политических наук, профессор,
Прущак С.Ф. доктор экономических наук,
Аладьин В.В. доктор экономических наук,
Бойко Ю.П. доктор политических наук, доктор медицинских наук, профессор,
Пономарева Е.Г. доктор политических наук, профессор МГИМО (У).

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки журнал «Мир и политика» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с февраля 2010 года.

Учредитель: © НП «Академия креативных технологий«
Издатель: © ООО «Редакция журнала «Мир и политика».
Адрес редакции: г. Москва, Пушкинская пл., д. 5
Телефон редакции: (495) 628 49 92
Электронная версия журнала: www.mir-politika.ru
E-mail: red@mir-politika.ru

ISSN – 2073-8161

Модели взаимодействия Центра и регионов в современной России
А.Л. Бунчук 127

Проблема признания государства агрессором
А.Г. Нечаев 137

Особенности трансформации статуса и властных полномочий национальных республик Северного Кавказа в условиях политической модернизации региона
Д.В. Скрипниченко 145

Применение метода системных расстановок в системе парламентских отношений
В.Н. Гуриевская 153

Мегаполисы в политических процессах: опыт и перспективы
И.В. Федякин 161

Европейская «мягкая сила»: правда или вымысел?
Н.В. Ивкина 176

Классификация политики балансирования в современных международных отношениях
А.С. Скриба 186

«Опережая время» – может ли новая концепция внешней политики Турции достичь реальных успехов в Центральной Азии?
К. Хас 199

Актуальность исследования процессов принятия политических решений в современной России
М. Ковальска 212

Университеты как субъекты публичной дипломатии
О.В. Столетов, И.А. Чихарев 214

Феномен и концепт сверхсознания в политической психологии
Н.М. Ракитянский 236

Иранская ядерная программа как потенциальная угроза мировой стабильности
С.Н. Бурцев 246

Влияние национальной идеи на формирование политического сознания граждан России и стран ближнего зарубежья
А.Е. Щегловитов 264

Евразийская шахматная доска: Новая «холодная война» США против России
В.И. Дашичев 273

Аннотации 276

Папа Франциск и вызовы Римско-католической церкви в современном мире

З.В. Ивановский

13 марта 2013 г. в католическом мире произошла своего рода сенсация: собравшийся в Ватикане конклав кардиналов вопреки всем прогнозам избрал Римским Папой аргентинца, архиепископа Буэнос-Айреса, кардинала Хорхе Марио Бергольо, который выбрал имя в честь св. Франциска Ассизского, раздавшего все свое имущество и посвятившего жизнь служению бедным.

226-й понтифик родился 17 декабря 1936 г. в Буэнос-Айресе в семье железнодорожника, выходца из Пьемонта (Италия), и был пятым ребенком в семье. Будущий папа получил диплом химика-технолога и некоторое время работал в лаборатории по контролю за качеством продуктов питания. 11 марта 1958 г. он вступил в Орден иезуитов, учился в католической семинарии Вилья-Девото в Буэнос-Айресе и завершил курс обучения в Иезуитской семинарии в Сантьяго-де-Чили, где наряду с теологией совершенствовал свои познания в истории, литературе и классических языках. 13 декабря 1969 г. Х.М.Бергольо рукоположен в священники, в 1970 – 1971 гг. продолжил образование в Испании. После возвращения в Аргентину работал преподавателем теологического факультета в столичном Колледже Св. Михаила. 31 июля 1973 г. избран провинциалом (главой) иезуитов Аргентины, шесть лет спустя вновь вернулся к преподавательской работе, в 1980 – 1986 гг. был ректором Духовной Академии Св. Иосифа.

После защиты докторской диссертации в Германии будущий папа был исповедником и директором Кордовского архиепископства, в 1992 г. по-

З.В.Ивановский Доктор политических наук, профессор
Институт Латинской Америки РАН, факультет глобальных процессов МГУ им. М.В.Ломоносова

священ в епископы, в 1998 г. стал архиепископом Буэнос-Айреса и одновременно ординарием католиков восточного обряда. Возведенный 21 февраля 2001 г. Иоанном Павлом II в кардиналы, Х.М.Бергольо занимал различные посты в Римской курии, в том числе был членом комиссии по Латинской Америке и Папского совета по делам семьи. Кардинал Бергольо принимал участие в конклаве 2005 г. и фигурировал в качестве одного из возможных претендентов на папский престол[1].

Занимая высокие посты в католической иерархии, Х.М.Бергольо вел аскетический образ жизни и был известен личной скромностью: будучи архиепископом, он пользовался общественным транспортом, часто сам готовил себе пищу и жил в небольшой квартире, а уже став понтификом, отказался от роскошных папских апартаментов и проживает в ватиканской резиденции Санта-Марта.

Избрание Х.М.Бергольо Папой Римским имеет несомненные последствия для всего христианского мира, поскольку Римско-католическая церковь по-прежнему является самой влиятельной мировой религией и самым многочисленным течением христианства: численность католиков достигает 1,2 млрд чел., протестантов — 800 млн (в том числе пятидесятников — около 250 млн, православные насчитывают около 220 млн верующих (в том числе паства Русской православной церкви — 164 млн).

Появление латиноамериканца на папском престоле не случайно и в какой-то мере объясняется изменением географии католицизма в результате происходящих демографических процессов: если в начале XX века 65% католиков проживали в Европе и только 25% в Латинской Аме-

рике, ныне в Старом Свете доля католической паствы сократилась до 25%, а в латиноамериканском регионе достигла 40%. К приверженцам католицизма относят себя три четверти жителей континента, а Бразилия стала крупнейшей католической страной мира[2]. Нельзя не учитывать, что латиноамериканский регион ихрает все большую роль в мировой экономике и политике.

Впервые в истории Римско-католической церкви понтификом избран представитель Общества Иисуса. Это один из самых влиятельных орденов, действующий в 122 странах мира и насчитывающий 18 тыс. человек, примерно треть их них — миряне[3]. За пределами католического мира отношение к иезуитам неоднозначно. В российском менталитете не без влияния Русской православной церкви (РПЦ) представители этого ордена вызывают скорее негативную коннотацию, за ними не совсем обоснованно закрепился девиз «Цель оправдывает средства» (В оригинале лозунг «Любой ценой» («Todo modo») свидетельствует скорее не об изворотливости и вероломстве, а об упорстве в достижении цели). Протестанты припоминают Обществу Иисуса борьбу с Реформацией, «воинство христово» активно участвовало в религиозных войнах и смогло остановить распространение протестантизма в части Германии и полностью восстановить влияние католицизма в ряде стран Западной и Центральной Европы. В свою очередь, еврейская община часто обвиняет иезуитов в антисемитизме. (В частности, известный теоретик тоталитаризма Х.Арендт в свое время доказывала, что иезуитский журнал «Civilta Cattolica» был в высшей степени антисемитским)[4]. Частично эти обвинения можно объяснить тем, что вплоть до 1946 г. в орден не принимали новообращенных католиков из еврейских и мусульманских семей. Тем не менее, во время Второй мировой войны на территории оккупированных нацистами стран члены Общества Иисуса повсеместно спасали еврейских детей, а глава бельгийских иезуитов даже удостоен израильским правительством звания Праведник мира.

Орден иезуитов основан в 1534 г. испанцем Игнатием Лойолой, причисленным католической церковью к лику святых, и официально утвержден папой Павлом III в 1540 году. Традиционно иезуиты представляли своего рода католическую интеллигенцию, занимаясь, наряду с миссионерской деятельностью, наукой и образованием, и принимали обеты бедности, безоговорочного послушания папе и целомудрия. В 1773 г. под давлением монархов Испании, Португалии и Франции,

опасавшихся финансового могущества, возросшего политического влияния и безоговорочного подчинения иезуитов папе, деятельность ордена была приостановлена. Как ни парадоксально, иезуиты продолжали работать только в России, после восстановления ордена в 1814 г. его первым генералом (руководителем) стал подданный Российской империи, этнический поляк Тадеуш Бжозовский[5].

В Латинской Америке иезуиты появились в Бразилии в 1549 г., затем их влияние распространилось на территорию нынешних Уругвая, Аргентины, Парагвая, Центральной Америки и Мексики. С самого начала они активно работали среди индейцев, в Парагвае орден получил от испанской короны исключительное право на колонизацию земель. Повсеместно создавались миссионерские поселения — редукции, а с 1610 по1768 г. существовало созданное иезуитами христианское государство в государстве, основанное на принципах «царства небесного на земле» — своего рода утопического социализма. В каждой редукции были построены великолепные храмы, для евангелизации коренного населения создавались школы, была разработана грамматика гуарани и унифицированы различные диалекты этого языка. После запрещения деятельности ордена иезуиты были изгнаны из Парагвая, а впоследствии и из других колоний, их земли перешли в собственность испанской короны, в 1767 — 1771 гг. они покинули Латинскую Америку. Иезуитские миссии были восстановлены уже после Войны испанских колоний за независимость[6].

Впервые в истории Римско-католической церкви понтификом избран представитель Общества Иисуса

В настоящее время среди иезуитов по-прежнему популярны идеи социальной справедливости, борьбы с бедностью и защиты прав человека. Общество Иисуса занимает важное место в системе высшего образования, особенно в Латинской Америке, где ему принадлежат 23 католических университета, 4 факультета философии и теологии и пять других факультетов в 14 странах континента, в системе иезуитских университетов обучается 205 тыс. студентов и работает 12 тыс. преподавателей. В 1985 г. создана Ассоциация иезуитских университетов (Asociaciyn de Universidades, confiadas a la Compacna de Jesъs en Amйrica Latina, AUSJAL)[7].

Многочисленные исследовательские программы этих университетов не ограничиваются изучением проблем пастырской и миссионерской деятельности. Основная тематика исследований касается искоренения бедности и решения других социальных проблем, образовательных технологий, сферы коммуникаций, инженерных исследований, охраны окружающей среды, международных отношений и т.д. Деятельность иезуитов координирует созданная в 1999 г. Латиноамериканская конференция провинциалов (Conferencia Latinoamericana de Provinciales, CPAL) в составе руководителей ордена всех стран региона[8]. В разное время в иезуитских колледжах и университетах обучались Декарт, Вольтер, Сервантес, Кеведо, Х.Ортега-и-Гассет, А. де Сент-Экзюпери, Ш. де Голль, Дж.Джойс, А.Хичкок и мгогие другие деятели мировой политики и культуры. Примечательно, что многие из политических деятелей, получивших образование в иезуитских учебных заведениях, принадлежат к левому политическому спектру (лидер Кубинской революции Фидель Кастро, поэт и священник, экс-министр культуры Никарагуа Эрнесто Карденаль, погибший в годы военной диктатуры в Сальвадоре архиепископ Оскар Арнульфо Ромеро, экс-президент Парагвая Фернандо Луго и другие).

Римско-католическая церковь накопила богатый опыт использования дохристианских обычаев и традиций

Римско-католическая церковь накопила богатый опыт использования дохристианских обычаев и традиций. Особую роль в этом сыграл Орден иезуитов, занимавшийся христианизацией язычников. Многие его представители стали всемирно известными антропологами и этнографами и сыграли важную роль в переводе Священного писания на языки коренных народов. В Латинской Америке активно использовались верования и культы индейцев и негритянского населения, в Индии — созвучные христианской этике и вероучению элементы брахманизма, в Китае представители ордена усвоили конфуцианство и проповедовали Евангелие с учетом местного менталитета[9]. Второй Ватиканский Собор (1962 — 1965) принял решение о переводе богослужений с латыни на местные языки и об использовании элементов национальных традиций. Эта традиция сохранилась и в последующие десятилетия. Так, после дезинтеграции СССР на Украине и в Белоруссии в католических мессах

и в богослужебных книгах украинский и белорусский языки постепенно вытесняют польский. Нынешний папа еще в бытность кардиналом также признавал важность народного благочестия для сохранения веры и активно поддерживал слияние христианских символов с национальными традициями, на аудиенциях с понтификом присутствуют представители многочисленных индейских общин.

Основным вызовом, с которым придется столкнуться папе Франциску в регионе и в мире в целом — неоднородность церкви и разные подходы к решению ключевых проблем современности. В то время как высшая церковная иерархия традиционно занимала консервативные позиции, среди латиноамериканской паствы после Второго Ватиканского Собора довольно широкое распространение получила теология освобождения, основанная на близких к марксизму принципах христианского социализма. Основателями и теоретиками этого направления в католицизме стали перуанский доминиканец Густаво Гутьеррес, бразильский францисканец Леонарду Бофф, гаитянский салезианец Жан Бертран Аристид, среди ее сторонников важное место занимали и иезуиты.

Сама по себе теология освобождения была достаточно неоднородной. Более умеренные ее сторонники выступали за возвращение к истокам христианства и считали, что церковь должна повернуться лицом к бедным. Для осуществления своей программы приверженцы этого крыла стали создавать базовые христианские общины, занимавшиеся изучением Библии, повышением профессиональной квалификации мирян и исследованием актуальных социально-экономических проблем. Представители радикального течении связывали христианское спасение и человеческое достоинство с экономическим, политическим, социальным и идеологическим освобождением и призывали к революционным преобразованиям, ликвидации несправедливости и эксплуатации человека человеком[10]. Некоторые из них попытались осуществить свои идеи на практике. Наиболее широкую известность получили капеллан Национального университета Колумбии Камило Торрес (1929 — 1966), вступивший в ряды гевaристской Армии национального освобождения и погибший в столкновении с правительственными войсками, а также завершивший свою жизнь в колумбийской сельве руководитель этой же организации испанский священник Мануэль Перес (1943 — 1998).

Официальный Ватикан, осуждающий любые формы насилия, не принимал теологию освобождения, многие известные ее сторонники

были лишены сана, а некоторые даже отлучены от церкви. Против этого течения католицизма высказывался Иоанн Павел II, активный противник марксизма и реального социализма. Кардинал Йозеф Ратцингер, впоследствии папа Бенедикт XVI, возглавлявший Конгрегацию вероучения (преемницу печально известной инквизиции), также осуждал радикальные формы борьбы и попытку построить рай на земле[11]. Тем не менее, оба предыдущих понтифика утверждали, что вера должна быть орудием справедливости, призывали к активной борьбе с бедностью и выступали с идеей социального умиротворения.

В условиях кризиса мирового социализма и некоторого смягчения острых социальных проблем в регионе теология освобождения постепенно утратила свои позиции. Тем не менее, идеалы христианского социализма по-прежнему разделяли и разделяют известные политические деятели, в том числе скончавшийся в марте 2013 г. президент Венесуэлы Уго Чавес, эквадорский руководитель Рафаэль Корреа и другие приверженцы «социализма XXI века». Многие сторонники возвращения к первоначальному христианству работают в неправительственных организациях и выступают активными защитниками прав человека, экологии и устойчивого развития.

Подобно своим предшественникам, Х.М.Бергольо довольно прохладно относился к теологии освобождения, однако, будучи иезуитом, проявлял большой интерес к решению социальных проблем, добивался усиления борьбы с бедностью, коррупцией и преступностью и считал нынешнее распределение доходов аморальным. В целом Орден иезуитов способствовал популяризации теологии освобождения не только в Латинской Америке, но и в Африке и Азии.

Заняв папский престол, новый понтифик должен найти ответы на целый ряд вызовов, стоящих перед Римско-католической церковью. Ключевая проблема – широко распространившаяся в Европе и затронувшая Латинскую Америку секуляризация общества. По данным авторитетного социологического агентства Latinobarymetro, с середины 1990-х гг. по 2011 г. число латиноамериканцев, считающих себя католиками, сократилось с 75 до 65%. В двух крупнейших странах – Бразилии и Мексике – за последние 10 лет этот показатель снизился соответственно с 73,6 до 64,6 и с 88 до 83,9%. 8% бразильцев и 4,6% мексиканцев не относят себя к приверженцам какой-либо религии, хотя далеко не все из них считают себя к атеистами[12].

Относительно новым явлением стал религиозный номадизм, при котором верующие кочуют из одной религии в другую либо сочетают различные религиозные практики[13]. Нередко перемена конфессии вызвана существующими ограничениями (например, целибатом для католических священников) либо разочарованием в поведении церковных иерархов и рядовых служителей церкви (сексуальные скандалы с участием представителей католического клира, показная роскошь, потребительство или предпринимательская деятельность РПЦ и т.д.).

Еще один вызов — растущая конкуренция протестантских церквей, представленных главным образом различными течениями евангелистов, проповедующих теологию процветания ради достижения рая на земле. Евангелисты-пятидесятники занимают по ряду вопросов фундаменталистские позиции, однако благодаря широкой благотворительности активно привлекают на свою сторону менее образованную часть населения, в первую очередь, крестьян и жителей маргинальных кварталов. Евангельские христиане-пятидесятники, представлены в большинстве стран мира, в том числе и в России, однако самое широкое распространение это течение получило в США и особенно в Латинской Америке. Численность пятидесятников и неопятидесятников в латиноамериканском регионе уже превышает 100 млн человек и составляет более 20% верующих, многие из них — выходцы из католических семей. Наибольшим влиянием эти деноминации пользуются в Гватемале, где, по различным оценкам, составляют от 30 до 50% населения, в Бразилии доля евангелистов превышает 22,2%, заметна их численность в Чили и Мексике, более низкий процент наблюдается в Аргентине и Уругвае[14].

Идеалы христианского социализма по-прежнему разделяли и разделяют известные политические деятели

В Бразилии евангелисты создали собственную Республиканскую партию и входят в состав других партий. По итогам всеобщих выборов 2010 г. они представлены 3 сенаторами и 73 депутатами, входящими в 14 партийных фракций, однако в случае необходимости занимают консолидированные позиции. 19 парламентариев, в том числе и бывший председатель Партии зеленых, сенатор Марина Силва, за которую в первом туре президентских выборов 2010 г. проголосовали около 20% избирателей, принадлежат к Ассамблее Бога. Универсальная церковь цар-

ства божьего, созданная в 1977 г. проповедником Эдиром Маседу, по ее данным, насчитывает 8 млн чел., в ее распоряжении более 2 тыс. храмов, в Сан-Паулу строится главный собор на 10 тыс. чел., копирующий храм царя Соломона. Основатель церкви стал миллиардером, владеет телеканалом Rede Record и 30 радиостанциями, двумя газетами и журналом[15].

Церковь, как и другие социальные институты, должна соответствовать запросам общества

Католическая церковь позаимствовала у протестантов идею популярного среди молодежи Движения харизматического обновления, собирающего десятки тысяч сторонников в клубах и на стадионах и использующего современную музыку и компьютерные технологии. Массовые мессы, транслируемые на экраны, передаваемые по телевидению и распространяемые на дисках, помогают католикам сохранить свою паству. В то же время эти формы ослабляют тысячелетние религиозные традиции, размывают границы между различными течениями христианства и принижают роль священнослужителя, что может негативно сказаться на будущем католицизма.

В сложившихся условиях в число первичных задач нового папы, как и прежде, будут входить миссионерская деятельность, прежде всего, борьба за умы и сердца молодежи. Понтифик неоднократно отмечал, что церковь нуждается в глубоком переосмыслении своей миссии, а католическая вера не должна сводиться к морализаторству, набору правил и запретов и не может уйти от ответа на животрепещущие проблемы современности. Во время своего первого зарубежного визита в Бразилию по случаю проведения XXVIII Всемирных дней молодежи (июль 2013 г.) папа призывал верующих покончить с конформизмом и безразличием, играть более активную роль в политике и общественной жизни, критиковал герметичную и оторванную от масс церковь. В то же время он защищал светское государство, уважающее все религиозные конфессии и культы[16]. По мнению понтифика, католическая церковь должна быть ближе к людям и их проблемам, говорить с верующими более простым и доступным языком, уделять большее внимание пастырской работе с жителями бедных районов и маргинальных кварталов, дать христианский ответ на возникающие во всем мире социальные и политические проблемы, больше внимание уделять проблемам образования, здравоохранения и социального мира. В но-

вых условиях, считает понтифик, необходимо уметь вести диалог с теми, кто начал искать ответы на наболевшие вопросы в новых религиозных сектах или утратил ориентиры и живет без бога и добиться их возвращения в лоно католической церкви. Особые надежды возлагаются на молодежь, которая не должна поддаваться апатии, занимать активную жизненную позицию, интересоваться политикой и социальными проблемами и стать инициатором положительных перемен в обществе.

Очевидно, что церковь, как и другие социальные институты, должна соответствовать запросам общества. По опросам, проведенным среди латиноамериканской паствы, проявление религиозности среди верующих в первую очередь связано с помощью бедным (39%), защитой прав человека (35%) и наличием моральных ориентиров (20%)[17]. Решения Второго Ватиканского Собора и последующие документы Римско-католической церкви уделяли особое внимание бедным и отверженным, призывали к солидарности с народами «третьего мира» и помощи обездоленным. В самых отдаленных уголках планеты работает католическая организация Caritas, а ее основательница мать Тереза причислена к лику святых.

Сразу после интронизации папа Франциск также заявил, что церковь должна быть бедной и для бедных. Еще будучи архиепископом Буэнос-Айреса, он регулярно посещал трущобы, а уже став папой, символически умыл ноги заключенным и больным СПИДом, больше всего нуждающимся в помощи и духовной поддержке. Во время визита в Бразилию понтифик посетил фавелу Варжинья на севере Рио-де-Жанейро — один из самых бедных и криминальных районов города, образно называемый «сектором Газа». В своей проповеди папа Франциск в очередной раз подверг критике социальное неравенство и призвал жителей маргинального квартала не падать духом, не терять надежды в борьбе с бедностью и коррупцией, а состоятельных граждан — покончить с «культурой эгоизма», которая приводит к маргинализации значительной части населения. Папа косвенно поддержал массовые акции протеста, парализовавшие основные города страны незадолго до его визита, когда более миллиона бразильцев вышли на улицы с требованиями более активной борьбы с коррупцией, снижения цен на пользование общественным транспортом и улучшения работы сферы услуг и более рационального использования бюджетных средств[18].

Еще Второй Ватиканский Собор провозгласил личность началом, предметом и целью всех общественных институтов, демократия при-

знавалась лучшей из существующих форм правления, а права человека — высшей ценностью[19]. Католическая церковь активно занималась правозащитной деятельностью в Латинской Америке (особенно в Чили и Сальвадоре) и в Восточной и Центральной Европе (особенно в Польше). Сам будущий папа в период военно-диктаторского режима в Аргентине (1976 — 1983) проводил осторожную политику, стараясь не навредить позиции церкви, открыто не противостоял репрессиям, хотя и укрывал преследуемых оппозиционеров. Один из правозащитников обвинил Х.М.Бергольо в сговоре с хунтой, похитившей в 1976 г. двух священников-иезуитов, однако в процессе рассмотрения этого дела обвинения не подтвердились.

В то же время, будучи по своей сущности консервативным институтом, придерживающимся традиционных ценностей, Римско-католическая церковь сдержанно относится к либеральной демократии, прежде всего к моральному релятивизму, трактующему права человека весьма расширительно. Нельзя не учитывать, что в свое время нынешний понтифик был членом Папского совета по делам семьи и выступал в защиту традиционных ценностей. Церковь по-прежнему выступает за сохранение права на жизнь с момента зачатия и до смерти и отвергает не только аборты и эвтаназию, но и использование противозачаточных средств, исключает разводы. В бытность архиепископом Буэнос-Айреса нынешний папа вступил в открытый конфликт с правительством Аргентины, протестуя против легализации однополых браков, и лично возглавлял демонстрации сторонников традиционной семьи.

Во время пребывания в Бразилии папа воздерживался от оценок сексуальной этики и не касался скандалов, связанных со священниками-педофилами. В то же время во время заключительной пресс-конференции на борту самолета он высказался против дискриминации лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией и провел четкое различие между гомосексуализмом и педофилией, определив их соответственно как грех и как преступление. Папа Франциск осудил т.н. «гей-лобби» в Ватикане и выступил против использования сексуальной ориентации для оказания давления на светские и церковные структуры и отметил, что женщины должны играть более активную роль в деятельности церкви, однако исключил возможность их рукоположения в священники[20].

При посещении Клиники им. Франциска Ассизского папа назвал наркоманию и алкоголизм социальным бедствием, а наркотрафикантов — тор-

говцами смертью и осудил позицию некоторых латиноамериканских правительств, выступающих за легализацию наркотиков. (Клиника по лечению наркоманов — это только один из 60 проектов, реализуемых католической церковью в Бразилии, на который Ватикан выделил 850 тыс. евро)[21].

Первые месяцы пребывания Франциска на папском престоле показали, что в условиях глобальных вызовов и внутренних проблем Римско-католическая церковь готова меняться не только по форме, но и по существу. Несмотря на то, что традиционно Общество Иисуса характеризовалось единоначалием и достаточно жесткой вертикалью власти, новый папа взял курс на коллегиальность управления. Свидетельством этому может стать его призыв к активизации деятельности синодов — собраний представителей католического епископата из различных регионов мира — для обсуждения наиболее дискуссионных проблем церковной деятельности.

Серьезные реформы ожидают и Римскую курию, для ее реформирования создана комиссия из восьми кардиналов под руководством архиепископа Тегусигальпы гондурасца Оскара Андреса Родригеса Мадариаги. Большие кадровые изменения возможны после назначения на ключевой пост государственного секретаря Ватикана в конце августа 2013 г. архиепископа Пьетро Паролина, занимавшего пост папского нунция в Венесуэле. Уже сменилось руководство и начался процесс реорганизации Банка Ватикана.

Нельзя исключить более тесных отношений католицизма с другими конфессиями. Как отмечает британский политолог Адриан Пабст, понтификат Франциска должен способствовать возрождению экуменистических воззрений и достижению в перспективе более широкого и глубокого христианского единства как серьезного подспорья для сторонников идеи интегрального гуманизма и всеобщего блага[22]. За последнее десятилетие Римско-католическая церковь смогла установить диалог с протестантизмом, в первую очередь, с англиканцами и лютеранами, которые за столетия своего существования уже превратились в представителей традиционных религий. Более сложно развиваются ее отношения с РПЦ, которая — обоснованно или нет — обвиняет Ватикан в прозелитизме. Показательно, что на мессе после интронизации папы Франциска присутствовали Вселенский православный патриарх Варфоломей I и представитель РПЦ митрополит Иларион (глава православной церкви впервые посетил инаугурацию Папы Римского после

раскола христианства в 1054 году). Открываются новые возможности и для диалога Римско-католической церкви с представителями других религий.

Новый стиль руководства и личная харизма папы Франциска находят все более широкий отклик у рядовых верующих: по данным социологов, на каждой из его аудиенций в мае и июне 2013 г., несмотря на летний зной, присутствовало до 120 тыс. чел., а на Всемирные дни молодежи в Рио-де-Жанейро в июне 2013 г. приехали 2 млн паломников из более чем 60 стран, 72,7% иностранцев посетили Бразилию впервые. Кульминационным пунктом визита стала заключительная месса на знаменитом четырехкилометровом пляже Копакабана, на которой присутствовали президенты Бразилии, Аргентины и Боливии, 60 кардиналов, 1500 епископов, 11 тыс. священников и 3 млн паломников[23].

Как показывает первый год пребывания папы Франциска на посту главы Римско-католической церкви, его деятельность не вписывается в традиционные политические координаты. В целом можно согласиться с экспертами, определяющими взгляды понтифика как социальный консерватизм. По всей вероятности, нынешний папа будет подчеркивать основополагающую роль христианства, в первую очередь, католицизма, в системе ценностей европейской и латиноамериканской цивилизации. Вряд ли можно ожидать каких-либо изменений в доктрине и догматах Римско-католической церкви. По сравнению со своими предшественниками папа Франциск будет более активно бороться с бедностью и социальной поляризацией, подвергать критике индивидуализм современных западных обществ и рыночные ценности, призывать к коллективизму и солидарности. В целом же, как отмечает А.Пабст, в папе Франциске виден великий объединитель, который сможет преодолеть ложные дуализмы перемен против стабильности, Севера против Юга и реформаторов против традиционалистов. Он согласен с идеей своих предшественников о необходимости возвращения к истокам и поддерживает комплексную теологическую позицию Второго Ватиканского Собора, выступавшего против возрождения неосхоластического католического консерватизма и протестантского секулярного либерализма, за взаимодействие религиозной веры и философской науки[24].

Очевидно, что конклав кардиналов, избравший Х.М.Бергольо Римским Папой, в максимальной степени руководствовался принципами компромисса. Нынешний понтифик — выходец из Латинской Аме-

рики, однако этнический итальянец, занимает традиционалистские позиции по вопросам морали и нравственности, не сторонник радикального реформирования Римско-католической церкви, аскет и консерватор, активно выступающий в защиту бедных и угнетенных, однако отрицает необходимость радикальных преобразований. Папа Франциск занимает сильные позиции в Римской курии, однако не причастен к финансовым, коррупционным и сексуальным злоупотреблениям, подорвавшим престиж католицизма. Он пользуется огромным уважением глав государств и правительств (в том числе и считавшихся его оппонентами), стремится к экуменическому сближению различных течений христианства и открыт для диалога с представителями других конфессий. Руководителям католических государств, в первую очередь, представителям левого спектра, импонирует резкая критика понтификом «дикого капитализма» и его призывы к социальной справедливости. МП

Примечания

1 Biografia del Santo Padre Francesco // www.vatican.va/holy_father/francesco/biography/index_it.htm

2 См.: Латинская Америка. 2013. №7. С.5,18; A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Pop-ulation//www.pewforum.org/Christian/global-christianity-traditions.aspx

3 www.gesuiti.it/nel-mondo

4 Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 161.

5 См. подробнее: Bangert W. Storia della Compagna di Gesщ. Roma, 2009; www.gesuiti.it/la-nostra-storia/compagna-di-gesu

6 Различные оценки деятельности ордена см. в работах: Григулевич И.Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке XVI – XVIII вв. М., 1977; Святловский В.В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVI – XVIII ст. Петербург, 1924; Харитонов В.А. Парагвай. М., 1976. С. 13-15 и др.

7 www.ausjal.org

8 Klaider J. Los jesuitas en Amйrica Latina (1549 – 2000). Lima, 2007.

9 См. подробнее: Коваль Т.Б. Новый Свет Папы Франциска//Латинская Америка. 2013. №7. С.16.

10 Gutiйrrez G. Teologna de la liberaciyn. Perspectivas. Salamanca, 1971; Boff L. Desde el lugar del pobre. Bogotб, 1989; Berryman Ph. Teologna de la liberaciyn: los hechos esenciales en torno al movimiento revolucionario en Amйrica Latina y otros lugares. Mйxico, 1989, etc.

11 См. подробнее: Ратцингер Й. Введение в христианство. М., 2006.

12 Corporaciyn Latinobarymetro. Informe 2011. Santiago de Chile, 2012.

13 См.: Коваль Т.Б. Ук. соч. С.6.

14 Amйrica Latina: el Papa Francisco y el reto de las iglesias evangйlicas// www.infolatam.com/2013/04/04

15 www.ciudadaniasx.org/&09-brasil-iglesias-evangelicas

16 El Pais, Madrid. 29.VII.2013.

17 www.culto.gov.ar/encuestareligion.pdf; (Цит. по: Латинская Америка. 2013. №7. С.8).

18 См. подробнее: Латиноамериканская панорама. Июнь и июль 2013 года //www.ilaran.ru

19 Второй Ватиканский Собор. Конституции, декреты, декларации. Брюссель, 1992. С. 351.

20 El Nuevo Herald. Miami, 29.VII.2013.

21 La Naciyn. Buenos Aires, 07.05.2013; www.be.radiovaticana/news/2013/07/09

22 http: //wpfdc.org/blog/our-columnists/adrian-pabst/18235-pope-francis-ecumenical-engagement-and-integral-humanism

23 www.infolatam.com/2013/06/19/francisco-sigue-llenando-las-plazas-cuando-se-cumplen-100-dias-de-su-papado; www.infolatam.com/2013/07/28/flujo-turistico-en-rio-por-jmj-se-convierte-en-record; El Nuevo Herald, 28.VII.2013.

24 http: //wpfdc.org/blog/our-columnists/adrian-pabst/18235-pope-francis-ecumenical-engagement-and-integral-humanism

Сирийский излом

И.В. Бочарников

То, что происходит в настоящее время в Сирийской арабской республике с полным основанием можно охарактеризовать как крупномасштабный вооруженный конфликт с далеко идущими последствиями, поскольку именно здесь определяется будущее не только Ближневосточного региона, но и Центральной Азии или, оперируя терминологией американских аналитиков — всего Большого Востока.

Или политический режим Б.Асада устоит и будет по-прежнему позиционировать себя в качестве независимого политического актора, или же будет свергнут. И тогда весь регион от Марокко до границ Китая превратится в сплошную дугу нестабильности, о которой еще в начале 90-х годов прошлого столетия мечтали американские аналитики.

В этой полосе нестабильности отдельным островком останется Иран, будущее которого в случае неблагоприятного исхода для руководства Сирии событий, вполне прогнозируемо. Исламская республика также будет подвергнута попыткам «бархатизации», посредством какой-нибудь очередной «цветочно-фруктовой» революции с тем, чтобы соединить в единую цепь погрязший в хаос и конфронтацию арабский мир с талибанизированными Афганистаном и Пакистаном.

Логическим продолжением этой цепи нестабильности с большой вероятностью станет и достаточно проблемный с точки зрения внутриполитической стабильности примыкающий к Афганистану и индийскому штату Джамма и Кашмир Синьцзян-Уйгурский автономный округ Китайской Народной Республики.

И.В. Бочарников, доктор политических наук, проректор по научно-исследовательской работе МГГЭИ, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса

Но это уже большая геостратегия, реализация которой будет возможна, только после того, как окончательно будет решен арабский вопрос. Пока же его решение откладывается на неопределенное время из-за неудач «революционеров» на сирийском направлении.

Все это дает основание считать, что основной целью эскалации напряженности в регионе является дефрагментация политического пространства и разобщение исламского и, прежде всего, арабского мира, инициирование межконфессиональной и межэтнической конфликтности по принципу «разделяй и властвуй». Именно этот древнеримский постулат – divideetimpera – определяет сегодня специфику политических процессов в этом регионе.

Примечательна в этой связи позиция экс-госсекретаря США К.Райс, по мнению которой Запад должен признать, что 100 лет назад установил границы халатно … и что в интересах США принять национальное самоопределение стран вместо того, чтобы ратовать за «глупые и окровавленные» границы, навязанные Западом.

Речь, таким образом, идет о возможности и целесообразности новой перекройки границ, которые должны будут соответствовать теперь интересам,прежде всего, США.То, что эти границы едва ли будут соответствовать интересам народов Ближнего Востока,американскими политтехнологами в расчет не принимается. Более того, эскалация напряженности и генерирование очередных кризисов, арбитром в урегулировании которых будут выступать Соединенные Штаты, предо-

пределяется новой перекройкой границ. И очевидно, именно эта перспектива и является одной из наиболее значимых целей стратегии США в данном регионе.

Через территорию Сирии проходят стратегически важные, в том числе энергетические, коммуникации

Это предполагает возможность манипулирования политическими структурами в регионе, держать их в постоянном напряжении и использовать в своих интересах. Технологией подобного рода манипулирования является стратегия управляемого хаоса, положения которой были разработаны в США еще в 60-х годах прошлого столетия, а сейчас реализуются на практике,в том числе посредством, так называемой арабской весны.Зарубежные СМИ, например и не скрывали, что инициаторами этих событий были определенные круги США и их европейские союзники, преследующих свои интересы.Наиболее отчетливо это проявилось в Ливии, где США и их союзники сыграли решающую роль в свержении политического режима М. Кадафи. Циничное же «В-а-у» госсекретаря США Х. Клинтон после просмотра кадров убийства главы Ливийского государства фактически сорвало маски с истинных заказчиков этих событий.

Еще одной вполне очевидной целью происходящих процессов, как в самой Сирии, так и в целом в странах арабского мира, является насаждение марионеточных режимов, подобно тому, как это осуществлялось во второй половине прошлого столетия в Латинской Америке. И подобно тому, как насаждение марионеточных режимов в Латинской Америке привело к фашизации целого континента, арабская весна уже способствовала приходу к власти радикальных исламистов в Египте и Ливии – ключевых странах арабского Средиземноморья.

По всей видимости «арабская весна» предписана и Сирии, главной виной руководства которой является позиционирование самостоятельности во внешнеполитических вопросах и авторитет в арабском мире.

Помимо этого политический режим Сирии в отличие от большинства стран региона секулярен и действительно пользуется поддержкой большинства населения страны. И это, несмотря на то, что руководство страны относится к так называемой алавитской (одно из направлений шиизма) общине. Хотя сам себя Б.Асад позиционирует в качестве светского политика, не обремененного религиозными догматами.

Эта поддержка обусловлена сохранявшейся на протяжении десятилетий внутриполитической стабильности и благоприятной экономической конъюнктуры, более высоким по сравнению с рядом сопредельных государств уровнем жизни населения. Помимо этого, руководству Сирии на протяжении длительного времени удавалось находить баланс интересов между представителями тех же суннитов и шиитов, а также представителями других конфессий.

Наконец в Сирии курдский вопрос не был так обострен до последнего времени, как в той же Турции или Ираке. Следствием этого очевидно является сопротивление оказываемое повстанцам в курдских провинциях Сирии.

Но, пожалуй, самым главным фактором является то, что через территорию Сирии проходят стратегически важные, в том числе энергетические, коммуникации. На фоне информационного прессинга сирийского руководства для мирового сообщества незамеченным стал факт подписания правительствами Сирии, Ирана и Ирака в июле 2011 года соглашения о газопроводе, который должен стартовать в иранском порту Ассалуйе рядом с газовым месторождением «Южный Парс» в Персидском заливе и протянуться до Дамаска в Сирии через иракскую территорию.

Все это, по мнению политтехнологов США, являлось настолько вызывающе антидемократичным, что необходимо было оперативное вмешательство с тем, чтобы поставить под контроль и ситуацию в Сирии, и особенно транспортно-энергетические коммуникации, проходящие по ее территории.

В силу этого, очевидно, что события в Сирии, — продуманная и принятая к исполнению стратегия, реализуемая независимо от действительного положения дел в этой стране и политики ее руководства.

Для достижения всех этих целей создана беспрецедентная по численности коалиция в составе более чем 130 государств, возглавляемая США. Для сравнения в состав антигитлеровской коалиции на завершающем этапе Второй мировой войны весной 1945 года входило 53 государства, а антииракской 1991 года — 28 государств.

Беспрецедентным является массовое коллективное признание антиправительственных структур. Таким образом, в мировой практике создается опасный прецедент признания легитимности антиправительственных структур в обход ООН. И это, несмотря на то, что сам состав так называемого Сирийского национального совета менялся несколько раз и, очевидно, не один раз еще поменяется.

Примечательно, что в авангарде антисирийской «демократической» коалиции два государства с монархическими средневекового типа режимами —королевство Саудовская Аравия и эмират Катар. Именно эти две страны с начала арабской весны занимают активнейшую позицию по радикальному преобразованию современного арабского мира. Наиболее отчетливо это проявилось в ливийских событиях, когда Катар и Саудовская Аравия не только добровольно взяли на себя функции финансирования, формирования и оснащения вооружением повстанческих группировок, но и пользуясь своим влиянием в Лиге арабских государств (ЛАГ) фактически инициировали внешнее вмешательство в гражданскую войну в Ливии. Именно по просьбе ЛАГ, а точнее Катара и Саудовской Аравии, Совет Безопасности санкционировал установление в воздушном пространстве Ливии режима «noflyzone» (бесполетная зона), ставшего прикрытием для нанесения ракетно-бомбовых ударов НАТО по ливийским правительственным войскам. По аналогичному сценарию должны были развиваться и события в Сирии, но здесь катарско-саудовские инициативы потерпели фиаско по причине неприятия их Россией и Китаем.

Позиция Саудовской Аравии и Катара, вполне объяснима.Или руководство этих стран будет безоговорочно поддерживать демократические ценности США, и способствовать их продвижению на территории сопредельных государств или же они сами будут подвергнуты демократизации.

На территории Катара, например, находится один из крупнейших военных объектов США за рубежом —военно-воздушная база Эль-Удейд, расположенная южнее столицы Катара Дохи. Эта база использовалась во всех действиях авиации США против Ирака, а с 2001 года по настоящее время является мостом для обеспечения боевых действий войск западной коалиции в Афганистане. На этой же базе с 2003 года дислоцируется Центр управления воздушными операциями Объединенного центрального командования США.

Таким образом, эмират Катар, по сути, является основным военно-политическим плацдармом Соединенных Штатов. И его суверенность заканчивается там, где начинаются интересы США. Хотя в отличие от других американских сателлитов, Катару по ряду направлений разрешается все же несколько больше. Например, иметь радиостанцию («Аль Джазира») периодически позиционирующую свой антиамериканизм.

Помимо этого, руководство Катара фактически открыто поддерживает отношения с талибами Афганистана и Пакистана, что для любого другого государства автоматически стало бы основанием для обвинения в поддержке терроризма. Используется территория эмирата и для укрытия террористов, в том числе чеченских. Не случайно именно здесь нашел свое последнее пристанище один из лидеров криминального сепаратистского режима З. Яндарбиев. Эти и другие факты во многом объясняет радикализм катарского руководства в отношении Сирии.

Аналогичным образом объясняется и позиция Саудовской Аравии, тесные союзнические отношения которой с США сложились еще в начале 1950-х годов. Для правящей королевской династии Аль Саудов это стало гарантией нахождения у власти. Исходя из этого, на протяжении более полувека эта страна была основным плацдармом продвижения интересов США не только на Ближнем Востоке, но и в Центральной Азии. Именно отсюда шло финансирование и вооружение афганских моджахедов в 80-х годах прошлого столетия. С помощью Саудовской Аравии США в тот же период обрушили мировые цены на нефть, сделав нерентабельной его добычу в Советском Союзе, что спровоцировало системный кризис сначала в экономике, а затем и политической системы СССР. Таким образом, США в определенной степени своей победой в «холодной войне» обязаны именно Саудовской Аравии. Активно поддерживала Саудовская Аравия США и в антииракских компаниях, вплоть до 2003 года, когда руководство страны под давлением исламских фундаменталистов потребовало вывода американских войск.

Эмират Катар, по сути, является основным военно-политическим плацдармом Соединенных Штатов

С начала арабской весны Саудовская Аравия активно включилась в происходящие в ее рамках процессы. Хотя отношение королевской семьи к свергнутым в ходе нее режимам было неоднозначным: от поддержки Х.Мубарака в Египте и нейтрального в Тунисе (Бен Али даже получил убежище на территории Саудовской Аравии) до полного неприятия М.Кадафи. Столь же радикально неприятие и правительства Б.Асада.

Следует отметить, что в сирийском кризисе руководство Катара и Саудовской Аравии преследует и свои собственные интересы.

Прежде всего,ни Катар, ни особенно Саудовскую Аравию не устраивает влияние Сирии в арабском мире, в том числе в вопросах палестино-израильского противостояния.Сирия, например, до сих пор находится в состоянии войны с еврейским государством, в то время как, и Катар, и Саудовская Аравия фактически устранились от процессов арабо-израильского урегулирования. И именно на территории Сирии, равно как в и Ливане развернуты лагеря палестинских беженцев. В то время, как ни в Катаре, ни в Саудовской Аравии их нет и не будет, поскольку это едва ли разрешат их американские союзники.

Ахиллесовой пятой для Саудовской Аравии является зависимость проводимой политики от абсолютизма правящей династии

Не устраивает правящие режимы Катара и Саудовской Аравии и светский характер государственной власти Сирии. Помимо того, что Б.Асад позиционирует свою светскость, он еще и представляет алавитскую общину. В Саудовской Аравии и Катаре господствующей религией является одно из наиболее радикальных ответвлений суннизма – ваххабизм (кроме Катара и Саудовской Аравии, это направление ислама исповедуют также талибы Афганистана).

Немаловажным фактором является и то, что Катар претендует на часть газового месторождения в районе Южного Парса, поэтому руководству эмирата не безразлично в каком направлении пойдут экспортные потоки с этого месторождения.

Это особенно важно с учетом того, что в последние годы, Катар динамично развивается. По данным специалистов британской аудиторской фирмы Ernst&Young (E&Y) и института OxfordEconomics, экономика Катара признана самой быстрорастущая за десятилетие (2000 – 2010 гг.) со среднегодовым ростом реального ВВП в размере 13 %. Уже сейчас Катар признан самой богатой страной исламского мира. При этом объем ВВП на душу населения составляет более 98 тыс. дол. (для сравнения: в России по итогам 2011 года – $16 700, в США – $48 400, в Германии – $37 900).

В отличие от Катара, у Саудовской Аравии в последние годы обозначились проблемы,прежде всего, экономического характера. Королевство по-прежнему является одним из основных экспортеров нефти, Но в отличие от того же Катара рост ВВП составляет всего лишь

4%.При этом уровень безработицы в Саудовской Аравии составляет порядка 20 %, а среди совершеннолетней молодежи — более 40%.

Это свидетельствует о том, что экономическое благополучие, обеспечивавшее политическую стабильность в королевстве, достаточно шаткое. Доходы от экспорта нефти, пока позволяют правящей династии удерживать ситуацию под контролем. Экспорт нефти составляет 95% экспорта и 75% доходов страны, давая возможность поддерживать государство всеобщего благосостояния. Но сколь угодно долго это продолжаться не может. По мнению экспертов, запасы нефти, которые делали Саудовскую Аравию глобальным геополитическим игроком, оказались завышенными в своей оценке примерно на 40%, а возможности страны наращивать добычу — ограниченными.

Ситуацию осложняет также и то, что наряду с экономическими требованиями, начинают озвучиваться иполитические. Так, в ходе демонстраций и протестов в Эр-Рияде и других городах страны в феврале 2011 года (буквально в преддверии сирийских событий) уже были озвучены требования соблюдения принципов независимости судебной и законодательной власти, равных прав для женщин, социальной справедливости и перераспределения доходов от нефти в пользу населения страны. Только лишь жесточайшее подавление и репрессии не позволили протестам обрести более масштабный характер. Но проблема не решена, а загнана внутрь, и она вновь обострится при малейшем ослаблении репрессий.

Ахиллесовой пятой для Саудовской Аравии является зависимость проводимой политики от абсолютизма правящей династии. Все решения принимаются исключительно главой государства — королем.На фоне информации о состоянии здоровья главы государства — 88-летнего короля Абдаллы внимание экспертов привлекает фигура наследного принца 78-летнего Салмана, который также не отличается крепким здоровьем. При этом кронпринцем Салман стал всего лишь в июне 2012 года, после смерти предыдущего наследника 78-летнего принца Наифа. Таким образом, важнейшей спецификой правящего режима является старение, что свидетельствует о крайней неустойчивости политической системы Саудовской Аравии, возможности политических потрясений на фоне предстоящей борьбы за власть.

Все это позволяет считать, что ведущую роль в тандеме модераторов арабской весны играет все же Катар. Именно на его территории проис-

ходили все наиболее значимые события, связанные с оформлением и структурированием сирийской оппозиции. Неслучайно и сама антисирийская коалиция получила название Доховской по названию столицы этого государства.

Что же касается Саудовской Аравии, то перспективы ее развития далеко не так однозначны, особенно на фоне «неспокойных» восточных провинций страны, где преобладающим населением являются шииты. С учетом же того, что именно эти провинции наиболее богаты нефтью, вполне вероятна постановка вопроса о демократичности самой Саудовской Аравии и целесообразности реализации в отношении нее принципа «divide et impera». В результате может случиться так, что королевская семья Саудовская Аравия, столь много сделавшая для арабской весны, эту же весну может принести и в свою страну.

Активное участие в сирийском конфликте принимает и Турция. Именно через ее территорию силы оппозиции снабжаются оружием и боеприпасами. В Турции созданы не только лагеря для беженцев из Сирии, но и организованы базы отдыха для боевиков, а раненых лечат в госпиталях турецкой армии. Известно, что в Турции находится центр по подготовке сирийских боевиков, военным обучением которых занимаются турецкие офицеры. В распределении оружия принимают участие сотрудники ЦРУ, специально посланные в Турцию.

Откровенно враждебная позиция Турции по отношению к Сирии выразилась в провокационном обострении ситуации на турецко-сирийской границе в первой декаде октября 2012 года. В результате попадания минометного снаряда, выпущенного с сирийской территории, в жилой дом в приграничном селении погибла турецкая семья из пяти человек. Сирийские власти принесли свои соболезнования и начали расследование инцидента, так как обстрел турецкого населенного пункта велся с территории, контролируемой сирийскими антиправительственными вооруженными группировками. Однако турецкие власти сразу обвинили в обстреле сирийские правительственные войска и ответили артиллерийским обстрелом, в результате которого погибли несколько сирийских военнослужащих. Затем по просьбе Турции было созвано экстренное совещание Совета НАТО, которое также осудило «агрессивные действия Сирии». Генсек НАТО А.Расмуссен заявил, что у альянса имеется план военных действий по «защите Турции, как члена НАТО» в соответствии со ст. 5 его устава. В свою очередь, турецкий

парламент на внеочередном заседании принял решение, дающее право турецкой армии вести боевые операции за пределами страны, что предоставляет возможность начать военные действия против Сирии в любой подходящий момент.

Активное участие в сирийском конфликте принимает и Турция

Все это свидетельствует о предна-меренности эскалации напряженности турецко-сирийских отношений. Причиной этого является с одной стороны солидарность руководства Турции, представленного умеренными исламистами (премьер-министр и президент Турции — выходцы из турецкой ассоциации «Братьев-мусульман») с суннитскими монархиями Персидского залива (Катаром и Саудовской Аравией), а с другой —попытка позиционировать себя в качестве регионального лидера. И, если для Саудовской Аравии идеей фикс является возрождение арабского халифата, то для Турции характерно в последнее время реанимация идей пантюркизма.

Следует отметить, что, несмотря на заверения о неизменности светских устоев государственности, происламское руководство Турции все чаще позиционирует себя в качестве регионального центра мусульманского мира. Не случаен в этой связи и арест под предлогом обвинений в попытке государственного переворота армейской верхушки, осознающей пагубность процессов исламизации Турции.

Существенно и то, что Турция — единственный член НАТО в регионе, поэтому турецкое руководство вынуждено реализовывать решения руководящих органов Североатлантического альянса, вне зависимости от того насколько они соответствуют национальным интересам. Именно этим, например, объясняется решение о размещении на турецко-сирийской границе дивизионов ракет зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот».

Примечательно, что, несмотря, на очевидную абсурдность обвинений против Сирии НАТО все же подхватило эту дезинформацию с целью обоснования размещения на приграничных районах Турции зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот». Обращает на себя внимание тот факт, что ракетные комплексы разворачиваются в соответствии с утвержденным еще в 2007 году оперативным планом под названием «Активный забор» (activefence), когда ни о какой арабской весне, в том числе

на территории Сирии, и речи быть не могло. О далеко идущих планах стратегов НАТО свидетельствует и перенос командного центра сухопутных сил НАТО в Турцию (г.Измир).

Поддержка Турцией сирийских повстанцев фактически денонсировало имевшиеся по этому вопросу договоренности

Очевидно, что установка ракетных комплексов «Пэтриот», равно как и передислокация в Турцию командного центра сухопутных войск НАТО ориентированы на поражение отнюдь не сирийских воздушных целей. В регионе остается только один субъект международных отношений, с которым американцы и их союзники ничего не могут поделать, несмотря на внешнюю фактическую политико-экономическую блокаду и попытки дестабилизировать внутриполитическую ситуацию — это Исламская Республика Иран. Именно на поражение ее целей в перспективе и ориентировано размещение в Турции комплексов «Пэтриот». А это означает, что уже в ходе эскалации сирийского кризиса США и их союзники уже планируют нанесение ударов по Ирану. И Турции в этом отводится одна из ключевых ролей — принять на себя ответный удар Ирана.

Таким образом, руководство Турции, пытаясь решить проекты своего регионального лидерства, фактически ставит под угрозу безопасность и суверенитет страны.

В данном случае очевидно игнорирование исторических уроков. В 1914 году, например, Османская империя, под воздействием немецкой агентуры и младотюрков вошла в состав антиантантовской коалиции, приняв активное участие в первой мировой войне. Итогом стало то, что уже в 1915 году она оказалась на грани исчезновения. И только лишь позиция первого президента Турецкой Республики КемаляАтатюрка, взявшего курс на отказ от идеологии пантюркизма и поддержание бесконфликтных отношений с сопредельными странами, помощь Советской России, первой признавшей Турецкую Республику и отказавшейся в 1921 году от договоров царского правительства, в том числе по территориальным вопросам, предотвратили коллапс турецкой государственности.

На исходе 90-года своей новой государственности в Турции идет реставрация пантюркизма. При этом обеспечивавшая свое благосостояние за счет челноков и туристов турецкое руководство стремится обеспечить

своей стране роль регионального лидера. Цель более чем иллюзорная. Этого не будет. Прежде всего, потому, что это не входит в планы союзников. Турция может быть, выражаясь словами Дж. Орруэла, только чуть «ровнее среди равных», но не более. Претензии же ее на лидерство будут подавляться самими же союзниками, прежде всего США.

Достаточно уязвимы позиции руководства Турции и внутри страны. Значительная часть населения не поддерживает антисирийской политики своего руководства. Это подтверждают массовые антивоенные демонстрации, критические высказывания в прессе представителей парламентской оппозиции. Такие настроения вполне объяснимы. Наряду с экономическими потерями от свертывания отношений с Сирией, подобная политика грозит Турции ростом внутренней нестабильности.

Но, пожалуй, наиболее значимой проблемой, с которой руководство Турции сталкивается в процессе своей безоговорочной поддержки сирийских повстанцев — это консолидация курдских политических организаций региона.

На севере Ирака уже создан фактически независимый Курдистан со столицей в Эрбиле. Аналогичные процессы автономизации курдских провинций идут и на территории Сирии. До начала событий в Сирии правительствами двух стран в целом успешно реализовывалась политика по пресечению курдского сепаратизма. Поддержка Турцией сирийских повстанцев фактически денонсировало имевшиеся по этому вопросу договоренности.

Более того, с учетом складывающейся ситуации, по мнению экспертов, официальный Дамаск фактически не препятствует обособлению сирийских курдов, рассматривая их как потенциальных союзников. И они действительно таковыми уже стали. В ноябре 2012 года на переговорах в Ираке сторонники Курдского Национального совета и Народного совета Западного Курдистана договорились о совместной борьбе против вооруженных повстанцев из Сирийской свободной армии. В настоящее время северные, приграничные с Турцией, провинции Сирии контролируются курдскими ополченцами. В боях же за г.Алеппо курдские кварталы были очищены от повстанцев фактически без помощи правительственных войск.

Как считают аналитики, в обмен на лояльность со стороны курдских общин Б.Асад готов согласиться на любую степень автономии для них — а это главное чего добиваются представители курдских политических структур не только в Сирии, но и за ее пределами.

Перспективой развития данной ситуации может стать активизация действий Рабочей партии Курдистана, ведущей борьбу за отделение восточных территорий от Турции. Таким образом, боевые действия будут происходить уже на территории самой Турции. И это так же будет одним из результатов безоговорочной поддержки турецким руководством антиправительственного мятежа на территории сопредельной Сирии.

Активное участие в сирийских событиях проявляют и ведущие европейские страны, прежде всего из категории, так называемой «евротройки» (Великобритания, Франция, Германия).

Примечательно, что как и в ливийских событиях наиболее активную позицию по поддержке антиправительственных вооруженных формирований занимает руководство Франции. Но, если, в Ливии это участие было обусловлено информацией о финансировании режимом М.Кадафи президентской кампании Н.Саркози, то агрессивность нынешнего правящего французского режима в сирийских событиях у экспертов вызывает недоумение. В этой связи заслуживает внимание позиция американского профессора В. Энгдала, по мнению которого, Франция в сирийских событиях играет роль приспешника США. Исторически французская правящая элита, по его словам, начиная с Наполеона, всегда стремилась в международном плане добиться положения, которое не соответствовало ее возможностям. По всей видимости, В.Энгдал, действительно прав указывая на страх французской политической элиты оказаться на обочине политической истории. И этот страх еще более обострился после знаменательных слов К.Райс «простить Россию, проигнорировать Германию, наказать Францию», когда руководство этих стран выступило против немотивированной агрессии США и Великобритании против Ирака в 2003 году. Выводы, очевидно, были сделаны и, прежде всего, руководством Франции, возглавившим крестовые походы против Ливии и Сирии.

Буквально на следующий день после формирования в Катаре Национальной коалиции оппозиции и революционных сил (12 ноября 2012 года) Франция признала ее единственным законным представителем сирийского народа. Помимо этого было принято решение о выделении ей финансовой помощи в размере 1,2 миллиона евро. Ранее, еще в августе президент Франции выступил с инициативой о прямой интервенции международных сил в Сирию. Позднее об установлении бесполетных зон по примеру Ливии, а также о вооружении сирийской оппозиции

«оборонительным» оружием. Все эти инициативы французского президента явились настолько радикальными, что не нашли отклика даже у ближайших союзников по НАТО, а также в руководстве Евросоюза.

Выводы из событий десятилетней давности были сделаны и руководством Германии, поскольку именно с ее территории были передислоцированы две батареи ЗРК «Пэтриот», и именно немецкие солдаты будут их обслуживать. Таким образом, Германия постепенно вовлекается, если не непосредственно в сирийский конфликт, то в перспективные процессы эскалации напряженности.

Активное участие в сирийских событиях проявляют и ведущие европейские страны так называемой «евротройки»

На фоне активности своих ближайших европейских союзников руководство Великобритании ведет себя более сдержанно. Признание Национальной коалиции оппозиции и революционных сил, например, произошло только лишь 20 ноября 2012 года, после признания ее Евросоюзом. Инициативы же по поддержке оппозиции ограничились предложением о сокращении срока эмбарго на поставку вооружений в Сирию с года, как это было ранее, до трех месяцев, то есть до 1 марта 2013 года, в надежде на то, что к этому времени правительство Б.Асада будет свергнуто.

12 декабря 2012 года на очередной (четвертой) встрече друзей Сирии в Маракеше (Марокко) Национальную коалицию оппозиции и революционных сил, наконец-то признали и США.

Но еще задолго до этого признания, США и их военное ведомство, Пентагон начали оказывать активную поддержку сирийским повстанцам. При этом помощь оказывалась как напрямую, в виде поставок мятежникам средств связи и коммуникации, так и через своих союзников, прежде всего Катар, который фактически является арсеналом США на Ближнем Востоке.

В то же время, осознавая опасность попадания оружия экстремистским структурам США, стремятся обезопасить свой имидж. В этой связи главным требованием к Катару является то, чтобы это оружием не имело американское происхождение, то есть не было бы произведено в США. Вместе с тем американцы отчетливо понимают, что правительственным войскам в Сирии противостоят далеко не романтики. Ос-

нову вооруженных формирований оппозиции составляют радикальные исламисты, для которых война давно уже стала профессий и именно они составляют сегодня основу разрозненных вооруженных формирований оппозиции, и именно на них возлагается миссия по утверждению демократических ценностей в Сирии.

Главная роль в свержении правящего режима Б. Асада отводится вооруженным оппозиционным группировкам

В целом же очевидно, что США, несмотря на то, что их роль в сирийских, да и в целом в арабских, событиях, не столь явна, все же играют в них ведущую роль. Очевидно, что безведома США, ни одна из стран, не решились бы на открытую поддержку вооруженной антиправительственной оппозиции.

По всей видимости, США успешно освоили китайские стратагемы, в том числе, и такую, как: «тигр находится над схваткой». Не вмешиваясь открыто в сирийский конфликт, они, тем не менее, контролируют все происходящие в рамках его процессы и координируют действия своих союзников.

Что же касается открытого вмешательства в конфликт, то оно, по мнению американских экспертов, является преждевременным. Более того, администрация США неоднократно заявляла, что не намерена проводить военную интервенцию в Сирию. Хотя эта позиция в любой момент может быть подвергнута пересмотру, о чем свидетельствуют заявления официальных лиц о том, что руководство США рассматривает все возможные варианты урегулирования ситуации.

Показательна в этом плане принятая сенатом США поправка к оборонному бюджету на 2013 год, в котором предусмотрена возможность военного вмешательства в конфликт в Сирии. Поправка обязывает военное ведомство США в течение нескольких месяцев подготовить официальный доклад, оценив, какие шаги могут быть предприняты для того, чтобы лишить режим Б.Асада преимущества в использовании авиации.

По мнению авторов поправки, сенаторов Дж. Маккейна и Дж.Либермана, администрация США до сих пор не предприняла никаких реальных действий для смены режима в Сирии, так что поручение, данное Пентагону, всего лишь позволит «разумно оценить» перспективы военного вмешательства в конфликт.

Среди сценариев, обнародованных авторами законопроекта, объявление Сирии «зоной, закрытой для полетов», размещение батарей Пэтриот в соседних государствах и отправка в регион подразделений американских ВВС для борьбы с сирийской авиацией. Следует отметить, что из этих рекомендаций стала выполняться задолго до обсуждения в американском сенате. Так, еще в начале декабря прошлого года в восточную часть Средиземного моря во главе морской стратегической группы ВМС США прибыл ударный многоцелевой атомный авианосец «Дуайт Эйзенхауэр». В настоящее время он находится в непосредственной близости от берегов Сирии. На борту авианосца находятся 70 истребителей-бомбардировщиков, общее число моряков, летчиков и морских пехотинцев, находящихся на его борту, достигает 8 тысяч. «Дуайт Эйзенхауэр» присоединился к находящемуся уже почти две недели у берегов Сирии десантному вертолетоносцу «Иводзима».

После прибытия авианосца развернутая в восточном Средиземноморье морская стратегическая группировка насчитывает сейчас 17 кораблей, в состав которой также входят крейсер с крылатыми ракетами на борту, десять эсминцев и фрегатов. Четыре корабля имеют на вооружении многофункциональные системы ПРО «Иджис». С приходом авианосца «Дуайт Эйзенхауэр» общее число американских военнослужащих, находящихся на боевых кораблях в непосредственной близости от берегов Сирии, достигло десяти тысяч.

Таким образом, налицо не только явная демонстрация силы, но и подготовка к вторжению, которое состоится не в случае применения правительством Сирии химического оружия это очевидная дезинформационная утка, рассчитанная на американского и европейского обывателя. Вторжение состоится только тогда, когда система ПВО Сирии будет не способна противостоять американским ракетно-бомбовым ударам, а их потери в живой силе будут минимизированы.

Пока же главная роль в свержении правящего режима Б.Асада отводится вооруженным оппозиционным группировкам, общая численность которых — от 40 до 60 тыс. человек. И в отличие от правительственной армии, личный состав так называемой Сирийской свободной армии постоянно пополняется исламскими радикал-боевиками не только с Ближнего Востока, но и из Афганистана, Пакистана, Европы. По официальным сведениям, сирийские власти в октябре текущего года пе-

редали в Совет Безопасности ООН сто восемь имен иностранных наемников, захваченных в плен и убитых в Сирии. В ноябре новый список составил уже сто сорок восемь человек.

Присутствие в Сирии членов «Аль-Каиды» подтверждают и представители американской администрации. В частности, министр обороны США Л.Панетта в интервью Euronews в мае 2012 года признал факт нахождения в составе вооруженной оппозиции представителей Аль-Каиды. Более того, уже в декабре текущего года Госдепартамент США признал террористической одну из наиболее эффективных группировок сирийской оппозиции «Джабхат-аль-Нусра».

В основе действий повстанцев так называемая «тактика ос» — жалят немногочисленными группами по всей территории страны, вынуждая правительственные войска распылять силы. По сути дела на территории Сирии развернута диверсионно-террористическая война, основными способами ведения которой являются: убийства видных общественных и государственных деятелей лояльных правящему режиму, практически ежедневные террористические акты в отношении мирного населения, нарушение жизненно-важной инфраструктуры и т.д.

Так, например, в ноябре 2012 года после многократных попыток мятежникам все же удалось взорвать Хомский нефтеперегонный комбинат, обеспечивавший 45% потребностей Сирии в нефтепродуктах.

Объектами диверсий становятся не только промышленные предприятия, но и культовые сооружения. Так, например, в октябре в Интернете появилась видеозапись о подрыве боевиками ССА мечети в г. Аллеппо. В комментариях к записи было сказано, что видеозапись размещена в сети один из боевиков ССА, который не мог согласиться с тем, что сделали его соратники. Достоянием гласности стали и шокирующие факты истязаний пленных солдат правительственных войск 1 ноября 2012 года, опубликованный на видеоресурсеYouTube. В комментариях к записи указано, что военные были захвачены на контрольно-пропускном пункте вблизи Саракиба, и что были казнены 28 человек.

Очевидно, мятежники чрезвычайно уверены в своей безнаказанности, тем более что информационное прикрытие их действий обеспечивают такие гиганты масс-медиа как CNN. Именно в новостях CNN, например, прозвучало, а затем было растиражировано информация о том, что мечеть в Аллеппо была разрушена авиаударами правитель-

ственных войск. Все это напоминает события августа 2008 года, когда дикторы того же телесиндиката демонстрируя разрушения в Цхинвале говорили о том, что это г.Гори разрушенный ударами российской авиации.

В целом действия повстанцев в Сирии все больше напоминают тактику действий чеченских бандформирований на территории России. Во многом это объясняется тем, что социальный состав и тех и других структур фактически однороден. Как и на Северном Кавказе, основу банформирований в Сирии составляют наемники.

Соответственно и методы у сирийских повстанцев практически те же: подрывы, теракты, провокации и т.д. Демонстрацией схожести действий повстанцев Сирийской свободной армии и борцов за свободу Ичкерии является и так называемый бизнес на крови. Но если у чеченских полевых командиров этот бизнес был поставлен на поток, то сирийские полевые командиры в этом направлении делают пока только первые шаги. Свидетельством этому является запрошенный за похищенную украинскую журналистку А.Докиеву выкуп в размере 50 млн. дол. На Западе это пока не воспринято в качестве резонансного события очевидно потому, что А.Докиева гражданка Украины, а не Франции, Великобритании или США. Хотя судя по тому, что 17 декабря были похищены двое граждан Российской Федерации и один гражданин Италии бизнес на крови на территориях, подконтрольных сирийской вооруженной оппозиции начинает набирать обороты.

Взять столицу Сирии повстанцам не удается, да и не удастся без внешнего вмешательства. А оно может быть посредством использования спецподразделений «стран-друзей» повстанцев. То есть речь в данном случае идет о возможности задействования регулярных воинских формирований, пусть даже и иностранных. Это является важнейшим условием победы повстанцев в сирийском конфликте. Самим же им добиться победы над регулярными правительственными войсками едва ли удастся. В то же время и правительственные войска едва ли достигнут победы над вооруженными формированиями оппозиции, если не противопоставят им столь же иррегулярные формирования, то есть аналог народного ополчения или партизанского движения.

Пока же противоборствующие стороны не могут или не хотят использовать данные ресурсы. Что и предопределяет затянувшийся характер конфликта. МП

Россия – Бразилия: богатые традиции, хорошее настоящее и перспективное будущее

А.И. Сизоненко

В последние годы название «Бразилия» все чаще и чаще на слуху в России. Эту далекую и во многом еще экзотичную страну Южной Америки посещали наши руководители В.В.Путин и Д.А.Медведев, а в Москву приезжали бразильские президенты Игнасио да Силва Лула и Зелма Роусефф, Бразилия стала главным торговым партнером России в этой части света, между ними активно развивается научно-техническое сотрудничество в том числе за счет появления в нем новых форм, крепнут культурные и научные связи.

Однако уровень российско-бразильского сотрудничества не ограничивается только двусторонними контактами, обе страны тесно взаимодействуют в БРИКС, тем самым выходя на новые горизонты международных отношений. Значимость всего этого сотрудничества тем более повышается, если иметь в виду тот факт, что Бразилия входит в список семи наиболее развитых экономик мира (Россия в него пока не входит).

Особенно важно отметить, что характеру сотрудничества России и Бразилии присущи дух взаимопонимания, желания двигаться дальше и выходить на новые рубежи деловых контактов, опирающиеся на прагматизм и соответствие своим национальным интересам. Если обозревать феномен российско-бразильских отношений, то нельзя не напомнить и об их истоках и интересных традициях, берущих начало еще в XVIII в. и далеко не всегда известных у нас. Любопытно, что еще во времена Петра I со стороны группы иностранных купцов в адрес царя поступали

А.И. Сизоненко доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН

предложения взять во владение, а по сути дела просто захватить, часть «бесхозной» бразильской территории, тогда португальской колонии. Такие предложения поступали со стороны иностранных коммерсантов и после смерти Петра I. Явно отдававшие авантюризмом все эти предложения российской стороной были отвергнуты. В связи с этим подчеркнем, что как в данном случае, так и других, Россия не только отказалась от захвата каких-либо колониальных владений в Латинской Америке, но и никогда их там и не имела, в отличие от целого ряда европейских держав.

Что же касается первых двусторонних чисто «человеческих» контактов, то они состоялись во второй половине XXVIII в., когда в Бразилии побывали русские моряки, проходившие практику на английских судах. Россия проявляла интерес к этой далекой стране, к ее, как тогда говорили «колониальным» товарам. А в Бразилии, несмотря на тысячи миль, разделявших эту страну от России, с чувствами симпатии и поддержки следили за борьбой русского народа против нашествия Наполеона. Там, в Бразилии, не забывали, что в 1807 г. адмирал Д.Сенявин, командовавший русской эскадрой, стоявшей в порту Лиссабона, несмотря на давление Наполеона и англичан, выпустил в Атлантике почти весь португальский флот, который ушел в Бразилию.

В 1828 г. Бразилия стала первым из получивших независимость стран Латинской Америки, которую признала Россия и установила с ней дипломатические отношения. В те же 20-е годы серьезный вклад в изучение Бразилии внес русский ботаник и этнограф Г.Лангсдорф.

После Октября 1917 г. дипотношения между обеими странами были прерваны на два с лишним десятилетия

Потом уже не раз, и не два Бразилию посещали русские мореплаватели, оставившие об этом интересные записки и воспоминания. А в 1867 г. Россию посетил бразильский император Педру П. Формат этого посещения был необычным: бразильский правитель путешествовал по Европе в неформальном порядке, как… турист. После Петербурга и Киева Педру П посетил Ливадию, где его тепло приняла отдыхавшая там царская фамилия.

В начале XX в. контакты двух стран поднялись на более высокий уровень: Бразилии в числе других латиноамериканских стран приняла участие во 2-ой конференции мира в Гааге, одним из инициаторов которой была Россия. Со второй половины X1X в. в Россию пошли продукты бразильского экспорта: кофе, сахар, пряности. Тогда же зародились и культурные связи: одними из первых здесь стали гастроли в Бразилии в 80-е гг. знаменитого в то время русского певца-тенора Николая Фигнера. В Бразилии стали известными имена и произведения Л.Толстого, Ф.Достоевского, М.Горького.

В те же времена в Бразилию переселились из России тысячи россиян, внесших существенный вклад в развитие сельского хозяйства этой страны. Напомним, что во время 1-ой мировой войны Бразилия и Россия выступали вместе в рядах Антанты.

Таким образом более чем очевидно, что на основе приведенных фактов (а их список можно расширить) в российско-бразильских отношениях накопился определенный опыт еще до 1-ой мировой войны сложились положительные традиции, крепли дружеские связи народов обеих стран. Это, в свою очередь, подчеркивало, что обе страны стремятся к развитию контактов, хотят расширить их круг.

К сожалению, после Октября 1917 г. дипотношения между обеими странами были прерваны на два с лишним десятилетия. Однако несмотря на это контакты продолжались через советское акционерное обще-

ство «Южамторг» (его главная контора находилась в Буэнос-Айресе), шла небольшая торговля, в культурно-научном плане наиболее заметное место заняла поездка по Бразилии в начале 1933 г. знаменитого советского ботаника-генетика академика Н.И.Вавилова. И совсем у нас малоизвестно, что второй знаменитый беспосадочный перелет в США в 1937 г. советских летчиков под командой М.Громова мог бы состояться вовсе не в США, а в Бразилию. Так его намечал Громов, но тогдашние бразильские власти, явно встревоженные народным восстанием в стране в 1935 г., не дали разрешения на этот перелет.

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, широкие народные массы и прогрессивные организации в Бразилии выступили в поддержку СССР. Вскоре войну Германии объявила и Бразилия, вступив в вооруженную борьбу против держав «оси» и отправив в 1943 г. в Африку бразильский экспедиционный корпус, перенесший затем свои боевые действия на территорию Италии и оплатив победу тысячами погибших солдат этого корпуса[1].

Став союзником СССР в годы войны, Бразилия предложила ему восстановить дипотношения, что и было сделано 2 апреля 1945 г. К сожалению, в разгар «холодной войны» в 1947 г. они вновь были прерваны и только в 1961 г. были окончательно восстановлены. Приятно отметить, что важную роль в том событии сыграл наш первый космонавт Ю.Гагарин, побывавший в стране в 1961 г., где вручил Президенту страны Послание Верховного Совета СССР.

С тех пор отношения наших двух стран не прерывались. Этот пространный экскурс в историю мы предприняли не только ради знакомства с тем периодом. На наш взгляд, сейчас, когда мы говорим об устранении идеологических барьеров, очень важно подчеркнуть, что наши нынешние отношения значительно быстрее и активнее развиваются во многом и в силу тех добрых традиций, которые лежали и лежат в основе отношений России с той же Бразилией. Но не нужно думать, что все активизировалось только в связи с исчезновением идеологических препон. За те 30 лет, что оставались с 1961 г. до распада СССР они вместили в себя достаточно емкий комплекс межгосударственных связей, естественно ограничивавшихся пределами характером времен 60-90-х гг., сотрудничество в ООН и других международных организациях, оживилась торговля: в Советский Союз стали поступать бразильские кофе и сахар, с большим успехом прошла

советская национальная выставка в Рио-де-Жанейро. Довольно быстро развивались спортивные контакты, несколько раз встречались сборные двух стран по футболу, в Бразилию приглашались прославленные советские спортсмены — вратарь Л.Яшин и гребец В.Иванов.

В целом итоги развития советско-бразильских отношений к концу 1991 г. можно расценить как положительные, исходившие как из тогдашних потребностей, так и их реальных возможностей. В результате обе стороны сумели сохранить положительный настрой на их дальнейшее развитие. Это стремление в целом успешно развертывается в наши дни, когда и Россия и Бразилия, вступив в новый этап своего развития, опираясь на прагматизм и свои национальные интересы, на доброжелательную в их отношениях атмосферу, демонстрируют, что можно добиться в таких условиях.

Изменения в отношениях России и Бразилии начали происходить после визита в Бразилию в 1997 г. Е.М.Примакова, позже они пошли по самым разным направлениям, обогащаясь новыми формами (встречи и переговоры на высшем уровне), быстрым ростом товарооборота и его диверсификацией, постепенным приближением к сотрудничеству в будущем БРИКС и др. Особо следует сказать и о помощи России в подготовке для Бразилии молодых кадров специалистов. Так, только главный центр такой подготовки — Университет дружбы народов (Москва) в 1966-2008 гг. окончили 186 молодых бразильцев, что составило 3,8% всего количества выпускников РУДН из Латинской Америки. Подготовка специалистов для Бразилии продолжается в России и в настоящее время. Ход и результаты того процесса до начала второго десятилетия нашего XX1 в. уже не раз освещались в российских публикациях по международной тематике, в том числе и на страницах нашего журнала. Особую роль в отношениях двух стран сыграли официальные визиты в Бразилию российских руководителей. Поэтому целесообразно основное внимание в данной статье сосредоточить на тех важнейших событиях, которые в них произошли совсем недавно — в 2012-1013 гг., что пока еще не нашло своего цельного освещения в нашей печати.

В этот период наиболее заметным событием стали встречи на высшем уровне: в декабре 2012 г. в Москве президента РФ В.В.Путина с Президентом Бразилии Зелмой Роусефф и в феврале 2013 г. официальный визит в Бразилию Председателя Правительства РФ Д.А.Медведева. Для главы бразильского государства этот визит стал

ее первым официальным визитом в Россию. Состоявшиеся в Кремле переговоры наглядно отразили линию двух стран — как стратегических партнеров в ООН и БРИКС. Обе стороны вновь сошлись на том, что по главным международным проблемам подходы России и Бразилии во многом совпадают.

Это нашло свое отражение в подписанном главами государств документе «Дальнейшие шаги по выполнению Плана действий стратегического партнерства между РФ и Федеративной республикой Бразилия». Это основополагающий документ в отношениях двух стран на предстоящие годы.

Особое внимание уделяется нефтегазовой отрасли, энергетике

Вместе с тем в Москве в присутствии президентов была подписана и серия других документов[2]. Это является подтверждением общей динамики делового сотрудничества двух стран. Бразильский рынок осваивают российские металлургические компании, в частности «Мечел», «Северсталь», «КАМАЗ», совместно с компанией «Маркополо» производит в Нефтекамске (Башкортостан) браильские автобусы (мощность 6 тыс. автобусов в год). Начинает развиваться сотрудничество в авиационной отрасли. Российская корпорация ОАО «Ависма» обеспечивает бразильской авиастроительной компании, «Эмбраер» потребность в титановых полуфабрикатах, ОАО «Вертолеты России» поставляют в Бразилию вертолеты МИ-171.А для проведения геологоразведочных работ в бассейне Амазонки. Прорабатываются проекты поставок бразильской стороне российского гражданского самолета МС-21 и авиа-амфибии БЕ-200.

Особое внимание уделяется нефтегазовой отрасли, энергетике. Российская сторона подписывает соглашение о приобретении своей доли в проектах по добыче нефти и газа в разных частях Бразилии.

Продолжая традиционную линию на сотрудничество в энергетике, «Энергомашэкспорт» и ОАО «Силовые машины» поставляют пять турбин для различных бразильских ГЭС.

В ходе переговоров Путин-Роусефф были также обсуждены вопросы дальнейшего роста торгово-экономических связей. В 2011 г. товарооборот по сравнению с 2010 г. увеличился на 10%, его объем составил 6,5 млрд. долл. В этом плане Бразилия значительно опережает других партнеров России и Латинской Америки — Мексику, Аргентину и Эквадор.

Растет и российский экспорт в Бразилию: в 2011 г. он составил 1,9 млрд. долл. Обе стороны уверены, что есть все возможности довести товарооборот в ближайшие годы до 10 млрд. долл. В качестве одного из оснований для такого утверждения может служить и факт подписания в феврале 2013 г. соглашения о поставках в Бразилию российской пшеницы. Обе стороны выступили как за расширение номенклатуры торговли, так и за увеличение инвестиций не только в бразильские промышленность и энергетику, но и в ее оборонную сферу. Последнее ранее вообще отсутствовало.

Основное содержание российско-бразильских отношений — это их торгово-экономическая составляющая

Непосредственно сами главы государств подписали документ о развитии стратегического партнерства.

В связи с тем, что Россия и Бразилия — хозяева Олимпиады в Сочи и чемпионата мира по футболу в 2014 г. в Бразилии стороны подписали соответствующий меморандум о взаимодействии в ходе их подготовки.

Список подписанных в Кремле документов вновь подтвердил насколько далеко продвинулись обе страны в развитии их связей и их весомой перспективности.

На данный момент основное содержание российско-бразильских отношений — это их торгово-экономическая составляющая. Какова она на современном этапе? Бразилия один из ведущих поставщиков на российский рынок сельскохозяйственной продукции и товаров широкого потребления (80% импортируемого Россией сахара-сырца, 41% — говядины, 26% — кофе, 23% — свинины (по данным ИТАР-ТАСС, 14 декабря 2012 г.). Главными статьями российских закупок в Бразилии являются сахар и мясо (в 2011 г. закуплено более 2 млн. т сахара). О значении для России поставок бразильского сахара говорит такой факт: при общей ежегодной потребности в сахаре в России в среднем 3-3,5 млн.т, т.е. более 40% этой потребности в таком продукте покрывает Бразилия.

И все же было бы ошибочным полагать, что дальнейшее развитие деловых связей двух стран — это гладкая и прямая дорога, их номенклатура пока остается довольно узкой: мясо, сахар, кофе со стороны Бразилии, а российский экспорт в Бразилию в основном ограничивается сельскохозяйственными удобрениями. Впрочем, проблемы могут вы-

зываться и другими мотивами: достаточно мощным развитием самой Бразилии, которая нередко способна сама производить товары, которые она раньше закупала за рубежом.

На объем российско-бразильской торговли могут влиять и такие факторы как случаи несоответствия санитарным нормам поставляемого из Бразилии мяса, что периодически уже встречалось в практике торговли.

Очередной поступательный шаг вперед в развитии российско-бразильских отношений был сделан в феврале нынешнего 2013 г. года в результате визита в Бразилию российского премьера Д.Медведева. Сама по себе форма этого визита была не менее примечательной: Медведев возглавлял делегацию РФ на заседании двусторонней комиссии высокого уровня по сотрудничеству. В ходе встречи глава делегации РФ встречался как с президентом Бразилии Д.Роуссефф, так и вице-президентом страны И.Тимеру.

Следует прежде всего отметить саму атмосферу состоявшихся переговоров, отличавшуюся доброжелательством, стремлением к взаимопониманию, настроем обеих сторон на перспективность их отношений. В ходе состоявшихся переговоров был обсужден широкий круг вопросов. Особо заметное место в них заняли проблемы военно-технического сотрудничества в области ПВО. В ходе обсуждения этой проблемы выяснилось, что Бразилия заинтересована в приобретении 3-х батарей зенитно-пушечного комплекса «Панцирь» и 2-х батарей «ИГЛА». В результате был подписан контракт на поставку в Бразилию из РФ современных систем ПВО на сумму в 1 млрд. долл., их сборку будут осуществлять на месте, в Бразилии, поэтому будет заключено соглашение о передаче соответствующей российской технологии («Независимая газета», 22.П.2013 г.). В ходе переговоров были также подписаны меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве в области образовательных программ. Выявилось, что есть проекты дальнейшего сотрудничества в электро-, атомной и гидроэнергетике, нефтегазовой промышленности, в агропромышленном секторе. Реализация этих проектов поможет вывести и само сотрудничество и его содержание за рамки нынешнего в целом сырьевого содержания.

В этом же направлении должен действовать подписанный сторонами документ о сотрудничестве в сфере малого и среднего предпринимательства, открывающий более широкие горизонты для этих целей.

Интересен вопрос сотрудничества в области авиации. Пока не решен вопрос, в решении которого заинтересована РФ, о продаже Бразилии российских истребителей СУ-35. Бразилия, в свою очередь, предлагает поставить России к 2020 г. 150 пассажирских самолетов «ЕМБРАЕР». К 2013 г. Бразилия изготовила 800 самолетов этой марки. Этот вопрос достаточно сложный, поскольку Россия сама начинает производить самолеты такого типа – «СУПЕР ДЖЕТ 100» и естественно заинтересована в их выходе на мировой рынок.

В ходе этого визита обсуждались также вопросы российско-бразильского сотрудничества в космической области, в частности, по программе «ГЛАНАС».

Таким образом, подводя итоги как последним двум встречам российских и бразильских лидеров, а также в целом отношениям двух стран на сегодняшний день можно с удовлетворением констатировать к каким плодотворным результатам может привести взаимодействие двух государств при наличии с их стороны доброй воли, учета своих интересов и отсутствия каких-либо идеологических препонов. При опоре на дружеские связи их народов, можно вполне полагать, что на этом пути стратегических союзников – Россию и Бразилию могут ждать только позитивные результаты, в полной мере отвечающие их национальным интересам. МП

Примечания

[1] В связи с этим невольно возникает вопрос, почему до сих пор ветераны этого корпуса не отмечены российскими наградами и почему бы группу из его состава не пригласить в Москву на День Победы 9 мая? В Бразилии и память о солдатах этого корпуса запечатлена в монументальных памятниках в Рио-де-Жанейро.

[2] Межправительственное соглашение о военном сотрудничестве, Контракт об основных условиях постановки российских вертолетов КА-62 бразильским партнерам; Меморандум о взаимопонимании между Минэкономразвития РФ и тремя бразильскими министерствами – МИД, Науки, технологий и инноваций, а также развития промышленности и внешней торговли.

Европейские ценности и облик современного государства

М.В. Каргалова

Государствам, как и людям, небезразлично, как они выглядят, как их оценивают семья, круг близких друзей и все, с кем приходится сталкиваться, вступая в контакт. Контакты могут быть персональными, экономическими, политическими, происходить на разных уровнях, иметь различные по важности и масштабам последствия.

Однако, государства, как и отдельный человек, озабочены своим имиджем в глазах окружающих. Ведь от этого зависят отношения между ними, карьера, будущее, порой и сама жизнь.

Образ государства во многом зависит от его политического авторитета, военной силы, природных богатств, финансовых накоплений, умения строить отношения с окружающим миром. Так было испокон веков. Но по мере развития общества, появления возможностей, связанных с достижениями науки и техники, видоизменяется и государственная политика. Усиливаются одни ее аспекты, ослабевают или даже исчезают другие, появляются третьи и отвоевывают себе право на существование.

В последние десятилетия проявила себя как самостоятельное и все более важное направление государственной политики так называемая «имиджевая политика», которую иногда называют также коммуникационной.

Европейские цивилизационные ценности всегда признавались образцом внимания и уважения к человеку, верности гуманистическим идеалам и традициям, накопленным веками. Именно они служили основой для сплочения народов Европы в трудные моменты истории и для

М.В. Каргалова Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН

обеспечения поступательного социально-экономического развития общества.

Появление многочисленного среднего класса позволило употреблять термин «золотой миллиард»

Опираясь на эти ценности, европейцы не раз проявляли себя способными к восприятию нового, к трансформации общества в соответствии с вызовами времени. Это позволило им обеспечить более чем полувековое успешное и безопасное развитие, создать качественно новую форму объединения государств — Европейский Союз. С самого начала процесса европейской интеграции (начало 50-х годов прошлого века) ее «отцы- основатели» стремились к воплощению в жизнь социально-ориентированной модели развития общества, способной гарантировать его устойчивое экономическое и политическое развитие. Несмотря на определенные различия между европейскими странами, все они декларировали приверженность европейским гуманитарным ценностям, интересам и правам человека[1].

Форма организации Западной Европы, предложенная Ж. Моне и Р. Шуманом — в виде Сообщества, вполне оправдала себя. «Три славных десятилетия» — 1950-1980 годы — привели к весомым экономическим успехам и серьезным социальным завоеваниям. Набравшее силу в послевоенные годы международное рабочее движение единым фронтом выступило в защиту прав и интересов трудящихся, за улучшение систем социальной защиты и качества их жизни. Согласившиеся тогда на определенные уступки правящие круги старались представить достаточно высокий уровень жизни населения, как неотъемлемую характеристику «цивилизованного капитализма». Немаловажную роль сыграла международная обстановка, когда каждая из сложившихся на континенте политических систем стремилась доказать свою жизнеспособность и привлекательность. Модель развития, предложенная Западом, должна была еще раз продемонстрировать преимущества капитализма перед социализмом.

Это был их продуманный стратегический выбор. Последовательность такого курса привела к несомненному положительному результату.

Несмотря на то, что экономические и особенно социальные достижения явились в значительной степени плодом борьбы массовых орга-

низаций трудящихся, фактом стало то, что большинство населения воспользовалось этими достижениями. Появление многочисленного среднего класса, к которому причисляли себя две трети европейцев, позволило употреблять термин «золотой миллиард», когда речь шла о качестве жизни населения Западной Европы.

С момента своего создания Европейский Союз не только постоянно расширял и развивал связи между государствами, входящими в его состав, но и работал в других регионах мира. Уже тогда налицо было стремление создать имидж, привлекательными чертами которого являлся достаточно высокий уровень жизни и внутренняя социальная стабильность, а также авторитет на международной арене. Инструментами такой политики были торговля, научно-техническое сотрудничество, предоставление гуманитарной помощи. В последние годы усилилось сотрудничество с третьими странами в борьбе с терроризмом, наркотрафиком, незаконной иммиграцией.

Глобализация, в условиях которой живет современный мир, выявила возросшую значимость политического и социального компонентов всех происходящих в ее рамках процессов. Общество, переживающее многоаспектный кризис, неизбежно сталкивается с сопутствующими ему негативными социальными последствиями. Проблемы экономического порядка порождают социальную дестабилизацию, обостряют отношения между основными социальными партнерами: государством, бизнесом и гражданским обществом. Между тем для выведения страны из кризиса им необходимо работать вместе.

Перестройка системы международных отношений вследствие окончания «холодной войны» и блоковой конфронтации привели к распространению феномена «глобализации» на политические процессы, социальные и культурные взаимосвязи. Так, например Дж.Сорос считает, что сейчас правомерно говорить о глобализации информации и культуры, распространении телевидения, Интернета и других форм коммуникаций, о «возрастающей мобильности и коммерциализации идей»[2].

В настоящее время наблюдаются совместные усилия различных государств по решению таких глобальных проблем, как защита окружающей среды, рациональное использование энергоресурсов, сохранение биоразнообразия и ряда других.

Указанные формы сотрудничества являются открытыми каналами распространения информации о принципах решения многих проблем в

сегодняшнем глобализирующемся мире. Все это работает на создание определенного образа Евросоюза, его имиджа в глазах партнеров и формирует определенное отношение к традиционным европейским ценностям.

И сегодня, несмотря на финансово-экономические кризисы, возникающие то в одном, то в другом уголке мира, обострившуюся проблему занятости, волны социальных конфликтов, захлестывающие даже сравнительно благополучные страны, ЕС старается ориентироваться в глобальных процессах, просчитывать последствия финансово-экономических потрясений, их цену для человека, вырабатывать меры по их ликвидации или хотя бы нейтрализации.

Последние два десятилетия были трудными для современного мира. Вокруг внутренней и внешней политики отдельных европейских государств и ЕС в целом не стихают дискуссии и ожесточенные споры. Оценки их стратегий и текущих действий зачастую бывают диаметрально противоположными как со стороны внешних партнеров, так и внутренней оппозиции.

Это вполне объяснимо при наличии разных национальных интересов, различных позиций правящей элиты, неодинакового уровня социально-экономического развития. Немаловажной является и способность государства эффективно действовать на международной арене, отстаивая собственные интересы.

Европейскому Союзу, объединившему в своих рамках 27, порой сильно отличающихся друг от друга по разным параметрам стран, но продолжающему идти по пути дальнейшего развития интеграции, приходится лавировать, использовать убеждение, давление, компромиссы, чтобы не свернуть с этого направления.

Сохранить в сегодняшнем бурлящем мире образ Европы как региона, наиболее благоприятного дл проживания, обладающего прочной экономической базой и обеспечивающего надежную социальную защиту населения — главная цель руководителей ЕС. Опорой служит то, что подпитывает его социальную базу и остается незыблемым — европейские цивилизационные ценности.

Мы видим множество споров о роли государства в новых условиях, его взаимоотношениях с гражданским обществом и бизнесом, который, как стало очевидным, в наше время должен быть социально-ответственным[3].

Важнейшей задачей признается обеспечение сбалансированности интересов этих трех акторов, реализующих внутреннюю и внешнюю политику, четкое определение и соблюдение их прав и обязанностей. Успех зависит в значительной степени от информированности всех, толерантности, готовности идти на компромиссы.

Главное организационное ядро и действенный инструмент этого трио — государство. От его имиджа на международной арене и доверия со стороны собственного народа зависит будущее любой страны. Идет ли речь о передовых, развитых странах Запада или о тех, что идут к цели с другой скоростью в рамках ЕС, а также тех, что не входит в его состав.

Последние два десятилетия были трудными для современного мира

Не случайно появился новый термин «имиджевая политика». В это понятие по мнению ученых Института Европы РАН входят: 1. информационная политика, проводимая институтами ЕС на наднациональном уровне, 2.коммуникационная политика, которая проводится с целью создания обратной связи между гражданами и институтами Евросоюза[4].

Итак, имиджевая политика имеет два направления: внешнее и внутреннее. Если речь идет о Европейском Союзе, то следует признать, что его образ в мире в целом является положительным. Поэтому основные усилия его руководителей в теперешней сложной обстановке направляются внутрь. Это вопросы доверия к власти, установление обратной связи с обществом, создание прочной социальной базы для поддержки государственной политики в решении возникающих внутренних и внешних задач.

Одновременно нельзя закрывать глаза на существование «евроскептицизма» в рамках Европейского Союза и критического отношения к нему в ряде других стран и регионов, в частности, в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Именно это заставляет Европу не ослаблять внимание к коммуникационной политике равно, как и к сфере международных отношений.

Что касается России, то для нее острее стоит вопрос об ее имидже за рубежом. Причины для этого разнообразны: объективные и субъективные. Влияние на общественное мнение оказывается разными путями —

через средства массовой информации, через законодательную деятельность государств и через меры, проводимые в жизнь правительствами.

В век информатики и технических инноваций на людей обрушивается лавина информации и далеко не все умеют в ней ориентироваться, давать правильную оценку ситуации. Зачастую мы сталкиваемся с проблемой «обусловленности» освещения событий, практикой двойных стандартов, особенно в международных отношениях. Наблюдается стремление к экспорту собственных мнений, навязыванию своих норм и оценок. Тому можно найти множество примеров — Чеченские события, грузинская агрессия против Южной Осетии, Ливийская кампания, Сирийские события, демонстративная поддержка или осуждение столкновений правительств суверенных государств и сил внутренней оппозиции и т.д. Везде явно просматривается навязывание собственных оценок и методов решения проблем, претензии на право «учить» демократии на выборах и в повседневной жизни. Одним из последних примеров является истерия, нагнетаемая вокруг пресловутого акта Магнитского и вполне закономерного ответа на него российского государства.

Составной частью мировой культуры является историческая культура, которую иногда называют «культурой памяти»

Составной частью мировой культуры является историческая культура, которую иногда называют «культурой памяти» и которая требует к себе уважения. Искажение истории, замалчивание ее уроков могут привести к плачевным результатам. В частности речь идет о Второй мировой войне, оценкам ее причин и результатов. Как показывает жизнь, это ведет к предвзятым оценкам событий сегодняшнего дня, раздуванию межнациональной и религиозно розни, межгосударственной изоляции. История свидетельствует о том, что Россия не раз проигрывала информационные войны и сейчас некоторые инциденты на международной арене оцениваются неадекватно. Но при предоставлении объективной информации мнения порой меняются. Это свидетельствует о необходимости работать над совершенствованием имиджевой политики государства.

Правомерно утверждать, что происходящее в информационном пространстве непосредственно влияет на политические и экономические

отношения между странами. При разнице интересов и угрозах столкновений тем более важно предоставление объективной, непредвзятой информации, достоверных фактов, что поможет вычленить общие проблемы и пробовать найти компромиссные решения. Здесь трудно переоценить роль масс-медиа, интернет-сетей и прочих широко доступных для масс инструментов влияния. Нельзя допускать ковровых бомбардировок умов через информационные кампании, равно, как нанесения бомбовых ударов по населению во время военных действий.

Интеллектуальный и культурный потенциал современного общества позволяет надеяться на то, что оно может стать мощным фактором влияния на политику государств, как внутреннюю, так и внешнюю. Однако этот процесс длительный и требует много усилий со стороны всех игроков, определяющих европейскую политику.

На примере Европейского Союза можно заметить, что социальная интеграция отстает от интеграции экономической, а процесс строительства «Европы граждан» до сих пор не может добиться реально значимых результатов. Хотя уже почти два десятилетия существует специальная информационная стратегия ЕС. 5) Она началась с учреждения в середине 90-х гг. программы ПРИНСЕ – Приоритетной информационной программы для европейских граждан. (PRINCE – Programme prioritaire d'information au citoyen europeen). По решению Европарламента было открыто финансирование целенаправленных информационных кампаний в поддержку деятельности руководящих институтов ЕС.

Среди таких кампаний можно назвать кампанию в поддержку создания Экономического и валютного союза (ЭВС), завершившуюся введением «евро» и кампанию по подготовке расширения ЕС, которая началась с выпуска в 2000 г «Коммуникационной стратегии расширения» и продлилась до 2006 г., когда число государств-членов ЕС достигло 27.

В 2005 г. была обнародована «Белая книга», которая ввела термин «коммуникационная политика» (communication policy)[6], определив ее как новую сферу деятельности, через которую предполагалось реализовать создание «Европейской общественной сферы» (European Public Sphere). Целью последней ставилось регулирование взаимодействия руководящих институтов ЕС и общества по политическим вопросам и закрепление обратной связи между ними.

Начало XXI века (2006 – 2010 гг.) шло под знаком воплощения в жизнь Лиссабонской стратегии, названной международной группой

высококвалифицированных экспертов (High – Level Group) «документом высшего политического уровня»[7]. Анализируя эффективность информационной политики Европейского Союза, они сделали вывод о необходимости проводить информационные кампании в масштабах всего Евросоюза. Это помогло бы разъяснить гражданам смысл Лиссабонской стратегии, влияние ее реализации на их жизнь и необходимость продолжать социально – экономическое и политическое развитие ЕС в направлении, закрепленном в 2007 г. Лиссабонским договором.

При всем различии целей имиджевой политики Европейского Союза и России для нас представляют определенный интерес принципы ее конструирования, изложенные в «Белой книге»[8]. Эти принципы универсальны: транспарентность деятельности властей на всех уровнях, эффективная обратная связь между государственными институтами и гражданами. Изменение массового сознания – процесс трудный и длительный. Хочется еще раз подчеркнуть роль СМИ, которые обязаны стремиться к объективному освещению и толкованию событий и фактов, действуя на основании своеобразного «этического кодекса», а не в пропагандистских целях. Уровень развития современного европейского общества, имеющего в качестве опоры традиционные ценности, которые оно ценит и старается беречь, позволяет потребителям информации в определенной степени ориентироваться в фактах и обойтись без навязываемых оценок, которые нередко наносят ущерб, как политический, так и экономический.

Значительную роль во взаимоотношениях государства и населения играет качество жизни последнего. Даже в самые сложные времена, взять хотя бы начало XXI века, на снижение основных социальных рисков государства – члены ЕС расходовали в среднем 30% ВВП.

Тем не менее в условиях структурного кризиса, поразившего благополучную Европу, государства – члены ЕС и руководство Сообщества вынуждены принимать непопулярные решения, чтобы справиться со непростой ситуацией в экономической и социальной сфере. А это, как показывает жизнь, вызывает недовольство населения и волны противодействия государственной политике.

Понятно, что решение схожих социальных задач в России вынуждено происходить в еще более сложных условиях. Однако необходимость осуществлять перемены в обществе становится очевидной для всех.

Хотелось бы вспомнить слова Жана Моне: «Если начинать менять общество, надо начать с культуры». Речь идет о культуре людей, уровне подготовленности общества, о политической культуре руководства. Современное продуктивное и креативное общество должно быть способно к усвоению информации, анализу, достижению взаимно устраивающих компромиссов. Чтобы стремление к демократии не оборачивалось правилом: «массы говорят, что хотят, а власть слышит, что хочет».

Уже отмечалось, что цивилизационные ценности — основа для сплочения общества. Но проблема сохранения традиций не более важна, чем способность впитывать привносимые временем инновации и отвечать на их вызовы. Так массовый наплыв в Европу иммигрантов и их запросы заставляют считаться с представителями других цивилизаций, выстраивать отношения, соответствующие требованиям модернизирующегося мира.

Расширение Европейского Союза и увеличение числа иммигрантов, появление новых активных сил определяют не только социальные и экономические, но и политические приоритеты. Превратить их из взрывоопасного и дестабилизирующего фактора в фактор, стимулирующий экономическое возрождение, важная задача сегодня. Причем, задача реальная. Примером может служить деятельность Ассоциации мусульман Европы, которая стала организующей силой этой части европейского общества и стремится к эффективному сотрудничеству с принявшими ее контингент странами.

Очевидно, что привлекательный имидж европейских государств играет немаловажную роль в интенсивности потоков миграции и путях ее распространения. Понятно, что на средства массовой информации ложится важная задача не только сориентировать вновь прибывающих в Европу, но и помочь им адаптироваться, в определенной степени подготовить к необходимости уважать законы и правила жизни, выполнять определенные обязательства перед принимающей стороной.

Следующий фактор, без которого невозможно поступательное развитие общества, это — межпоколенческий фактор. Он предполагает мобилизацию экономического и интеллектуального потенциала молодежи, выработку модели гражданского воспитания т.е. воспитания в духе социальной солидарности и гражданской ответственности. Создание условий для профессиональной адаптации и политического

формирования молодого поколения — трудная и перспективная задача при реализации имиджевой политики любого государства. Не случайно ведущие политики Европейского Союза совместно с экспертным сообществом прорабатывают необходимость принятия нового «межпоколенческого», пакта, который позволит сделать молодежь активной и действенной силой, на которую можно опереться.

Наконец, четко организованное, пользующееся государственной поддержкой и демонстрирующее доверие к государству гражданское общество, способно контролировать все процессы, происходящие в сегодняшнем мире. При этом оно должно быть наделено соответствующими правами и права эти должны соблюдаться не на словах, а на деле. Видимо не случайно один из самых известных европейских исследователей Ю.Хабермас призывал не забывать о различии «между правом гражданина высказываться и правом быть услышанным»[9].

В Европейской социальной модели, которую намерен реализовать ЕС, опираясь на традиционные европейские ценности, лозунги социальной справедливости и солидарности дополняются призывом к социальной ответственности и увеличением роли гражданского общества.

Современное государство, проводя свою имиджевую политику, не имеет право забывать, что его международный авторитет во многом зависит от внутренней стабильности и не позволять политическим интересам превалировать над национальными. К сожалению, недавний саммит ЕВ — Россия (декабрь 2012 г. , Брюссель) доказал, что до сих пор взаимовыгодные междунар[МП]ные проекты тормозятся по политическим мотивам. Поэтому неудивительно, что факт присуждения Европейскому Союзу Нобелевской премии мира вызвал неоднозначную реакцию мировой общественности.

Примечания

1 См. подробнее «Социальная Европа в XXI веке». М., «Весь мир», 2011.

2 Soros G. «George Soros on Globalization». Oxford, Public Affairs Ltd, 2002, p.191.

3 «Роль социального государства в условиях экономического кризиса. Европейский опыт и Россия». М., «Весь мир», 2009.

4 «Формирование имиджевой политики Европейского Союза». Доклады Института Европы № 191. М.,2007,стр.7.

5 См. подробнее Bruggemann M.? De Clerk-Sachssey J.? Kurpas S. «Toward Communication? Evaluating the Activities in the field of Communication». Brussels? 2006

6 «White Paper on a European Communication Policy». COM (2006) 35 final.

7 http//chelt.ru/2005/3-05/ec253-05html

8 «White Paper on a European Communication Policy», p.5-9.

9 Habermas J.«The European Nation State. Its Achevements and Its Limitations. On the Past ands Future of Sovereignty and Citizenship». Ratia Juris. 1996, p.135

Взгляды США на формирование новой системы международных отношений в условиях нарастающей политической нестабильности

О.Г. Карпович

Мы живем в непростое время: мир стремительно меняется непосредственно на наших глазах. Сегодня отчетливо видно, как в результате осуществляемого Соединенными Штатами сознательного демонтажа ялтинско-потсдамской системы мироустройства рушится вся система международной безопасности, мир стремительно погружается в хаос больших и малых войн, этнополитических и религиозных конфликтов. Деятельность США, их партнеров (НАТО, Саудовкая Аравия, Катар) по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах мира не только не устраняет первопричины протекающих там политических конфликтов, но во многих случаях приводит к их эскалации и переходу на новый, более масштабный, уровень[1].

Сегодня властные элиты США полагают, что нарастающий темп изменений в мире делает будущее менее стабильным и более непредсказуемым[2]. Обозначившиеся тенденции перехода к многополюсному миру на фоне растущей конфликтности, подпитываемой экономическими, геополитическими, этническими, религиозными, межцивилизационными противоречиями, грозят нарушением региональной стабильности. Увеличивается количество действующих на мировой сцене военных потенциалов, способных нарушить существующие региональные балансы сил.

О.Г. Карпович ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор политических наук, профессор

Из-за возможности «соскальзывания» мировой системы в сторону постоянной нестабильности ситуация, по мнению американских специалистов, может стать настолько сложной, что плохо продуманные акции будут способны принести не меньше ущерба, чем политическая пассивность.

Соединенные Штаты нуждаются в концептуальной разработке ситуации, складывающейся в мире

Тенденции формирования потенциально нестабильного и структурно неустойчивого многополюсного мира, с одной стороны, и намерение не терять, тем не менее, полученного преимущества как единоличного мирового лидера, с другой, побуждают США искать новые подходы к реализации своих интересов в важных для них регионах. С этой целью усилия США направлены на прогнозную разработку возможного развития событий и формирование необходимого «инструментария» управления ими в нужном направлении.

В качестве основных требований к такому «инструментарию», определяемых, в том числе, просматриваемой возможной высокой динамикой перемен и малой предсказуемостью их конкретных реализаций, выдвигаются гибкость и упреждающий характер (превентивность) применения, эффективность конечных результатов и экономичность их достижения. Главное место в обеспечении таких качеств может занять, как представляется, информационная война в широком смысле ее интерпретации, то есть информационная война как постоянная составляющая общей стратегии национальной безопасности США. Вклад информационной войны в управление региональными процессами, включая сдерживание конфликтов в регионах, признается весьма существенным как специалистами по данной проблематике, так и на высоких уровнях официальных лиц США. Так например, по мнению директора подразделения КНШ МО США, ответственного за системы управления, связи, разведки и компьютерной техники, вице-адмирала А. Гербовски, информационная война «имеет исключительно высокий сдерживающий эффект благодаря способности полностью лишать население противника работоспособности и отбрасывать его на много лет назад в своем развитии»[3]. Данная работа нацелена на выявление облика региональной стратегии США, формируемой для 21 века, роли информационной войны в ее реализации характера задач, которые могут решаться в рамках такой войны в мирное и военное время.

Соединенные Штаты нуждаются в концептуальной разработке ситуации, складывающейся в мире — более сложном и более хаотичном, как они считают, по сравнению с эпохой противостояния двух сверхдержав. Если растущий пессимизм аналитиков в отношении перспектив мирового развития является верным, то надо учитывать, в соответствии с мнением американских экспертов, что многие уже проявившиеся факторы (такие как рост этнического самоопределения, воинствующий национализм, антагонизм культур и антизападные идеологии, перемены на постсоветской территории, стагнирующая экономика в ряде районов мира, растущая экономическая конкуренция) в своем взаимодействии будут усиливать негативность последствий, проявляющихся тем или иным образом почти во всех регионах. Результатом может стать общий дрейф в сторону нестабильности.

Среди многих работающих совместно факторов, усложняющих международную ситуацию, основным является дестабилизирующая геополитическая динамика, выражающаяся в появлении дисбалансов сил в ряде регионов и связанных с этим взаимоопасений стран, оживлении конкурентных отношений прежних геополитических соперников, замене стабильной биполярности нестабильной многополюсностью. Кроме того, такая динамика наращивает предпосылки как ядерного распространения, так и распространения современных видов обычного оружия, сдвигая региональные балансы сил в сторону все большей нестабильности.

Продолжение наметившихся тенденций ведет к тому, что мир будет объединять в себе, как образно говорят эксперты корпорации РЭНД, «негативные черты геополитики девятнадцатого века, страстей двадцатого и технологий двадцать первого», оформляясь, соответственно, в хронически нестабильный мир неустойчивой многополярности, растущего национализма и современных вооружений. В зависимости от степени дестабилизации динамики развития мира следующий век может стать опаснее текущего не только по «величине» опасности, но и по ее типам, включая появление ожидаемых межцивилизационных конфликтов[4].

По мере набора силы проявляющихся тенденций возникнет существенное качественное отличие настоящего и будущего мира. Хотя и сейчас мир конфликтен, но эти конфликты изолированы, как правило, друг от друга в географическом пространстве и не взаимодействуют между собой. Кроме того, они не доминируют в мировых делах, потому что воз-

никают в международной системе с относительно стабильными структурными характеристиками. Вызывая потрясения современного мира, эти конфликты пока не могут угрожать миру хаотическим беспорядком. Прогнозируемое же состояние международных отношений не исключает подрыва их структурных характеристик и стабильности, при этом многие угрозы качественно намного более серьезны. При этом прогнозируемые угрозы не изолированы, а налагаются друг на друга, ухудшая тем самым общую ситуацию. В этом случае опасность становится правилом, а не исключением, и, что более важно, сами основания международного порядка становятся шаткими. И хотя опасный мир может прийти во многих формах и масштабах — общим для них является подверженность соскальзыванию в глобальный хаос и беспорядок.

Хотя неопределенность угроз составляет основу трудностей, с которыми сталкивается формирующаяся перспективная политика США, в концептуальных ее разработках американские эксперты постулируют несколько альтернативных представлений будущего, содержащих большую или меньшую нестабильность, и определяют три основных взаимодействующих тенденции: установление региональной напряженности в Европе, Азии, на Ближнем Востоке; возникновение традиционного геополитического соперничества Запада с Россией и Китаем; потенциальное ослабление системы безопасности западного союза. Развитие событий в рамках этих представлений может дать ту стратегическую структуру, в которой развернутся отдельные конфликты и войны регионального характера. Все эти варианты затрагивают Россию, уже перегруженную текущими геополитическими проблемами. Перспектива движения международной системы в целом в сторону хронической нестабильности, что не исключают Соединенные Штаты в своих прогнозах, побуждает их готовиться к повышению региональной напряженности во многих местах, сопровождаемой обновленными проблемами с Россией и Китаем.

США не могут более основываться на комфортном допущении, что существующая международная система будет моделью будущего. Комбинация существенной неопределенности и вызовов опасного мира налагает соответствующие условия на планирование в области национальной безопасности. Во время холодной войны средне и долгосрочные планы (от 5 до 20 лет) могли формироваться с уверенностью в будущем — в силу статичности биполярного мира и возможности опоры на экстраполяцию в бу-

дущее. Перспективы изменений принимались во внимание, но эти предсказуемые изменения были большей частью технологического характера и не угрожали нарушить политическое статус-кво.

Перспектива движения международной системы в целом в сторону хронической нестабильности

В настоящее же время политическое статус-кво претерпевает существенные изменения, идущие со всех сторон. Управление ими превосходит возможности отдельного государства. Они слишком сложны и определяются слишком многими взаимодействующими переменными, что не позволяет уверенно предсказать их развитие в перспективе. Более того, у ряда американских экспертов создается впечатление, что они появляются с нарастающей скоростью.

Множественность проблем, которую несет с собой будущий мир для США, необходимость действовать и решать до того, как проблемы выйдут в кризисную стадию, а также стремление сохранить позицию мирового лидера требуют от США «ясного мышления и решительных действий перед лицом неопределенности». Тенденции «соскальзывания» международной ситуации в сторону нестабильности понуждают США к переходу на новую «расчетливую» политику, которая смогла бы помочь сдемпфировать приближающуюся опасность посредством управления международными глобальными тенденциями, возникающими в настоящее время.

Реализация данной политики потребует от США играть роль «геополитического управляющего» также и в условиях, когда может понадобиться отвлечение ресурсов на решение внутренних приоритетных задач. Несмотря на эти сопутствующие сложности, такая политика содержит, по мнению американских экспертов, следующие преимущества в случае реализации пессимистических прогнозов на двадцать первый век:

- она позволит США продолжать решать внутренние проблемы даже и в случае возникновения глобальной нестабильности, угрожающей жизненным интересам нации;
- она сократит риск международного взрыва;
- это реализуемая и доступная политика, фокусирующаяся на жизненных интересах США;

• в условиях уменьшения надежд на мирное демократическое развитие событий подход, нацеленный на управление турбулентным миром, предлагает — в рамках лимита возможного — медленный, но достижимый прогресс;
• она не позволит США «уйти» от исторических событий, но «даст возможность США сделать историю своей служанкой».

Таким образом, несмотря на прогнозируемую тенденцию к многополюсности мира и связанную с этим дестабилизацию в ряде регионов, США, тем не менее, намерены удерживать и в условиях неопределенности позицию мирового лидера за счет расширения зоны «геополитического управления». При этом существенная ставка в разрабатываемом инструментарии такого управления делается на информационную войну, поскольку возможность применения ее и в мирный период дает предпосылки для опережающей корректировки тенденций «геополитического хаоса» в нужную США сторону.

Подчеркивая необходимость изменения стратегического мышления, эксперты отмечают, что если при статическом мире США обладали «роскошью» планирования на базе экстраполяции в будущее, то возникающий опасный мир с его неясными и очень сложными контурами потребует большего акцента на способность тщательного прогнозного мышления. Под таким мышлением понимается формирование концептуального порядка из хаоса, расшифровка сложных проблем, взвешивание альтернативных решений, принятие продуманных выборов. Не исключено,что в будущем мире США предстоит иметь дело с текучей изменяющейся многополярностью, со странами, которые не являются постоянными друзьями или врагами, с балансировкой интересов, с уговариванием «неохотных» союзников поддержать сомнительные для них мотивы.

Такой подход претендует на его почти постоянное применение, потому что международная система может и не перейти в новое статическое состояние. Вместо этого она может войти в режим постоянных быстрых (в историческом плане) изменений, переходя из одного структурного вида в другой, заставляя США приспосабливаться к переменам, постоянно формируя и корректируя цели, которые США хотели бы достичь.

Жесткий подход при отсутствии общей стратегической концепции, обеспечивающей и координирующей многочисленные отдельные ак-

ции, не может быть успешным в складывающемся «опасном» мире, поскольку события будут слишком взаимосвязанными и .последствия ошибки слишком большими, чтобы позволить что-нибудь иное, чем опора на интегрированные и гибкие политику и стратегию.

Поскольку пассивное ожидание будущего может увеличить шансы возникновения еще большей нестабильности, США нацеливаются на предупреждение нежелательного для них развития событий за счет повышения гибкости и эффективности действий на международной арене (включая силовые акции) до такой степени, чтобы справиться с новыми и очень различными проблемами (многие из которых только смутно предвидимы сегодня, но могут внезапно появиться завтра).

Жесткий подход не может быть успешным в складывающемся «опасном» мире

США усиливают курс на расширение гарантий безопасности на страны, которые лежат вне традиционных интерпретаций их внешнего геостратегического периметра (что уже просматривается в расширении НАТО). Новые подходы потребуются для взаимоотношений со странами, которые не являются ни друзьями, ни врагами, а находятся в «серой» промежуточной зоне. А такие концепции, как сдерживание, гибкое реагирование и оборона на передовых рубежах подлежат существенной корректировке или замене новыми концепциями, отвечающими формирующимся реальностям.

Являясь сверхдержавой с глобальным вовлечением в развитие мировых событий и претендуя на роль единоличного мирового лидера, США вынуждены решать, в отличие от большинства региональных стран, множество проблем (иногда и противоречивого характера), что предопределяет, по мнению американских экспертов, необходимость повышенной «интеллектуальной проворности» в стратегическом мышлении. Хотя политика и стратегия как комплекс идей могут быть заменены быстро, но на практике реализация соответствующей замены требует достаточного времени. Частичный выход из этого положения эксперты усматривают в разработке альтернативных сценариев будущих глобальных мировых событий, а также основных наставлений по стратегиям работы по этим сценариям. Концептуальные усилия такого типа могут помочь нацелить планирующие круги США на то, что

ожидает впереди и сократить время на формирование требующихся стратегий. Не менее важным для планирования национальной безопасности является формирование материальной основы, требуемой в реализации политики и стратегии. В то время как интеллектуальные компоненты новых подходов могут быть разработаны за несколько месяцев, создание физических компонентов потребует гораздо большее время. Это в особенности касается новых военных сил, на развертывание которых затрачивается от трех до двадцати лет. Создаваемым силам потребуется повышенная адаптивность и гибкость, чтобы удовлетворить будущие требования.

Необходимость гибкой комбинации политики и стратегии определяется и тем, что США не могут себе позволить проведение изоляционистской линии, поскольку в условиях постоянного расширения западного союза за пределы собственных границ невозможно самоизолироваться от зон «беспорядка», лежащих вне рамок союза. Кроме того, США не смогут в сильной степени полагаться на ООН и другие многосторонние организации, потому что такие организации потеряют, как считают эксперты, свою эффективность в опасном мире. Свои надежды США возлагают на НАТО как основу обеспечения «порядка». МП

Примечания

1 Манойло А.В. Специфика цветных революций «арабской весны». // Известия Уральск. Федерального Ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2013. №3. С. 30-36.

2 Филимонов Г.Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность, М.: РУДН, 2012. – 408 с.

3 Манойло А.В. США: технологии психологического воздействия на международные конфликты. // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12. Политология. 2011. №4. С. 21-28.

4 Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане. // Национальная безопасность. – 2012. – №3. – С. 76-81.

Мюнхенский сговор 1938 г. как трагический рубеж начала Второй мировой войны и современные реалии

Л.Н. Анисимов

Торопливость агрессоров сказалась уже и в том, что через четыре часа после того, как закончилась заседание в Мюнхене, премьеру чехословацкого правительства был вручен текст Мюнхенского соглашения, в соответствии в котором пятая часть территории Чехословакии отошли к Германии. И уже 30 сентября вслед за Мюнхенским соглашением последовало подписание англо-германской декларации 1938 г. и франко-германской декларации 1938 г.; означавшие заключение правительствами Англии и Франции пактов о ненападении с гитлеровской Германией и урегулировании всех спорных вопросов. Таким образом, с 30 сентября 1938 г. мир покатился к войне.

Мюнхенское соглашение ускорило развязывание главными капиталистическими государствами Второй мировой войны, однако оно не примирило участников этого соглашения ввиду острых противоречий внутри империалистического лагеря.

… Шестьдесят лет спустя после Мюнхена в 2008 году Служба внешней разведки (СВР) России рассекретила и обнародовала неизвестные ранее документы и архивные материалы Мюнхенского сговора 1938 года, по которым с детальной исторической достоверностью можно проследить политико-правовые процессы до и после «грехопадения» официальной дипломатии Парижа и Лондона и спроецировать эти про-

Л.Н. Анисимов профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского института мировой экономики и международных отношений, профессор Российского государственного социального университета

цессы на сегодняшнее «поведение» бывших жертв этого сговора и Североатлантического альянса вцелом[1].

Речь идет о соглашении с Гитлером, подтолкнувшим его к расчленению чужой страны и положившем начало самым трагическим событиям XX века.

Надо полагать, что не только чехи и словаки, но и весь мир помнит трагедию ЧСР 1938 года. Что лежало тогда в основе «мюнхенской политики» западных держав, давно ясно даже тем, кто не посвящен в секреты дипломатии. Тем не менее, общеизвестно, что прямым шагом к развязыванию Второй мировой войны явилось Мюнхенское соглашение, завершившее смутное время уступок агрессорам.

Правительства указанных выше государств подписали договор, по которому от Чехословакии была отторгнута и присоединена к Германии значительная жизненно важная территория. Заключение Мюнхенского соглашения и его реализация означали не только грубое нарушение территориальной целостности Чехословакии, но и сознательное принесение в жертву ее политической независимости.

Помимо этого Праге предлагали аннулировать договоры о взаимопомощи с другими государствами, в том числе с Советским Союзом. Более того, из рассекреченных документов советской разведки, относя-

щихся к 1938 году, явствует о неприглядной роли Польши в период подготовки расчленения Чехословакии. В частности, посол Великобритании в Варшаве телеграммой в Форин-офис информировал, что в случае вторжения Германии в Чехословакию, польское руководство пойдет на аннексию Тешинской области этой страны, что и впоследствии случилось. Иными словами, Польша, заручившись поддержкой Гитлера, приняла непосредственное участие в расчленении Чехословакии. Кроме того, судя по направлявшейся в Москву информации разведки, польское руководство заявляло, что не допустит акции помощи Праге со стороны Советского Союза. Она готова была к нанесению удара в фланг Красной Армии в случае выдвижения советских войск на территорию Чехословакии, а также к уничтожению наших самолетов, если они попытаются прийти ей на помощь. И это было за какой-нибудь год до того, как Польша сама стала жертвой гитлеровской агрессии и ее не стало на карте мира.

Мюнхенский сговор 1938 года и последовавшая затем ликвидация чехословацкого государства соответствовали масштабным агрессивным планам германского империализма. После прихода Гитлера к власти в январе 1933 года была разработана целая программа экспансионистских акций. Составной ее частью стал и план «Грюн», целью которого являлось уничтожение Чехословакии как таковой. Мюнхенский сговор подорвал обороноспособность Чехословакии и ее жизненные основы. Уже в первые дни октября 1938 года фашистская Германия захватила 28 291 кв. км территории республики с населением свыше 3,8 млн. человек. В совокупности с районами, отошедшими после Мюнхена к Польше и Венгрии, Чехословакия лишилась 29% территории и 34% населения. Страна утратила 39,7% промышленного потенциала. Мюнхенский договор служил для Германии лишь «победоносной» альтернативой обстоятельно спланированной агрессии против Чехословакии, облегчившей реализацию первого этапа далеко идущих захватнических планов.

Капитулянтская «мюнхенская политика» находилась в резком противоречии с реальными возможностями противодействия гитлеровской агрессии. Необходимо отметить, что изначально Президент ЧСР Э. Бенеш строил свою концепцию защиты республики на союзнических договорах, заключенных Чехословакией с Францией, со странами Малой Антанты (Югославией и Румынией) и с Советским Союзом. Он также рассчитывал на военную помощь Франции с учетом политического договора с этой страной.

Однако в 1938 году союзнические отношения с Югославией и Румынией оказались фикцией. В частности, румынское правительство не только не собиралось помогать союзнику, но и заявило, что если помощь окажет СССР, то Румыния не позволит перебросить через свою территорию, включая воздушное пространство, советские войска и самолеты в Чехословакию.

Не оправдались надежды Э. Бенеша и на военную поддержку Франции, с которой имелся политический договор о взаимопомощи. Однако он не был своевременно дополнен соответствующими документами, уточняющими и конкретизирующими формы этой помощи. Французская сторона воспринимала этот договор лишь как обязательство Чехословакии помочь Франции в случае, если на нее нападет Германия. Обратный вариант в расчет не принимался. К тому же политическая и военно-стратегическая близорукость, нерешительность французских правящих кругов привели в итоге к предательству чехословацкого союзника.

Не менее важное значение с международно-политической точки зрения для защиты Чехословакии в 1938 году имела и позиция английского правительства. Обязательство Великобритании, касающееся оказания помощи Чехословакии, вытекало из норм международного права, связанных с членством в Лиге Наций. Кроме того, оно было связано с франко-британским союзом. В то же время политика невмешательства, предопределившая роль главы британского правительства Н. Чемберлена в подготовке и осуществлении мюнхенского сговора, исключила возможность военной поддержки Чехословакии со стороны англичан.

При этом подчеркнем, что 19 сентября 1938 г. Великобритания и Франция предложили Чехословакии добровольно отказаться от районов с преимущественно немецким населением, с тем что будет гарантирована неприкосновенность остающейся территории страны. 20 сентября чехословацкое правительство отвергло такое предложение[2]. По воспоминаниям президента

Э. Бенеша, уже ночью 21 сентября к нему явились послы Франции и Великобритании и провели «исторический ультимативный разговор», который «стал вступительным словом ко всей последовавшей затем катастрофе, затронувшей столько европейских государств, да, собственно, и весь мир».

Концепция коллективной обороны Чехословакии, которой руководствовался Э. Бенеш, основывалась и на чехословацко-советском договоре 1935 года о взаимной помощи. Однако этот договор предусматривал, что Советский Союз поможет Чехословакии защищаться от

нападения, если такую помощь окажет и Франция. Правительство СССР тем не менее в 1938 году заявило, что оно выполнит свои союзнические обязательства по оказанию помощи Чехословакии и в том случае, если Франция от своих обязательств откажется. Единственным условием было то, чтобы Чехословакия защищалась от нападения, а ее правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой об оказании помощи. Десять раз советские руководители и печать публично заявляли, что Советский Союз выполнит свой долг, шесть раз давались заверения Франции, четыре — Чехословакии и три раза Англии, не говоря о четырнадцати частных заверениях, предложениях о штабных переговорах и т.д. Однако западные державы отвергли советскую инициативу совместного отпора фашистской агрессии. Заключив позорное Мюнхенское соглашение, западные «миротворцы» рассчитывали направить фашистскую экспансию на Восток, против Советского Союза.

Политическая и военно-стратегическая близорукость, нерешительность французских правящих кругов привели в итоге к предательству чехословацкого союзника

В те критические для Европы и всего мира дни и месяцы только СССР предпринимал максимальные меры для противодействия агрессии и упреждения кровопролитной войны.

В самые критические дни для судьбы Чехословакии Советское правительство дало своему послу в Праге следующие инструкции:

1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР, согласно договору, немедленную и действенную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, может от имени правительства Советского Союза дать утвердительный ответ

2. Такой же утвердительный ответ может дать и на другой вопрос Бенеша — поможет ли СССР Чехословакии как член Лиги Наций на основании ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении указанных статей.

3. Сообщить Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство.»[3]

Между тем помощь со стороны СССР могла коренным образом изменить соотношение сил Чехословакии и Германии. Заметим, что Со-

ветский Союз на 1 января 1938 г. располагал 96 стрелковыми дивизиями. В канун мобилизации чехословацкой армии, в сентябре 1938 года, к западной границе СССР были передислоцированы специальные группировки советских войск. В боевой готовности находилось 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, 1 мотострелковая и 12 авиационных бригад. Кроме того, в боевую готовность были приведены 7 укрепленных районов. Несколько авиационных соединений с боевыми самолетами численностью около 550 единиц были готовы вылететь в Чехословакию.

Содержание Мюнхенского соглашения и метод его заключения явились предметом справедливой критики со стороны многих исследователей

Помощь со стороны Советского Союза могла стать решающим фактором коллективной обороны от гитлеровской агрессии, но она была отвергнута. Это, разумеется, расчистило дорогу для реализации далеко идущего гитлеровского захватнического плана.

Мюнхен был «заговором для агрессии». Политика, проводившаяся с марта по сентябрь 1938 года была в своей основе продолжением политики, проводимой с 1933 года и даже раньше. Если основная стратегическая цель участников Мюнхенского сговора заключалась в стремлении толкнуть Гитлера на Восток, развязать антисоветскую агрессию, то конкретная ближайшая цель — сделать Чехословакию неспособной сопротивляться распространению германского политического и экономического влияния в Восточной Европе.

Содержание Мюнхенского соглашения и метод его заключения явились предметом справедливой критики со стороны многих исследователей как уже в 1938 году, так и позднее[4]. Вместе с тем в стане реакции «Мюнхен» находил апологетическую оценку. В частности, вскоре после окончания Второй мировой войны реваншистские круги Западной Германии начали ссылаться на этот документ для обоснования своих территориальных притязаний. Они взяли на вооружение мнение некоторых западных юристов о том, что соглашение в момент его заключения было действительным.

Такая точка зрения не соответствует ни фактическим обстоятельствам, которые имели место в период заключения Мюнхенского соглашения, ни принципам и нормам международного права.

В обоснование недействительности (ничтожности) Мюнхенского соглашения с точки зрения действовавшего в тот период международного права можно привести ряд аргументов.

1. Соглашение противоречит основным принципам международного права. Мюнхенское соглашение затрагивало территориальную целостность Чехословакии (в пользу Германии была отторгнута жизненно важная часть пограничной территории страны, причем без прямого ее согласия). Это являлось грубейшим нарушением принципа суверенитета. Игнорировался и другой важнейший принцип международного права — принцип суверенного равенства. Чехословакия в переговорах в Мюнхене участия не принимала, их результаты ей были лишь сообщены. Следовательно, она была поставлена в неравное по сравнению с другими «договаривающимися сторонами» положение; нарушалась свобода волеизъявления Чехословакии, что противоречило Парижскому пакту 1928 года, где зафиксирована необходимость мирного разрешения международных споров.

2. Соглашение противоречит обязательствам, возложенным на государства Статутом Лиги Наций и другими действовавшими в тот период договорами. Во время заключения Мюнхенского соглашения Франция, Великобритания и Италия, так же как и Чехословакия, будучи членами Лиги Наций, были связаны ее Статутом. Статья 10 последнего предписывала «беречь и защищать нынешнюю территориальную целостность и независимость всех членов Лиги Наций от любого внешнего вторжения». А в соответствии со ст. 20 государства — участники давали торжественное обязательство не заключать в будущем договоров, несовместимых со Статутом Лиги Наций.

Вопрос о возможных спорах между членами Лиги Наций и государствами, не входящими в нее, регулировался ст. 17 Статута, которая гласила, что государство, не входящее в Лигу, приглашается подчиняться обязательствам, лежащим на ее членах, в целях урегулирования спора на условиях, признанных Советом Лиги Наций справедливыми. Если государство откажется взять на себя упомянутые обязательства и прибегнет к войне, то против него можно использовать санкции в соответствии со ст. 16 Статута[5].

Германия и Чехословакия, кроме того, были связаны арбитражным соглашением, заключенным в Локарно 16 октября 1925 г., в соответствии с которым обе договаривающиеся стороны обязались решать все

споры мирным путем. Причем в преамбуле говорилось, что «права государства не могут изменяться без его согласия, поскольку честное соблюдение методов мирного разрешения международных споров позволяет без насилия решать вопросы, ко¬торые могли бы поссорить государства».

Франция, помимо Парижского пакта и Статута Лиги Наций, была связана с Чехословакией еще и союзническими договорами: Договором от 25 января 1924 г. «О союзе и дружбе» и Договором «О взаимных гарантиях», заключенным в Локарно 16 октября 1925 г.

3. Соглашение навязано Чехословакии под угрозой агрессии. Это положение доказано многочисленными документами и материалами, которые ныне широко известны. В частности, документы, взятые в качестве трофеев в период войны, главным образом представленные Международному военному трибуналу в Нюрнберге, а также документы дипломатического характера, опубликованные в ряде стран, помогли полностью осветить подоплеку политики, приведшей к «Мюнхену». Они содержат неопровержимое доказательство того, что со стороны гитлеровской Германии имела место явная угроза применения силы против Чехословакии.

Нюрнбергский трибунал после окончания Второй мировой войны подтвердил, что оккупация Чехословакии была продуманным шагом, которому отводилась значительная роль в экспансионистских планах нацистов. Начало Второй мировой войны Трибунал назвал заговором против мира, преступлением. Составной частью этого заговора был мюнхенский диктат от 29 сентября 1938 г. — один из серьезных актов, открывших путь всемирному военному пожару. Принуждение к заключению договоров при помощи силы или угрозы силой рассматривается международным правом как незаконный акт, а сами договоры как недействительные. Данное положение в настоящее время четко закреплено в ст. 52 Венской конвенции о праве международных договоров. Ранее же оно было обычной нормой. Эта норма действовала и в период заключения Мюнхенского соглашения.

4. Соглашение заключено с помощью обмана со стороны Германии. На Нюрнбергском процессе было доказано, что Гитлер заключил Мюнхенское соглашение не для того, чтобы, как он утверждал, решить с чехословацким правительством спор, намеренно разжигаемый нацистским правительством с помощью немецкого меньшинства в Чехословакии, а исключительно для того, чтобы обеспечить себе вы-

годные условия для реализации следующего этапа преступного плана, направленного против мира. С самого начала переговоров, как ныне известно, Гитлер вообще не собирался соблюдать заключенное соглашение. Оно было использовано им как ширма для захвата всех пограничных укреплений, что облегчило оккупацию остальной части страны. 7 октября 1938 г. оккупация пограничной территории на основании Мюнхенского соглашения была закончена, и уже 21 октября, т.е. через две недели, Гитлер дал указание относительно того, как подготовить ликвидацию остальной части Чехословакии. Таким образом, налицо обман со стороны нацистского правительства[6]. Нюрнбергский трибунал, говоря о недействительности Мюнхенского соглашения, имел в виду именно данное обстоятельство. В своем приговоре он констатировал, что Мюнхенское соглашение страдает дефектом воли, если и в период заключения соглашения Германия не собиралась осуществлять его.

Нюрнбергский трибунал подтвердил, что оккупация Чехословакии была продуманным шагом

Действительность международного договора, как отмечает О.И. Тиунов, «является его (международного договора. — Авт.) качеством, определяющим рамки правомерного действия соглашения. Законно действие только такого договора, который действителен».

5. Соглашение заключено в нарушение чехословацких конституционных норм. В соответствии с чехословацкой Конституцией от 1920 года, действовавшей в период подписания Мюнхенского соглашения, правомочия заключать договоры, изменяющие государственную территорию, имел президент республики с согласия Национального собрания. В ней сказано, что «территория Чехословацкой Республики образует единое неделимое целое, границы которого могут изменяться только конституционным законом» (ст. 3, абз. 1). Статья 33 Конституции гласила, что конституционный закон считается принятым, когда за него проголосовали 3/5 всех депутатов обеих палат Национального собрания. Об этом порядке было информировано как британское, так и французское правительства. В частности, в ноте чехословацкого правительства от 20 сентября 1938 г. указывалось, что «в любом случае необходимо запросить мнение парламента».

Однако из документов переговоров, предшествовавших Мюнхенскому соглашению и последовавших после него, ясно, что вел их президент Чехословакии Э. Бенеш совместно с представителями правительственной коалиции. Так называемые британо-французские предложения от 19 сентября 1938 г. были продиктованы правительству Чехословацкой Республики. «Принятие» Мюнхенского соглашения также состоялось лишь от имени президента республики и правительства. Следовательно, ни в одном из указанных случаев не было дано согласия Национального собрания.

Из ничтожности Мюнхенского соглашения следует и недействительность всех актов, которые на его основе были навязаны Чехословакии

Из мнения чехословацкого правительства по поводу уже подписанного «соглашения», сообщенного 30 сентября 1938 г. министром иностранных дел французскому, британскому и итальянскому послам, ясно, что правительство Чехословакии считало его не действительным международным договором, а навязанным в результате диктата, которому оно вынуждено было подчиниться. Иного смысла не могли иметь слова «подчиняемся решению, которое было принято в Мюнхене без нас и против нас».

Приведенные аргументы убедительно доказывают, что свободное волеизъявление Чехословакии, служащее необходимой предпосылкой возникновения действительного договора, при подписании Мюнхенского соглашения отсутствовало. Оно было сфабриковано без участия Чехословацкой Республики и против ее воли.

Историческая справедливость была восстановлена лишь после разгрома фашизма во Второй мировой войне. При этом заметим, что с образованием двух немецких государств ЧССР неоднократно проявляла добрую волю и стремление нормализовать отношения с ФРГ. Однако вплоть до конца 60-х годов тогдашние правительства ФРГ не давали официального ответа правительству ЧССР.

В ходе последующих сложных чехословацко-западногерманских переговоров, после того как правительство Западной Германии выразило готовность признать Мюнхенское соглашение недействительным, 11 декабря 1973 г. был подписан Договор о взаимных отношениях между ЧССР и ФРГ.

В преамбуле и ст. I и ст. II Договора, которые, по мнению авторов, составляют единое целое, ФРГ признает в качестве одной из главных причин недействительности Мюнхенского соглашения угрозу силой, с помощью которой соглашение было навязано Чехословакии. Отсюда общий вывод: положения Мюнхенского соглашения не имеют правовой силы, т.е. они ничтожны, как ничтожны и последствия соглашения. Речь идет о последствиях морально-политических и международно-правовых. В первом случае — это осуждение политики «Мюнхена», ее мотивов, целей и последствий. Одновременно была разрушена одна из основных опор реваншистской деятельности реакционных сил ФРГ. Подтверждение со стороны ФРГ ничтожности мюнхенского диктата имело положительное значение не только для двусторонних отношений между ЧССР и ФРГ, но и для общего развития международных отношений.

Международно-правовое последствие, вытекающее из ничтожности Мюнхенского соглашения, заключается в том, что отторжение под угрозой силы значительной территории Чехословацкой Республики с самого начала было незаконно и недействительно и что чехословацкая пограничная территория никогда не принадлежала германскому рейху.

Из ничтожности Мюнхенского соглашения следует и недействительность всех актов, которые на его основе были навязаны Чехословакии либо опирались на него, включая и те, которые имели форму международного договора[7]. Судьбу Мюнхенского соглашения разделили и нормы, принятые в сфере чехословацкого правопорядка в период, когда чехословацкий народ был лишен свободы (30 сентября 1938 г.).

За «Мюнхен» 1938 года народы Чехословакии и Европы в целом заплатили дорогой ценой. Этот опыт и в настоящее время напоминает от необходимости беречь суверенитет и безопасность государств, строго соблюдать нормы и принципы международного права.

Несмотря на «Мюнхен», агрессивные действия на европейском континенте повторились в канун XXI века уже со стороны жертв гитлеровской агрессии, объединившихся еще в 1949 году в североатлантический блок — НАТО.

События 1999 года в Косове, натовская авиаоперация в значительной степени изменили сложившуюся международную практику урегулирования кризисов. В первые в современный период под морально-этическим предлогом предотвращения гуманитарной катастрофы

военный альянс одних суверенных государств совершил вмешательство в внутренние дела другого суверенного государства. Сделано это было помимо Организации Объеденных Наций.

Имевшие место реалии на Европейском континенте, связанные с агрессивным курсом НАТО во главе с Соединенными Штатами Америки против Югославии, свидетельствуют далеко не о «внедрении» идеи об автономии косовских албанцев в многонациональной стране под дулами иноземных интервентов в качестве гарантов. Прежде всего США не устраивает сближение России с Западной Европой, и они искали участок, где можно было бы столкнуть ее с европейскими государствами. Таковым явилось Косово, и НАТО стало превращаться из инструмента коллективной военной обороны в инструмент защиты экономических интересов одной страны. И надо отдать должное американцам: тактический момент был выбран удачно — их европейские партнеры уже намеревались идти своим путем, объединить усилия с Россией, но для этого не было еще нужной базы и конкретного плана реализации таких идей. Кроме того, в планы США входило и входит возглавить мир после распада СССР и быть лидером планеты в XXI веке.

Без малого 15 лет назад в апреле 1999 года лидеры 19 стран — участниц Североатлантического альянса утвердили на его юбилейной сессии в Вашингтоне новую Стратегическую концепцию НАТО, в соответствии с которой они наделили себя «правом» вооруженного вмешательства во всем мире без соответствующих санкций СБ ООН или ОБСЕ. Суперсаммит НАТО прошел под знаком экспансионизма этой военно-политической организации, ее расширения на Восток, то есть в сторону России.

Еще ранее, в ноябре 1998 года, эта позиция нашла свое закрепление на состоявшейся в Эдинбурге очередной сессии Североатлантической ассамблеи (САА) (своеобразного объединенного парламента НАТО) в специальном докладе «НАТО в XXI веке», представленном американской стороной.

Другое новшество — расширение сферы действия Североатлантического союза. Конкретно не указывается, какие территории попадают отныне в поле зрения натовских войск, но говорится вполне определенно, что альянс намерен дипломатическими и силовыми средствами защитить территории своих стран-членов и «общие ценности и интересы», в том числе за пределами своей зоны ответственности.

Что же касается ракетно-бомбовых ударов по суверенной Югославии, то они, по заявлениям представителей альянса, наносились в целях «предотвращения гуманитарной катастрофы на Балканах». Фактически гуманитарная катастрофа произошла именно в Европе, отказавшейся не только от самостоятельной геополитики, но и от собственных гуманитарных ценностей. За несколько часов одного дня бомбардировок Югославии — 24 марта 1999 г. — эти «европейские нормы» подверглись девальвации под явным нажимом США, стремящихся на любом уровне не допустить объединения «бесконтрольной» Европы и реализовать свои сверхдержавные притязания.

В условиях безнаказанности агрессоров трагедия для народов Европы может повториться

В течение лишь 11 недель, отведенных «стратегами» Запада в целом на проведение карательных операций на Балканах, было использовано 1045 самолетов (720 американских, 320 канадских и европейских), которые сбросили на гражданские и военные объекты Югославии 20 тысяч тонн бомб (250 тонн в день)[8].

Характер наносимых военных ударов по Югославии, масштабы причиненных ими разрушений и потерь напрочь опровергают измышления о предотвращении гуманитарной катастрофы» в этом регионе, являясь свидетельством посягательства на территориальную неприкосновенность и политическую независимость СРЮ, вмешательства в ее внутренние дела. При этом общеизвестно, что ни в одном международно-правовом акте не предусмотрена допустимость «гуманитарной интервенции». Натовская военная акция невольно представляется как рецидив того, что получило печальное наименование и осуждение как мюнхенский диктат по отношению к Чехословакии осенью 1938 года.

К сожалению, в условиях безнаказанности агрессоров трагедия для народов Европы может повториться. Ситуация в Чехословакии, в свое время спровоцированная Мюнхенским соглашением, как и натовские «операции» против Югославии в 1999 году, — это не сработанный в спешке механизм, а тщательно спланированный сговор.

Независимо от каких бы то ни было гуманитарно-политических доводов, которыми НАТО пытается оправдать свою силовую акцию против Югославии, она представляет собой в правовом отношении бес-

спорный факт агрессии, грубейшего нарушения Устава ООН, Хельсинкского Заключительного акта 1975 года, а также Основополагающего акта Россия — НАТО 1997 года. В этих условиях оказался подорванным престиж и авторитет ООН и ОБСЕ — признанных легитимных организаций, призванных от имени международного сообщества содействовать обеспечению мира и безопасности, действиями НАТО архитектуре европейской и мировой безопасности нанесен сильный удар.

Агрессия является международным преступлением и влечет за собой международную ответственность

Война, развязанная против Югославии, вызванная высокомерием мощи и ощущением безнаказанности, являлось прямым вызовом сложившемуся после Второй мировой войны правопорядку, нормам и принципам международного права.

В то же время военная акция НАТО на Балканах сопровождалась перманентными усилиями придать ей видимость легитимности с точки зрения норм и принципов международного права, хотя вот уже несколько десятилетий общепризнанна противоправность такого рода применения силы по отношению к суверенному государству. Запрет на применение силы одним государством или группой государств против другого, кроме случаев законной самообороны в ответ на вооруженное нападение или участие в санкциях по решению СБ ООН, носит характер императивной нормы международного права.

Агрессия является международным преступлением и влечет за собой международную ответственность.

Агрессивные действия НАТО на Балканах вызвали самое острое и опасное противостояние между Москвой и Вашингтоном не только за период после окончания «холодной войны», но, пожалуй, со времен Берлинского и Карибского кризисов начала 60-х годов. Политические и военные руководители Североатлантического альянса в одночасье перечеркнули все конструктивное, что с огромными усилиями было достигнуто в сфере безопасности за последние десятилетия.

Военные акции НАТО против Югославии являются свидетельством перерождения этого союза из оборонительного в экспансионистский (не только в плане территориальных границ, но с точки зрения применения силы) с соответствующими вооруженными силами и

оперативными планами наступательного характера. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что Североатлантический блок в настоящее время предстал как главная проблема европейской безопасности, и также в качестве основного препятствия на пути сотрудничества России с Западом, включая Соединенные Штаты Америки.

При этом необходимо подчеркнуть, что наряду с последовательным торпедированием российских мирных инициатив по урегулированию в то время косовского вопроса и стабилизации обстановки в Европе США демонстративно заявляли о намерениях принять в НАТО страны Балтии. 23 апреля 1999 г., в канун 50-летия альянса и на фоне усиливавшихся бомбовых ударов против Югославии, госсекретарь США М. Олбрайт заявила, повторив неоднократно сказанное американскими официальными лицами самого высокого ранга, что Вашингтон «создаст крепкую основу для вступления» Латвии, Литвы и Эстонии в Североатлантический блок. Кстати, база для этого решения уже давно была подготовлена Хартией партнерства в сфере безопасности, подписанной 16 января 1998 г. между США и странами Балтии. Словом, Запад использовал максимум возможностей для усиления своего влияния в официально объявленных зонах особого интереса России.

В этой связи нелишне напомнить следующее: при подписании Основополагающего акта Россия — НАТО Москва довела до сведения руководства альянса, что расширение НАТО не должно затрагивать республики бывшего СССР, в том числе и страны Балтии. В противном случае Российская Федерация оставляет за собой право коренного пересмотра своей внешней политики, и в частности курса на партнерские отношения со странами Североатлантического договора. В последующем границы балтийских государств были обозначены Председателем Правительства Российской Федерации

Е.М. Примаковым как «красная линия», переходить которую блок не должен. НАТО тем не менее перешла ее в другом месте, напав на Югославию. А в настоящее время грозит нарушить этот своеобразный рубеж на главном направлении – против России, в частности, путем создания американской системы ПРО в Европе.

Исторический парадокс при этом заключается в том, что именно в 2008 г. (70 лет спустя после Мюнхена) и именно вновь была взята под прицел безопасность Чехии и Польши. И именно в сентябре 2008 г. Министерство обороны Чехии обнародовало текст договора об условиях

пребывания в своей стране частей американского воинского контингента. Этот документ под кодовым названием «СОФА» (SOFA), который 21 сентября 2008 г. был подписан в Лондоне министром обороны Чехии Властой Паркиновой и шефом Пентагона Робертом Гейтсом, является сопроводительным к основному соглашению о размещении радара системы ПРО США на территории Чехии. «СОФА» определяет права и обязанности нахождения в Чехии американского обслуживающего персонала радара. Текст «СОФА» состоит из преамбулы и 34 статей, насчитывая 29 страниц. Американцы, судя по данным СМИ не ощущали со стороны чешских властей каких-либо препятствий во время согласования текстов договора и переговоров. Еще 8 июля того же года главы дипломатических ведомств США Кондолиза Райс и Чехии Карел Шварценберг подписали основной документ о размещении на чешской территории американского радара системы противоракетной обороны[9].

Польша также не выдержала натиска американского политического давления относительно размещения элементов американской ПРО на ее территории, скрепленным специальным соглашением также в 2008 г., несмотря на противодействия Москвы. При этом тогдашний министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский в одном из своих выступлений, оправдывая польско-американский альянс, к тому же добавил, что членство в НАТО помогает Варшаве «стабилизировать ее отношения с соседями»[10].

Договоренности 2008 года США с европейскими партнерами о размещении элементов американской ПРО в Польше и радиолокационной станции в Чехии говорит о «недоученных уроках» европейской неодипломатии. И, естественно, это вызвало беспокойство в России. И все дело в том, что основа этих «элементов» — мощнейшие радарные комплексы, способные сканировать воздушно-космическое пространство от наших западных границ до Урала и Кавказа[11]. То есть вся европейская часть нашей страны может находиться под постоянным контролем НАТО.

Соглашение о размещении элементов американской ПРО на территории Польши, подписанное в 2008 году в Варшаве, Москва расценила как угрозу собственной безопасности, как стремление США укрепить свою безопасность в ущерб безопасности других.

Комментируя планы и действия Соединенных Штатов по обустройству в Европе третьего позиционного района ПРО, тогдашний премьер-

министр В.В. Путин в одном из своих публичных выступлений на этот счет заявил: «Какие бы аргументы американские партнеры не приводили, этот проект нацелен против стратегического потенциала России. И мы не можем не дать на него адекватный ответ. Неизвестно кто выиграет от этих действий, но понятно, что проиграет прежде всего вся Европа»[12].

Между тем не лишне напомнить и европейцам, и неевропейцам, что мощные российские межконтинентальные баллистические ракеты «Воевода», «Тополь» и другие стратегические средства сдерживания могут прорвать любую систему ПРО и существующую, и перспективную и обнулить ее. Но, разумеется, лучший вариант — это исключения подобного развития событий и обеспечение коллективной европейской безопасности. МП

Примечания

1 См., например, об этом: Маслов С. Мюнхен: правда стало больше// Российская газета. 2008. 30 сентября.

2 В последующем, как это общеизвестно, Э. Бенеш капитулировал.

3 Извлечение, см.: Протопопов А.С., Козьменко В.М., Еланов Н.С. История международных отношений и внешней политики России. Указ. соч. С. 249

4 В 1939 году профессор международного права Квинси Райт заявил, что упомянутое соглашение недействительно с самого начала (см.: «American Journal of International», 1939, vol. 39, p. 12—32).

5 Следует сделать оговорку, что указанные положения в значительной степени носили формальный характер, поскольку Статут (в частности, ст. 12) допускал обращение к войне.

6 В этой связи ст. 49 Венской конвенции о праве международных договоров гласит: «Если государство заключило договор под влиянием обманных действий другого участвовавшего в переговорах государства, то оно вправе ссылаться на обман, как на основание недействительности своего согласия на обязательность для него договора».

7 Имеется в виду Договор между Германией и Чехословакией о вопросах гражданства и оптации от 20 ноября 1938 г.

8 Подробнее, например, см.: Колобов О.А. НАТО: тактика военных действий в Югославии и их последствия для России/ В кн.: Балканский кризис: истоки, состояние, перспективы. – Нижний Новгород. 2000.

9 Российская газета. 2008. 24 сентября.

10 Российская газета. 2008. 12 сентября.

11 См.: Российская газета. 2008. 7 ноября.

12 Российская газета. 2008. 25 ноября.

Особенности конголезско-руандийского конфликта и поиски путей его преодоления

Г.М. Сидорова

С апреля 2012 г. военно-политическая обстановка в восточных провинциях ДРК заметно обострилась. Это было связано с решением конголезского правительства об аресте лидера военной группировки «Национальный конгресс в защиту народа» (НКЗН) Боско Нтаганды, на которого Международный уголовный суд дважды выдавал ордер на арест, однако полевой командир оставался неуловимым (в марте 2013 г., правда, к немалому удивлению всех, он сам сдался правосудию). Выдвинутый 5 мая 2012 г. правительством ДРК ультиматум НКЗС сложить оружие и прекратить боевые действия остался без ответа. Более того, большая часть этого объединения, формально выступая за выполнение всех пунктов соглашения, подписанного правительством 23 марта 2009 г., заявила о создании другого военного объединения — «Движения 23 марта» (М23) — и намерении продолжить вооруженную борьбу за свои права. Попытка Киншасы еще в мае 2012 г. найти политические развязки кризиса не увенчалась успехом[1].

Спорадические боестолкновения между армией ДРК и М23 переросли в устойчивое вооруженное противостояние. ВС ДРК развернули в Северном Киву полноформатную боевую операцию с применением бронетехники и артиллерии. Впервые были задействованы также боевые вертолеты огневой поддержки. На восток были переброшены батальоны быстрого реагирования, подготовленные США и Бельгией. За неделю конголезской армии удалось потеснить повстанцев и взять под контроль ряд населенных пунктов, где были обнаружены значительные

Г.М. Сидорова Кандидат исторических наук, Посольство РФ в Демократической республике Конго

склады НКЗН с оружием, которое, по версии Киншасы, поставлялись «негативным силам» в обмен на ликвидное сырье (алмазы, золото, тантало-колумбит и др.).

По утверждению конголезских экспертов, это объединение имеет мощную поддержку со стороны руандийского военного командования и властей Кигали. В результате «на востоке развернулась масштабная необъявленная война между ДРК и Руандой»[2]. Кроме того, одновременно воспользовавшись концентрацией усилий ВС ДРК на борьбу с М23, активизировали свои действия такие военные группировки, как «Май Май Райя Мутомбоки» и «Демократический союз за освобождение Руанды» (ДСОР), что существенно обострило социально-политическую обстановку, поставив ее на грань гуманитарной катастрофы[3].

Выстраивание взаимодействия между Кигали и Киншасой шло непросто. Несмотря на поток обвинений, направленных в адрес Руанды со стороны Киншасы, Африканского союза, международных организаций и отдельных политических деятелей, власти Кигали отрицали свою причастность к событиям.

Вместе с тем, по мере «развертывания» боевых действий, все больше районов Северного Киву переходило под контроль М23, а позиции правительственных войск заметно ослабли. Пополнение рядов М23 (до 2500 чел.) происходило, в том числе и за счет дезертиров конголезской армии, число которых значительно увеличилось[4].

Для ознакомления с ситуацией на месте и принятия решительных мер президент ДРК Ж.Кабила направил в первых числах июня в административный центр провинции Северное Киву г. Гома представительную правительственную делегацию во главе с премьер-министром Мататой Поньо. В ходе пресс-конференции 9 июня 2012 г. по итогам ее пребывания в регионе официальный представитель правительства, министр информации и печати Л.Менде впервые косвенно обвинил Руанду в содействии подрывной деятельности на территории ДРК.

В связи с событиями на востоке Евросоюз выступил с заявлением, в котором выразил поддержку усилиям конголезских властей «покончить с параллельным командованием внутри конголезской армии». НПО «Эмнисти интернейшнл» опубликовала отчет, в котором акцентировала внимание на проблематике продажи оружия третьим странам и связанной с ней темой нарушением прав человека в ДРК. Международная НПО «Интернейшнл кризис групп» обратилась с открытым

письмом в СБ ООН, в котором также высказывает опасения в связи с затянувшимся военно-политическим кризисом на востоке ДРК. Она критиковала МООНСДРК, которая по ее мнению, потеряла доверие и нуждается в срочной переориентации усилий.

Власти Кигали продолжали отрицать какое-либо вмешательство в дела соседней страны

Военные действия на востоке ДРК осложнили гуманитарную ситуацию. Увеличился поток беженцев и перемещенных лиц (более 100 тыс. человек были вынуждены покинуть свои жилища и спасаться бегством), многие из них нашли приют в соседних Руанде, Уганде и Бурунди (в Уганде – 111.056 конголезских беженцев, в Руанде – 74.608, в Бурунди – 28.957). По сведениям Международного Красного Креста (МКК), распространившего в Киншасе свой пресс-релиз, ситуация в обоих Киву оставалась хрупкой и проблематичной. Сотрудники МКК подвергались большому риску. Увеличилось число нападений на медицинские центры и их разграбление. «Там даже нет минимума безопасности», – отметил глава МКК в ДРК Франц Раухенштейн[5]. Остро стояла проблема в области сексуального насилия. Находившаяся с визитом в марте 2013 г. специальный представитель Генсекретаря ООН по вопросам сексуального насилия в зоне конфликтов З.Х.Бангура констатировала, что преступники даже не задумываются о последствиях содеянного и остаются безнаказанными. Она считает, что секс-насилие стало оружием войны и об этом надо бить тревогу. По окончании визита З.Х.Бангура подписала от имени ООН соглашение с правительством ДРК, которое предусматривает предупреждение нарушения прав человека и борьбу с насилием в ходе вооруженных конфликтов[6].

Власти Кигали продолжали отрицать какое-либо вмешательство в дела соседней страны. На этом фоне министр иностранных дел ДРК Р.Чибанда посетил Танзанию, Уганду, Бурунди, Анголу. В ходе встреч с руководством этих стран им были вручено послание президента Ж.Кабилы, в котором высказывалось предложение рассмотреть на очередном саммите Международной конференции по району Великих озер (МКРВО) ситуацию, складывающуюся на востоке ДРК, на котором были бы расставлены все точки над «i» и названы виновники и пособники обострения положения.

Попытка остановить эскалацию напряженности на региональном уровне была предпринята 15-16 июля 2012 г. на полях саммита Афросоюза в Аддис-Абебе, где прошло совещание глав внешнеполитических ведомств и силовых структур 11 стран-членов МКРВО. В рамках встречи ее участники приняли решение о создании Международных нейтральных сил (МНС) с возможным их размещением на конголезско-руандийской границе с целью перекрытия каналов подпитки военных группировок М23, ДСОР и других, а также оказания содействия ВС ДРК по их нейтрализации.

Переговорный процесс о модальности будущей МНС был продолжен в августу 2012 г. в Кампале в ходе внеочередного саммита глав государств и силовых структур МКРВО. Высокий уровень представителей этой встречи продемонстрировал их обеспокоенность нарастанием кризиса и опасением приобретения им регионального характера. Правительство ДРК оценило итоги саммита в Кампале как свой дипломатический успех. В то же время оппозиция назвала этот форум «как неудавшийся, а саму организацию как неспособную решить проблему ДРК»[7].

Очередной саммит МКРВО, как и планировалось, состоялся 7-8 сентября 2012 г. в Кампале. Из 11 стран-участниц организации присутствовали лишь президенты ДРК, Уганды, Танзании и Южного Судана. Лидера Руанды на встрече представляли министры обороны и иностранных дел. Несмотря на сопротивление Кигали, участники приняли решение сформировать МНС в трехмесячный срок (что было объективно нереально). Предполагалось, что действовать они будут под эгидой Афросоюза и ООН. Наиболее чувствительным оставался вопрос о финансировании и составе МНС. Это досье было поручено проработать Кении, Анголе, Республики Конго и Танзании. Министры обороны должны в сжатые сроки разработать конкретные предложения по реализации решений форума, которые они представят 8 октября с.г. на встрече в верхах в Дар-эс-Саламе.

Встречу в Кампале конголезцы оценили неоднозначно. Радикальная оппозиция и ряд НПО считали ее «провальной». В свою очередь официальная Киншаса полагала, что саммит прошел в позитивном ключе и его решения рассматриваются как очередной шаг к нормализации обстановки в РВО. И хотя заявления конголезских властей звучали оптимистично, ситуация на востоке ДРК оставалась весьма сложной.

15-16 сентября 2012 г. в Гоме под председательством Минобороны Уганды К.Кийонги состоялась встреча профильных министров стран-членов МКРВО. Кроме Уганды, в ее работе приняли участие минобороны ДРК, Руанды, Бурунди, Танзании. Другие страны были представлены на уровне начальников штабов. По итогам совещания было принято решение создать группу военных наблюдателей за обстановкой в пограничной зоне между ДРК и Руандой. Этой структуре было вменено в обязанность отслеживание и контроль за действиями негативных сил в регионе, а также подготовка конкретных предложений по материально-техническому обеспечению, финансированию и численному составу МНС и их размещению на конголезско-руандийской границе. Новая контрольная структура была создана в развитие договоренностей о формировании МНС, достигнутых на саммите Афросоюза в Аддис-Абебе (15-16 июля с.г.) и встрече глав государств МКРВО в Кампале (7-8 сентября с.г.).

22 сентября 2012 г. группа военных наблюдателей от стран МКРВО со штаб-квартирой в центре сбора разведданных в г.Гома официально приступила к выполнению своих задач[8].

Руанда продолжала находиться в фокусе внимания международного сообщества, особенно ее традиционных партнеров. США объявили о «замораживании» финансирования Руанды в 200 тыс. долл. Их примеру последовала Великобритания, главный донор Кигали, и приостановила помощь в 16 млн. фунтов стерлингов (правда, вскоре Лондон отменил свое решение). Временно прекратили помощь также Нидерланды (5 млн. долл.), Германия (21 млн. евро) и Швеция (26,1 млн. евро). Аналитики сравнили П.Кагаме с Мобуту, которого долгое время поддерживал Запад, а с изменением политической ситуации «оставил на произвол судьбы»[9].

В начале августа 2012 г. в Северном Киву военные действия между ВС ДРК и М23 стали наиболее интенсивными. Возникла реальная угроза захвата Гомы. Тем не менее, ВС ДРК при военной поддержке Миссии смогли приостановить наступление негативных сил и снизить накал вооруженных столкновений. Однако, по мнению Миссии, это не помешало М23 сформировать в восточной части ДРК свою администрацию. В Ручуру, Киванье, Мабенге, Рубаре, Каленгере, Бируме были образованы местные комитеты якобы для обеспечения безопасности гражданского населения. В их состав вошли местные традиционные вожди, а также лидеры общин. По утверждению военных экспертов, истинная цель этих коми-

тетов не решение проблем безопасности населения, а установление контроля в районах богатых полезными ископаемыми.

Официальный представитель правительства ДРК Л.Менде, реагируя на создание новообразования, сказал, что для конголезцев это не является событием. «То, что делает руководство М23, нас не впечатляет. Их действия подобного рода сводятся к попытке свести на нет усилия МКРВО. Но мы будем противостоять агрессии Руанды», — подчеркнул министр[10].

Руанда продолжала находиться в фокусе внимания международного сообщества, особенно ее традиционных партнеров

В связи с критической ситуацией на востоке и неблагоприятной обстановкой в Вооруженных силах ДРК Генштаб в августе 2012 г. начал операцию по рекрутированию, официально обратившись с призывом к молодежи от 18 до 25 лет встать под знамена национальной армии. На помощь конголезскому правительству пришла МООНСДРК. Однако первые результаты оказались не столь утешительными. Молодежь неохотно ответила на призыв силовиков. И хотя офицеры-рекрутеры утверждали, что акция напрямую не связана с военными действиями на востоке, а проводится для омоложения армии, молодые люди отнеслись к этому с недоверием.

В августе 2012 г. МООНСДРК выступила с заявлением, в котором призвала М23 и другие военные группировки на востоке страны положить конец насильственному рекрутированию детей и подростков. По информации экспертов МООНСДРК, с начала 2012 г. более 150 детей было рекрутировано военными группировками, действующими на востоке, включая М23, Май-Май и ДСОР.

Политико-дипломатическое давление на Руанду с целью пресечения внешней поддержки незаконных вооруженных групп на востоке ДРК оказывалось и со стороны регионального сообщества. Эта тема широко обсуждалась на саммите Сообщества развития стран юга Африки (САДК), проходившем 17-18 августа 2012 г. в Мапуту. В ходе рассмотрения ситуации в основных кризисных зонах стран САДК была подтверждена линия на продолжение усилий в целях обеспечения мира и стабильности в субрегионе.

Определенные надежды по разрешению кризиса на востоке ДРК связывались с 67-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-

Йорке. Президенты ДРК Ж.Кабила и Руанды П.Кагаме выступили с высокой трибуны ООН 25 сентября 2012 г. Вопреки ожиданиям наблюдателей, прогнозировавших обмен взаимными обвинениями, африканские лидеры вели себя сдержанно по отношению друг к другу, не заостряясь на существующей проблеме между их странами. П.Кагаме старался обходить стороной «острые углы», а Ж.Кабила, хотя и осуждал негативные элементы, избегал в своей речи акцентов на Руанде. По утверждению экспертов, на тон выступлений обоих президентов во многом повлияла прошедшая накануне их выступлений встреча с Х.Клинтон, которая возлагала ответственность за происходящее на обе стороны конфликта, отмечала, что складывающаяся обстановка обусловлена взаимным недоверием между ними, предлагала немедленно приступить к разрядке напряженности мирным путем.

Добиваться содействия ООН в разблокировании кризиса в регионе было поручено президенту Уганды в качестве председателя МКРВО на специальном совещании, состоявшемся 27 сентября 2012 г. по инициативе Пан Ги Муна в Нью-Йорке. Участники мини-саммита оценили ситуацию как критическую, призвали стороны конфликта к мирному решению проблемы, осудили действия «негативных элементов», а также пригласили международное сообщество содействовать урегулированию кризиса. Тем не менее, по итогам встречи не последовало заключительного коммюнике или какого-либо субстантивного решения проблемы.

Тем временем, проруандийская военно-политическая группировка М23, «укоренившаяся» в Северном Киву, не собиралась сдавать своих позиций. На фоне переговорного процесса по урегулированию обстановки на востоке страны, в провинции продолжались кровопролитные бои. Пиком необъявленной войны было осеннее наступление боевиков М23 и взятие 20 ноября 2012 г. г. административного центра провинции Северное Киву г.Гомы. Присутствие там подразделений М23 сопровождалось грабежами, насилием, коллективными расправами, разрушением структур жизнеобеспечения города.

Начало 2013 г. не принесло ощутимых решений ни правительства ДРК, ни региональных и международных организаций в развязку сложного военно-политического узла на востоке страны. В результате раскола М23 на два крыла, военное и политическое, а также перегруппировки сил как внутри этого объединения, так и в целом среди других военных группировок, обстановка по-прежнему оставалась критической. Решение

о размещении МНС на границе с Руандой, закрепленное Рамочным соглашением о мире и безопасности в ДРК и РВО (Аддис-Абебе, 24 февраля 2013), а также резолюцией СБ ООН № 2098 от 28 марта 2013 г., внесло определенное раздражение в ряды боевиков негативных сил, которые стали угрожать «вторым взятием Гомы»[11].

Исходя из анализа ситуации на востоке ДРК следует, что для силового решения проблемы по обеспечению безопасности и территориальной целостности страны у Киншасы не хватает собственных сил и средств (включая боеспособные ВС), а политические и дипломатические усилия пока не увенчались успехом. Международное сообщество в целом ведет себя сдержанно и пассивно, а региональные организации, в первую очередь Афросоюз, предпочитают использовать «мягкую силу» в примирении конголезцев и руандийцев, не прибегая к обвинению Руанды и применению к ней санкций, как этого требует ДРК.

Не намерена «капитулировать» и Руанда, избранная в СБ ООН в качестве ее непостоянного члена. Для Кигали конголезский восток остается жизненно важным пространством для решения этнополитических и демографических проблем, а также экономического выживания. В этих условиях следует ожидать, что кризис примет затяжной характер и надолго останется «болевой точкой» международной повестки. При этом для основных внерегиональных игроков на площадке РВО (США, Великобритания, Франция, ЕС, Бельгия) формируются благоприятные предпосылки для реализации идеи урегулирования кризиса через специфические «интеграционные процессы», которые рассматриваются Киншасой как путь, ведущий к балканизации ДРК[12]. МП

Примечания

1 Memorandum de la communautй Hunde du Nord Kivu et du du Kivu en RD Congo du 13 aoыt 2012. Kinshasa // Association culturelle Bushenge Hunde, Kinshasa, 13 aoыt 2012, 6 p.

2 Allocution du gouvernement congolais a l'occasion de la cйlebration de la journйe internationale de la paix. Kinshasa, 21 septembre 2012, 5 p.

3 Le Comitй international de la Croix-Rouge. Communiquй de presse, n 12/163, 8 aoыt 2012, 2 p. // Agence Presse Associйe, Kinshasa, 9 aoыt 2012. P. 2.

4 Muteda Kadima D. FARDC :consolider les acquis. Grands Lacs, 2012, n 88. P.72-80.

5 Le Comitй international de la Croix-Rouge. Communiquй de presse, n 12/163, 8 aoыt 2012, 2 p. // Agence Presse Associйe, Kinshasa, 9 aoыt 2012. P. 2.

6 Le Reference plus, Kinshasa, 03.04.2013

7 Le Phare, Kinshasa, 09.08. 2012.

8 Palmarиs, Kinshasa, 24.09.2012.

9 Le Point du jour ; Kinshasa, 07. 08. 2012

10 Le Potentiel, Kinshasa, 10.08.2012.

11 Документ СБ ООН. S/RES/2098(2013) от 28 марта 2013 г.

12 Подробное изложение т.н. теории балканизации см. La Republique Democratique du Congo face au complot de balkanisation et d'implosion. Sous red.Kankwenda Mbaya J. USA: Ed. ICREDES, 2013, 416 p.

«Грянет ли буря» в Восточно-Китайском море?

А.Л. Лукин
А.В. Губин

Сегодня Восточная Азия постепенно становится регионом «морского противостояния». На то есть географические предпосылки — главные игроки не теснятся на одном континентальном пространстве, а отделены друг от друга морскими просторами[1]. И если крупномасштабные военные действия на плотно заселенной суше могут привести к колоссальным людским и материальным потерям, то на океанских пространствах подобные риски слабее, что может понизить порог для принятия решения о начале войны.

В Северо-Восточной Азии главный конфликтный потенциал сконцентрирован в Восточно-Китайском море (ВКМ), где в качестве антагонистов выступают Китай и Япония. Предмет их противоречий — суверенитет над островами Сенкаку (кит. — Дяоюйдао), а также разграничение исключительных экономических зон.

Тревожные симптомы, свидетельствующие об опасном росте напряженности налицо. В 2012 году Китай чрезвычайно резко отреагировал на решение японского правительства о национализации (путем покупки у частного владельца) островов Сенкаку. Состоявшиеся в Японии в декабре 2012 года парламентские выборы показали сдвиг общественных настроений в сторону более жесткой позиции в отношении Китая. Одно

А.Л. Лукин кандидат политических наук, заместитель директора Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток;
А.В. Губин кандидат политических наук, руководитель научных программ Азиатско-тихоокеанского регионального центра Российского института стратегических исследований, г. Владивосток

из предвыборных предложений нового премьер-министра Синдзо Абэ (пока не реализованное) — обеспечить на островах постоянное присутствие японских чиновников и персонала береговой охраны. В конце апреля 2013 г., выступая в парламенте, Абэ заявил, что Япония готова применить силу в случае «вторжения китайцев в пределы Сенкаку»[2] — самое сильное на сегодняшний день выражение решимости с японской стороны. Токио уже объявило об увеличении военных расходов в 2013 году, первом повышении оборонного бюджета за 11 лет, что соответствует предвыборным обещаниям нарастить военную мощь для противостояния «китайской угрозе».

По мнению ряда аналитиков, война в Восточно-Китайском море, казавшаяся почти невероятной еще несколько лет назад, может стать реальностью[3]. Корень конфликта лежит не в военно-стратегическом значении этих необитаемых островков и не в залежах нефти и газа в Восточно-Китайском море — спор приобрел символическое значение, став делом принципа между поднимающимся и все более националистическим Китаем, с одной стороны, и старающейся удержать свои слабеющие позиции Японией, с другой. В истории международных отношений многие большие войны начинались именно из-за казалось бы мелких споров, ставкой в которых был престиж государств.

ВМЕШАЮТСЯ ЛИ США?

На кону стоит и репутация Соединенных Штатов, которые, во-первых, связаны союзническими обязательствами с Японией и, во-вторых, все более настороженно относятся к Китаю, воспринимая его в качестве главного стратегического соперника (peer competitor).

Американская администрация неоднократно заявляла о том, что не занимает позиции в пользу одной или другой стороны в вопросе об окончательном суверенитете над Сенкаку, но в то же время признает административный контроль Токио над островами и, следовательно, на эти территории распространяется действие американо-японского Договора безопасности[4]. Примечательно, что до сих пор американцы ни разу не заявляли о готовности вмешаться и применить военную силу на стороне своего японского союзника в случае столкновения из-за Сенкаку. Когда высокопоставленным американским дипломатам задают вопросы на эту тему, они неизменно уходят от прямого ответа[5]. Такая уклончивость может свидетельствовать о том, что в Вашингтоне нет полной уверенно-

сти в целесообразности вмешательства в возможный конфликт в Восточно-Китайском море.

65% столкновений между великими державами в XIX и XX веках представляли собой ситуации, когда одна великая держава защищала своего союзника от нападения другой[6]. В руководстве США знают эти исторические уроки и опасаются начать третью мировую войну из-за нескольких островков в Восточно-Китайском море. Американцы хорошо осознают риск, который обусловлен наличием антагонизма между Японией и Китаем, с одной стороны, и союзнических обязательств Вашингтона по отношению к Токио, с другой. Именно по этой причине подход США к спору о Сенкаку приобретает определенную схожесть с политикой «стратегической неопределенности» (strategic ambiguity), которую Америка уже давно проводит в отношении «тайваньской проблемы». Некоторые авторитетные американские аналитики даже утверждают, что, если Токио станет инициатором кризиса, то США могут отказаться выступить на стороне Японии в военном столкновении с Китаем[7].

Несмотря на все эти оговорки, США по всей вероятности окажут Японии военную поддержку в случае критической ситуации в Восточно-Китайском море, если Токио окажется не в состоянии справиться с ней самостоятельно. Если такая помощь не будет предоставлена, американо-японский альянс будет дискредитирован, равно как и статус Америки как «главного гаранта безопасности» в АТР.

ПОЗИЦИИ ДРУГИХ ИГРОКОВ

Как поведут себя другие государства Северо-Восточной Азии в случае военного столкновения Китая и Японии?

Республика Корея окажется в довольно сложной ситуации. С одной стороны, корейцы имеют схожие с китайскими претензии к японцам по островам Токто (яп. — Такэсима). С другой стороны, Сеул находится в военно-политическом альянсе с США, поэтому, вероятно, займет официальную позицию нейтралитета, хотя на юге полуострова найдутся и те, кто будет искренне желать поражения японцев.

КНДР, хотя и является союзницей Китая, тоже вряд ли вмешается в конфликт. Непосредственные интересы Пхеньяна с Восточно-Китайским морем никак не связаны, да и военных возможностей, чтобы серьезно повлиять на исход конфликта, у северных корейцев практиче-

ски нет. Поэтому там будут с удовлетворением наблюдать за столкновением великих держав, чтобы потом еще более действенно играть на противоречиях между ними.

Тайбэй, подобно Пекину, считает спорные острова китайской территорией. Однако почти невозможно представить, чтобы ради номинального патриотизма Тайвань включился в войну против главных гарантов своей де-факто независимости — США и Японии. Исключено и военное выступление Тайваня против материкового Китая. Поэтому администрация сделает все возможное, чтобы сохранять фактический нейтралитет в конфликте.

ЧЬЯ ВОЗЬМЕТ?

Япония располагает мощной базой ВВС и ВМС на Окинаве, что ставит ее в благоприятное положение, так как на острове можно будет сосредоточить главные силы и создать плацдарм, фактически «непотопляемый авианосец». Окинава при этом надежно прикрывается от атак с воздуха, включая удары крылатыми ракетами, комплексами «Пэтриот», истребителями, корабельными средствами ПВО.

Японская тактическая авиация не оснащена системой дозаправки топливом в воздухе, однако ввиду малого подлетного времени с Окинавы способна обеспечить практически беспрерывное патрулирование и выполнение задач по уничтожению морских и воздушных целей. Говорить о массированных ударах японской авиации по наземным целях на территории материкового Китая затруднительно — такие полеты возможны только с небольшой нагрузкой для поражения точечных целей.

Также стоит исключить возможность высадки воздушного десанта на острова Сенкаку — они слишком малы, да и обеспечить безопасность доставки крайне проблематично.

Япония может без ущерба для защиты основной территории сосредоточить в зоне конфликта треть парка боевых самолетов — ок.100 единиц. Основа ВВС — современные машины, способные наносить удары по морским целям как бомбами, так и управляемыми ракетами, не входя в зону поражения большинства китайских корабельных средств ПВО, а также уничтожать воздушные цели на значительном удалении. Токио также обладает самолетами дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ), радиоэлектронной борьбы (РЭБ), что существенно упрощает контроль за воздушной и морской обста-

новкой, наведение авиагрупп и может затруднить работу китайских электронных средств[8].

Китай может сосредоточить основную часть боевых средств и обеспечения в районе городов Фучжоу, Тайчжоу, Нинбо. Нет достоверных данных относительно степени контроля китайскими РЛС воздушного пространства страны, однако, в случае конфликта, оно, бесспорно будет усилено в узловых районах. То же можно сказать и о наземных системах ПВО.

Японии, в случае оборудования форпоста на Окинаве придется значительные объемы техники, боеприпасов и обеспечения доставлять морем

Ввиду значительных размеров страны массовая переброска боевых средств будет затруднена. Китай также не сможет оставить полностью без прикрытия границу с «северным соседом» — Россией, равно как и ослабить «индийский участок». Техническое состояние и опыт китайских пилотов тоже вызывают вопросы, потому используемый парк боевых самолетов первоначально вряд ли превысит 15% (ок. 200 единиц)[9].

И снова в небе могут столкнуться «советы» и «штаты» — Китай совершенно точно устроит испытание многофункциональным истребителям поколения Су-27 (как российским, так и собственного производства). По летным характеристикам они превосходят своих противников и обладают высокими возможностями по борьбе с морскими и воздушными целями.

Хотя расстояние от аэродромов до Сенкаку будет несколько большим, чем у японцев, технически сохраняется возможность непрерывно находиться над спорным районом. Однако из-за географического расположения, маршрут китайских самолетов над Восточно-Китайским морем японцам легче контролировать с моря и воздуха, нежели китайцам японские передвижения от Окинавы.

ВВС НОАК обладает крайне немногочисленными самолетами обнаружения и управления, реального опыта наведения авиагрупп нет, как и практики взаимодействия с флотом. Потому в воздухе китайцы будут прежде всего полагаться на «эффект масштаба», и «битва за Сенкаку» для ВВС НОАК первоначально будет сопряжена со значительными потерями. Вместе с тем, китайцы смогут покрыть потери в

авиации переброской соединений из других районов, а в будущем и активным строительством новых (ежегодные темпы обновления — 100 машин)[10].

Сходным образом обстоит дело на море. Морские силы самообороны Японии (МССО) представляют собой современный, многочисленный полноценный флот. В зоне Сенкаку японцы смогут развернуть, по крайней мере, четыре эсминца с системой «Иджис» с баз Йокосука, Сасебо, Куре. Их отличительная особенность — способность обеспечивать управление морскими силами и авиацией, высокие возможности по обнаружению целей и управлению огнем всего соединения[11].

Также японцы способны задействовать дюжину эсминцев с более скромными боевыми возможностями для задач противолодочной обороны и ближней ПВО. До восьми современных дизельных субмарин могут быть выделены для боевых задач против Китая — прежде всего, для слежения за атомными лодками. Новый эсминец-вертолетоносец «Хиуга» возможно использовать для противолодочных функций в составе эскадры.

Имеются у японцев и десантные корабли. Однако на Сенкаку возможна высадка только малых групп без тяжелого вооружения с вертолетов и катеров на воздушной подушке. Кроме того, амфибийная операция может быть успешной только в случае превосходства на море и в воздухе, которого ни одна из сторон в данном положении обеспечить не в состоянии.

Также необходимо отметить, что Японии, в случае оборудования форпоста на Окинаве придется значительные объемы техники, боеприпасов и обеспечения доставлять морем. Даже при следовании «тихоокеанским путем», с заходом в ВКМ на финальной стадии, уязвимость перевозок существенно возрастает. Поэтому японцам придется обеспечить мощную противолодочную оборону конвоям.

Важно упомянуть и то, что японские корабли не обладают возможностью поразить береговые объекты на китайской территории — стране запрещено иметь ракетное оружие подобного класса.

ВМС НОАК обладает внушительным боевым потенциалом. В зоне конфликта непосредственно находится Восточный флот (основные базы — Нинбо, Шанхай). Реальную боевую силу представляют четыре эсминца российской постройки, обладающие мощным противокорабельным вооружением[12]. В Восточном флоте имеется и семь современных дизельных подводных лодок (в том числе четыре российские), которые

могут выполнять весь спектр боевых задач — слежение за надводным и подводным противником, уничтожение врага противокорабельными ракетами и торпедами, постановка мин. Восточному флоту, тем не менее, не хватает эффективных противолодочных сил. Также стоит помнить и о китайских ракетных катерах (точное их количество в районе неизвестно, но не меньше двух десятков), которые не позволят японским надводным силам приблизиться к побережью.

Следует ожидать, что в случае конфликта вокруг Сенкаку в бой войдет и часть сил Южного флота. Это перечеркивает кажущееся превосходство японцев на море. Наиболее современные боевые единицы оснащены китайским аналогом многофункциональной системы «Иджис» и способны уничтожать надводного и воздушного противника за пределами действия японского оружия[13].

В совокупности два флота обладают 20 десантными кораблями разных типов, однако перспектива масштабной амфибийной операции на Сенкаку маловероятна в силу причин уже указанных выше.

Корабли Северного флота Китай вполне может приберечь. Исключение — многоцелевые атомные лодки. Доподлинно неизвестно, сколько новых АПЛ имеется в составе ВМС НОАК (предполагается, что три), и какова боеготовность четырех устаревших лодок, однако можно рассчитывать, что, по крайней мере, две субмарины будут использоваться для нарушения снабжения Окинавы. Китайский авианесущий крейсер «Ляонин» пока не представляет собой боевой единицы и проходит цикл испытаний.

Таким образом, при масштабном японо-китайском конфликте в районе Сенкаку без вмешательства третьей стороны победа, скорее всего, останется за китайцами, хотя и ценой значительных потерь. Об этом позволяет говорить, прежде всего, численное превосходство КНР на море и в воздухе и солидные резервы при сопоставимых или лучших характеристиках боевых систем и средств поражения, что перевесит высокие способности японцев в организации и управлении.

ЕСЛИ ВМЕШАЕТСЯ АМЕРИКА?

Как отмечалось выше, США, по всей видимости, окажут Японии политическую и военную поддержку. Учитывая пока еще сохраняющееся военно-стратегическое превосходство объединенных сил США и Япо-

нии над Китаем, прямое вмешательство Вашингтона в конфликт приведет к поражению Пекина.

Впрочем, даже если в столкновении Китаю будет противостоять объединенная военно-морская мощь США и Японии, у НОАК есть шанс, по крайней мере, не проиграть. Об этом, свидетельствует опыт Фолклендской войны 1982 года, которая по ряду параметров сопоставима с потенциальным конфликтом вокруг Сенкаку.

Один из уроков Фолклендов — даже заведомо более слабая сторона может нанести в морском сражении серьезный ущерб противнику, если она располагает современным оружием. Всего пятью французскими ракетами Exocet, аргентинцы сумели потопить два британских корабля и серьезно повредить еще один. Командующий британскими силами в Фолклендской операции адмирал Сэнди Вудворд (Sandy Woodward) позднее признался, что если бы аргентинцам удалось поразить один из британских авианосцев, это означало бы крах всей миссии[14]. Действенное противокорабельное оружие, в сочетании с умелой тактикой и долей везения, может иметь решающее значение в конфликте.

Помимо военных мер, США могут применить против Китая политико-дипломатические и, что самое главное, экономические санкции, вплоть до введения полного эмбарго на торговлю и установления морской блокады. Учитывая, что экономика Китая все еще весьма зависима от торговли с Америкой и, особенно, от морских поставок углеводородов, экономическая блокада может стать очень эффективным инструментом воздействия. Однако решиться на такой шаг американцам, возможно, будет даже сложнее, чем открыть военные действия против Китая. Учитывая значение Китая для глобальной экономики и для экономики самих США, торговое эмбарго, тем более если оно затянется, будет обоюдоострым оружием.

Крайне сложно говорить о перспективах китайско-японского столкновения (с возможным участием США), например, через 10-15 лет. Китай за это время значительно увеличит (и количественно, и качественно) свой военный потенциал. Военные возможности Японии, вероятно, существенно не изменятся. США, скорее всего, несколько усилят свой военный потенциал в западной части Тихого океана, но из-за бюджетных ограничений рост их военных возможностей будет весьма затруднен. Таким образом, в долгосрочной перспективе баланс сил явно изменится в пользу КНР.

СЦЕНАРИИ: БИПОЛЯРНАЯ КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ СООБЩЕСТВО БЕЗОПАСНОСТИ?

Хотя вариантов развязки конфликта может быть бесконечно много, можно выделить пять базовых сценариев.

1. Проигрыш Китая и наступление биполярной конфронтации. Военное поражение Пекина приводит к еще большему росту национализма, ужесточению антияпонских и антиамериканских настроений в КНР. Международный порядок в АТР приобретает законченный вид конфронтационной биполярной системы (Китай против блока США, Японии и их союзников), балансирующей на грани войны.

2. Проигрыш Китая и смена режима. Этот сценарий напоминает то, что произошло с Аргентиной после ее проигрыша в Фолклендской войне[15]. Сокрушительное военное поражение становится катализатором массовых волнений, направленных против КПК. В результате политический режим в стране радикально трансформируется, и к власти приходят новые политические силы, которые исповедуют более демократические, но, скорее всего, не менее националистические взгляды.

3. Боевая ничья. Контроль над спорными островами остался за японцами, однако ВМС и ВВС НОАК сумели нанести значительный урон японо-американской объединенной группировке, сами избежав при этом катастрофических потерь. Это позволило каждой стороне объявить о своей победе. В дальнейшем произойдет консолидация конфронтационной биполярности в АТР, и обе стороны начнут готовиться к новой схватке.

4. Победа Китая и проигрыш Японии. Этот вариант может материализоваться, если США откажутся оказать Японии действенную военную поддержку. Япония терпит поражение, и контроль над островами переходит к китайцам. Далее возможны три альтернативы:

А) Поражение еще больше накаляет национализм в Японии и стимулирует реваншистские настроения. Токио выходит из показавшего свою ненадежность альянса с США, принимает решение о снятии военных самоограничений, включая, возможно, создание собственного ядерного оружия, и начинает готовиться к длительному и ожесточенному противостоянию с Китаем. В АТР формируется триполярная система: Китай, США и Япония.

Б) Поражение приводит к осознанию японцами бесперспективности дальнейшего противостояния. Подобно тому, как проигрыш американ-

цам в Тихоокеанской войне заставил Токио признать верховенство Вашингтона, Япония признает Пекин в качестве нового сюзерена, порывая с США. Среди части японской элиты уже сегодня существуют взгляды в пользу вхождения в орбиту стратегического влияния Китая[16]. Проигрыш в войне парадоксальным образом может усилить эти настроения, продемонстрировав бесполезность сопротивления растущей китайской мощи.

В) Испытав шок от разгрома, Япония окончательно теряет веру в собственные силы и еще теснее прислоняется к США, фактически превращаясь в американский протекторат. Это, скорее всего, будет способствовать наступлению в АТР жесткой биполярности.

5. Сообщество безопасности. Конфликт, который стоил всем его участникам колоссальных материальных потерь, оказывается для них трансформирующим опытом, даже независимо от того, кто одержал военную победу. В Токио и Вашингтоне убедились, что Китай стал по-настоящему мощной державой и способен нанести противнику неприемлемый ущерб, даже если он применит свою силу в ограниченном масштабе. В Пекине поняли, что не стоит недооценивать решимости Японии, при поддержке США, защищать свои национальные интересы. Обе стороны ясно осознали, что конфликт легко мог подвергнуться эскалации, в том числе ядерной, где на кону стояло бы уже само существование государств. Кризис в ВКМ стал поворотным пунктом, напоминающим Карибский кризис между США и СССР и значительно ускорил формирование в регионе мирного «сообщества безопасности»[17].

Степень вероятности вышеприведенных сценариев неодинакова. Первый вариант наиболее вероятен, пока сохраняется нынешнее соотношение военных потенциалов, характеризующееся превосходством американо-японского альянса. Пятый сценарий — самый оптимистичный, но пока он и наименее вероятен.

Какой бы сценарий не материализовался, ясно одно — международный порядок в АТР после крупного вооруженного конфликта будет существенно отличаться от «довоенного».

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Очевидно, что потенциальный конфликт в ВКМ — это «не наша война». Уклониться от участия в конфликте будет нетрудно, поскольку мы не связаны союзническими обязательствами ни с одним из его ве-

роятных участников. Кроме того, Россия не будет таким уж привлекательным военным союзником, учитывая, что ее Тихоокеанский флот в своем нынешнем состоянии едва ли способен проводить эффективные боевые операции в Восточно-Китайском море.

Непосредственной военной угрозы для России этот конфликт представлять не будет, вследствие относительной отдаленности театра военных действий от территории страны. Однако Москва, несомненно, почувствует на себе последствия войны в ВКМ — прежде всего экономические. Разрыв, даже временный, в торговых и финансовых связях между Китаем и Японией, Китаем и США, а также возможная блокада Америкой морских коммуникаций Китая, вполне способны вызвать глобальный экономический кризис, который больно ударит и по России.

Какие из вышеприведенных пяти базовых сценариев могли бы устроить Россию, а какие нет?

Нам явно не выгоден сценарий, при котором Китай одерживает победу и Япония, смирившись с поражением, признает его гегемонию. Это означает резкое усиление Китая, что в перспективе может быть рискованным. Россия желала бы такого исхода конфликта между Китаем и Японией/США, который бы содействовал формированию многополярного баланса сил в АТР, где Москва будет определенную свободу маневра.

Сценарии ужесточения биполярной конфронтации, в котором роль главных центров будут играть Пекин и Вашингтон, несут в себе риск новой войны, причем в уже гораздо более обширных масштабах. Россия в этом не заинтересована. Однако в рамках сценариев биполярной конфронтации РФ может получить экономический «бонус»: чтобы обеспечить себе надежные поставки сырья, не подверженные морской блокаде США, Китай станет в гораздо большей степени полагаться на российские природные ресурсы и будет более сговорчивым в переговорах о ценах на нефть и газ из России[18].

Смена режима в Китае несет для России слишком много рисков. Нет никакой гарантии, что новая власть в Пекине будет более дружелюбна по сравнению с авторитарным режимом КПК, с которым Москва научилась находить общий язык.

Наконец, перспектива создания в регионе сообщества безопасности, при всей своей внешней привлекательности, может оказаться не столь уж благоприятной для Москвы. Это произойдет в том случае, если по-

литическое сообщество безопасности в Восточной Азии, равно как и региональную экономическую интеграцию, будут строить с минимальным участием России, и страна окажется аутсайдером в региональных процессах. Текущие процессы институционального строительства в АТР пока подтверждают данную тенденцию.

России в некотором смысле выгодно наличие напряженности в отношениях между Японией и Китаем, поскольку в таком случае и Пекин, и Токио будут заинтересованы либо в привлечении Москвы на свою сторону (Китай), либо в ее нейтралитете (Токио). Подобные противоречия будут способствовать формированию в АТР многополярной системы, в которой России будет обеспечен статус значимого полюса.

Смена режима в Китае несет для России слишком много рисков

В то же время Россия не заинтересована в переходе японо-китайского конфликта в ВКМ из «холодной» в «горячую» фазу. Война между Китаем и Японией (с вероятным участием США) может иметь крайне негативные экономические последствия для России. Она также может привести к непредсказуемым изменениям как на международной арене, так и внутри отдельных стран (например, смене режима в КНР). Эти изменения могут быть весьма неблагоприятны для России.

Политика, которой Москва придерживается по данной проблеме в настоящее время, представляется оптимальной — не поддерживать ни одну из сторон территориального спора. Политика нейтралитета оказывает умеряющее воздействие на поведение Китая, посылая ему сигнал, что Россия не готова поддержать его действия по изменению статус-кво в ВКМ. В отношении Японии такая позиция тоже приносит свои положительные плоды: японцы высоко ценят нейтралитет России в вопросе о Сенкаку, понимая, что она могла бы поддержать своего стратегического партнера, но сознательно не делает этого. Американскими аналитиками решение России отказать Китаю в поддержке его территориальных претензий к Японии тоже расценивается как фактор, способствующий стабилизации ситуации в регионе[19].

Продолжая придерживаться позиции фактического нейтралитета в споре вокруг Сенкаку/Дяоюйдао, Россия должна использовать имеющиеся у нее политико-дипломатические рычаги, чтобы постараться

предотвратить опасный кризис между Китаем и Японией. Не исключено, что Москва и Вашингтон могли бы сыграть в унисон, чтобы умерить пыл участников конфликта. США могут повлиять на своего союзника — Японию, а Россия — на своего стратегического партнера — КНР. МП

Примечания

[1] Robert D. Kaplan. The South China Sea is the Future of Conflict // Foreign Policy. September/October 2011. http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/08/15/the_south_china_sea_is_the_future_of_conflict

[2] Senkaku / Diaoyu, Shinzo Abe «ready to use force«// AsiaNews.it, April 24, 2013. http://www.asianews.it/news-en/Senkaku-/-Diaoyu,-Shinzo-Abe-ready-to-use-force-27739.html

[3] Hugh White. Caught in a bind that threatens an Asian war nobody wants. Dec. 26., 2012. http://www.smh.com.au/opinion/politics/caught-in-a-bind-that-threatens-an-asian-war-nobody-wants-20121225-2bv38.html

[4] Philip J. Crowley. U.S. Department of State Daily Press Briefing. August 16, 2010. http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2010/08/146001.htm ; Hillary Rodham Clinton. Remarks With Japanese Foreign Minister Fumio Kishida After Their Meeting. January 18, 2013. http://www.state.gov/secretary/rm/2013/01/203050.htm

[5] Deputy Secretary Burns at Media Round Table in Tokyo, 15 October 2012 . http://translations.state.gov/st/english/texttrans/2012/10/20121015137474.html#axzz2IFOg6fVN.

[6] Vesna Danilovic. When the Stakes are High: deterrence and conflict among major powers. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. P. 53.

[7] Martin Fackler. Japanese Politician's Visit To Shrine Raises Worries // The New York Times, Oct. 18. 2012, http://www.nytimes.com/2012/10/18/world/asia/japan-opposition-leader-shinzo-abe-visits-war-shrine-a-possible-message-to-neighbors.html?_r=1&

[8] На основе данных http://www.globalsecurity.org/military/world/japan/jasdf.htm

[9] На основе World Air Forces 2011-2012

[10] Китайское пятое поколение. «Независимое военное обозрение». 07 декабря, 2012. http://nvo.ng.ru/realty/2012-12-07/1_china.html

[11] Global Security. Atago class URL: http://www.globalsecurity.org/military/world/japan/7700ton.htm

[12] По данным «Энциклопедия кораблей» http://ship.bsu.by/ship/102832

[13] Китай совершил технологический рывок. «Военный паритет». 22 июля, 2011. http://www.militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perevodnie/1636/

[14] Claire Ellicott, David Wilkes. Maggie's war with treacherous Mitterrand over Exocet missile. 28 December 2012. http://www.dailymail.co.uk/news/article-2253942/Margaret-Thatchers-war-treacherous-Francois-Mitterrand-Exocet-missile.html#ixzz2IbrZYt8p

[15] После завершения конфликта возглавлявший Аргентину генерал Галтьери был отстранен от власти, начались массовые выступления против правления военных и в 1983 г. в стране состоялись демократические выборы.

[16] Edward Luttwak. The rise of China vs. the logic of strategy. Cambridge, MA: The Belkhap Press of Harvard University Press, 2012. P. 125-126.

[17] Сообщество безопасности – это международная система, участники которой воздерживаются от применения насилия в отношениях друг с другом и решают споры только мирным путем. В мире сегодня насчитывается четыре таких сообщества – Европа, Северная Америка, Южная Америка, а также (с определенными оговорками) Юго-Восточная Азия.

[18] В нефтяной, и особенно в газовой сфере, Китай пока является довольно трудным и неуступчивым партнером для России. См. например: Keun-Wook Paik. Through the Dragon Gate? A Window of Opportunity for Northeast Asian Gas Security. December 2012. http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Energy,%20Environment%20and%20Development/1212bp_paik.pdf

[19] Gaye Christoffersen. The Sino-Russian Partnership: Central Asian Norm Diffusion into the Asia-Pacific. Paper presented at the International Studies Association Convention, April 2013, San Francisco.

Проблемы привлечения к ответственности частных военных и охранных компаний за нарушение норм международного гуманитарного права на основании законодательства США

Е.В. Мартыненко
А.А. Сырхаев

США являются основным поставщиком частных военных подрядчиков в зоны вооруженных конфликтов. Это факт серьезно повлиял на степень разработанности механизмов правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний в США. Данные механизмы в США более совершенные по сравнению с другими государствами-экспортерами услуг частных военных и охранных компаний.

В 1955 г. Администрация президента США Д.Д.Эйзенхауэра приступила к передаче части государственных функций на аутсорсинг частным компаниям. В 1966 г. Административно-бюджетное управлениеИсполнительного управления Президента США (TheOfficeofManagementandBudget) издало Приказ А-76 (Circular A-76), который регламентировалпроцесс аутсорсинга государственных функций и услуг частным компаниям. В соответствии с данным приказом вводилась конкурснаясистема передачи государственных функций и услуг частным компаниям. В приложении к Приказу определялось, что передаче на аутсорсинг частным компаниям не подлежат «исключительно государственные функции»[1], определение которых в данном документе не давалось.

Е.В. Мартыненко кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права РУДН
А.А. Сырхаев аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

Разъяснение того, что относится к «исключительным государственным функциям» можно встретить в документах ООН. Так, в Докладе Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия праву народов на самоопределение «исключительно государственные функции» определяются как функции, которые основываются на принципе монопольного права государства на законное применение силы и которые государство не может передавать на аутсорсинг или делегировать частным военным и охранным компаниям ни при каких обстоятельствах.К таким функциям, в соответствии с вышеупомянутым Докладом, относятся: «непосредственное участие в военных действиях, ведение войны и/или боевыхопераций, захват пленных, законотворчество, шпионаж, разведка, передача знаний военного, охранного и полицейского применения, применение оружия массового уничтожения или проведение иной деятельности, связанной с ним, осуществление полицейских полномочий, прежде всего полномочий на арестили задержание, включая допрос задержанных, и другие функции, которыегосударство-участник считает исключительно государственными»[2]. С нашей точки зрения данный перечень достаточно полно раскрывает понятие «исключительно государственных функций» и должен приниматься государствами-экспортерами услуг частных военных и охранных компаний в договорных отношениях с государствами-импортерами военных и охранных услуг.

Участие частных военных и охранных компаний в современных вооруженных конфликтах является реальностью

Участие частных военных и охранных компаний в современных вооруженных конфликтах является реальностью и не всегда участники данных правоотношений придерживаются рекомендаций ООН относительно набора функций, передающихся на аутсорсинг частным военным и охранным компаниям. Вопрос правомочий частных военных и охранных компаний, действующих за пределами национальной юрисдикции, тесно связан с проблемой ответственности компаний как таковых, так и их персонала за нарушение норм международного гуманитарного на основании национального законодательства и международного гуманитарного права. Наибольший интерес в связи с этим представляет законодательство США как наиболее детально разработанное, в том числе

и в части, касающейся ответственности частных военных и охранных компаний и достаточно широкоприменяющееся судами в США.

Согласно параграфу 7 главы 1 части 1 раздела 18 Официального Свода федеральных законов США (Далее – Свод законов США) федеральные суды США обладают «специальной заморской территориальной юрисдикцией» в отношении деяний, совершаемых на военных базах США. Под «специальную юрисдикцию»[3] попадают территории, в состав которых входят: территориальное море, корабли и морские суда США в открытом море, помещения дипломатических представительств и военных учреждений США за рубежом.

В 2000 г. был принят закон США «Об экстерриториальности военной юрисдикции»[4] (MilitaryExtraterritorialJurisdictionAct). Закон расширил юрисдикцию судебных органов США в отношении лиц, работающих на вооруженные силы США, либо лиц их сопровождающих, находящихся под «специальной заморской территориальной юрисдикцией США» и совершивших неправомерные действия за пределами США, ответственность за которые предусматривает лишение свободы на срок более одного года.

Термин «лица, работающие на вооруженные силы США» позволил расширить юрисдикцию в отношении всех гражданских подрядчиков и субподрядчиков Министерства обороны США. Существенным недостатком данного закона является то, что он может применяться только к частным подрядчикам Министерства обороны США.

В 2004 г. в этот закон были внесены изменения, которые расширили круг лиц, подпадающих под специальную юрисдикцию США. Данные изменения коснулись гражданских лиц, частных подрядчиков и субподрядчиков любого уровня; гражданских лиц, работающих на подрядчиков и субподрядчиков любого уровня, если такие работы выполнялись для Министерства обороны США; любого другого федерального агентства либо временного органа власти в той степени, в которой это отвечает миссии Министерства обороны США за пределами территории США.

Закон «Об экстерриториальности военной юрисдикции» не распространяется на гражданских лиц, «работающих на вооруженные силы США либо лиц их сопровождающих» и являющихся гражданами государства пребывания, поскольку они должны находиться под его юрисдикцией.

«Патриотический акт» (англ. USA PatriotAct[5]) – федеральный закон, принятый в США в октябре 2001 г., который дает правительству и полиции широкие полномочия по надзору за гражданами, в том числе и за рубежом, расширил судебную юрисдикцию США. Американские суды получили право рассматривать дела по правонарушениям, совершенным на территориях военных баз гражданами США, а также по правонарушениям, совершенным в отношении граждан США. При этом подпункт «b» пункта 22 параграфа 1101 титула 8 Свода федеральных законов США[6] дал очень широкое понятие гражданина США в контексте Патриотического акта, отнеся к нему любое «лицо, формально не являющееся гражданином США, но обязанное быть верным США» в силу контрактных обязательств или обязательств на иных основаниях.

«Патриотический акт» расширил территориальные пределы «специальной юрисдикции», распространив ее на территории иностранных государств, используемые правительством США для выполнения его государственных функций.

Ответственность за нарушение норм международного гуманитарного права регламентируется Законом США «О военных преступлениях» 1996 г. Закон является результатом имплементации международных обязательств США по Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., поскольку государства-участники Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г.взяли на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить серьезные нарушения этих договоров.В Законе дается определение понятия «военное преступление», в основе которого лежит перечень «серьезных нарушений Женевских конвенций» и подход, примененный в Дополнительном протоколе I 1977 г., в котором серьезные нарушения международного гуманитарного права определяются как «военные преступления»[7] (ст. 85) и которыми являются:
1) перечисленные ниже деяния, совершенные в период международного вооруженного конфликта и направленные незаконным действием или бездействием против лиц, которые не принимают участия в военных действиях и не обладают средствами для защиты, а также против раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, против медицинского и духовного персонала, санитарных формирований или санитарных транспортных средств, против военнопленных, отдельных

гражданских лиц и гражданского населения, находящегося на оккупированной территории или в зоне военных действий, против беженцев и лиц без гражданства, против других лиц, пользующихся международной защитой в связи с вооруженным конфликтом:

- преднамеренное убийство
- пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты;
- преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью;
- принуждение военнопленного или иного покровительствуемого лица к службе в вооруженных силах Державы противника;
- лишение военнопленного или иного покровительствуемого лица права на беспристрастное и нормальное судопроизводство;
- незаконная депортация, перемещение или арест покровительствуемых лиц;
- взятие заложников;
- произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не оправданное военной необходимостью.

2) перечисленные ниже серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные умышленно в период международного вооруженного конфликта и ставшие причиной смерти или серьезного телесного повреждения или ущерба здоровью:

- совершение нападения на гражданское население или на отдельных гражданских лиц;
- совершение нападения неизбирательного характера, затрагивающего гражданское население или гражданские объекты, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причиной ущерба гражданским объектам, которые были бы чрезмерными по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить;
- совершение нападения на установки или сооружения, содержащие опасные силы, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причиной ущерба гражданским объектам, которые были бы чрезмерными по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить;

• превращение необороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект нападения;

• совершение нападения на лицо, когда известно, что оно прекратило принимать участие в военных действиях;

• вероломное использование отличительного знака красного креста, красного полумесяца и других защитных знаков, признанных международным гуманитарным правом.

3) ниже перечисленные деяния, совершенные умышленно в период международного вооруженного конфликта:

• перемещение оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию или депортация или перемещение всего или части населения оккупированной территории в пределах этой территории или за ее пределы;

• неоправданная задержка репатриации военнопленных или гражданских лиц;

• применение практики апартеида и других негуманных и унижающих действий, оскорбляющих достоинство личности, основанных на расовой дискриминации;

• превращение ясно опознаваемых исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые являются культурным или духовным наследием народов и которым специальным соглашением, заключенным, например, в рамках компетентной международной организации, предоставляется особая защита, в объект нападения, в результате чего им наносятся большие разрушения, когда не имеется свидетельства об использовании этих объектов противной стороной для поддержки военных усилий, и когда такие исторические памятники, произведения искусства или места отправления культа не находятся в непосредственной близости от военных объектов.

4) ниже перечисленные деяния, совершенные в период международного вооруженного конфликта и нанесшие ущерб, незаконным действием или бездействием, физическому или психическому здоровью любого лица:

• применение к лицам, находящимся во власти противной стороны, задержанным или каким-либо иным образом лишенным свободы в связи с вооруженным конфликтом, какой бы то ни было медицинской процедуры, которая не требуется по состоянию здоровья указанных лиц и не соответствует общепринятым медицинским нормам, применяемым при

аналогичных, с медицинской точки зрения, обстоятельствах к гражданам стороны, производящей эту процедуру, которые не лишены свободы в какой бы то ни было форме, в частности, применение к таким лицам даже с их согласия: а) действий, влекущих физические увечья; б) медицинских или научных экспериментов; в) операций по удалению тканей или органов для пересадки.

Привлечение к ответственности лиц, совершивших военные преступления, осуществляют сами государства

Статьи 49, 50, 129 и 146 четырех Женевских конвенций 1949 г. соответственно предусматривают принцип универсальной юрисдикции национальных судов в отношении серьезных нарушений. Согласно этому принципу государства должны разыскивать лиц, подозреваемых в совершении или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения, и привлекать их к собственному суду независимо от их гражданской принадлежности, гражданской принадлежности жертвы и независимо от места совершения преступления. Государства могут также выдавать подозреваемых другим государствам при условии, что последние располагают достаточными основаниями для предъявления обвинения этим лицам.

Закон США «О военных преступлениях» 1996 г. применяется в случаях, когда жертвой военного преступления является гражданин США, а также в случаях, когда гражданин США подозревается в совершении военного преступления, являющегося серьезным нарушением международного гуманитарного права. В подавляющем большинстве случаев привлечение к ответственности лиц, совершивших военные преступления, осуществляют сами государства. В этой связи вывод об ответственности на национальном уровне частных военных и охранных компаний, зарегистрированных в США, а также их персонала является очевидным — они несут ответственность в соответствиис Законом США «О военных преступлениях» 1996 г.

Принимая во внимание тот факт, что вышеназванный Закон применяется только к преступлениям, совершенным гражданами США либо в отношении граждан США, может сложиться впечатление, что должны существовать некоторые сложности при решении вопроса об ответственности граждан иностранных государств, нанятых правительством

США либо частной военной компанией, работающей под флагом США. Существует мнение, что формально юридически они не несут ответственности по Закону «О военных преступлениях» 1996 г. Но это не совсем так. Не надо забывать об обязательствах государств-участников Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов 1977 г. к ним привлекать подозреваемых в совершении серьезных нарушений международного гуманитарного права к собственному суду независимо от их гражданской принадлежности, гражданской принадлежности жертвы и независимо от места совершения преступления. Но надо иметь в виду, что лицо, совершившее военное преступление может быть также судимо непосредственно на основе международного права. Так, после второй мировой войны Нюрнбергский трибунал приговорил 12 главных обвиняемых к смертной казни, а остальных к различным срокам заключения. В 1990-х гг. были учреждены два международных уголовных трибунала: по бывшей Югославии и Руанде. Они были уполномочены рассматривать дела о военных преступлениях, совершенных в рамках этих двух конкретных конфликтов. В 1998 г. на Дипломатической конференции в Римебыл принят Статут (устав) Постоянного международного уголовного суда, в компетенцию которого входит преследование и наказание лиц, совершивших военные преступления.

Активное участие в определении ответственности персонала частных военных и охранных компаний принимают военные суды США. Основным нормативно правовым актом для военных трибуналов США в этом вопросе являетсяЕдиный Кодекс военной юстиции США 1950 г. (The Uniform Codeof Military Justice 1950). Этот свод законов обеспечивает режим судопроизводства для членов вооруженных сил США, обвиняемых в совершении преступлений. После многочисленных неудачных попыток распространить юрисдикцию общих судов на гражданских лиц – сотрудников частных военных и охранных компаний, Конгресс предпринимал также попытки распространитьна них юрисдикцию военных судов, аргументируя это тем, что гражданские лица в данном случае выполняютобычные военные функции.

На практике встречались случаи привлечения гражданских лиц к ответственности в военных трибуналах, но все они были неудачными, поскольку эксперты в каждом конкретном случае приходили к выводу, что военный суд над гражданскими лицами нарушает 5 (Гарантии надлежащего уголовного процесса, запрет повторного привлечения к ответ-

ственности за одно и то же правонарушение, право не свидетельствовать против себя, гарантии при реквизициях) и 6 (Права обвиняемого, в том числе право на суд присяжных) поправки к Конституции США. Так, например, в результатев деле «Reid v. Covert»[8] Верховный суд США установил запрет на военное судопроизводство в отношении гражданских лиц в мирное время, когда нет объявленной войны. Этот прецедент был применен также в деле «Solorio v. UnitedStates»[9], когда Верховный суд США подтвердил, что военная юрисдикция применима только к лицам, имеющим официальное положение в военных учреждениях США. В 2006 г. в Единый Кодекс военной юстиции США были внесены изменения и с 2007 г. под юрисдикцию военных трибуналов попадают лица, «сопровождающие вооруженные силы в полевых условиях и во время ведения боевых действий».

Проведенный анализ показывает достаточно высокий уровень правовой регламентации ответственности частных военных и охранных компаний и их персонала за нарушение норм международного гуманитарного права, совершенные за пределами национальной юрисдикции США. Вместе с тем, следует отметить, что практика его применения остается неудовлетворительной. МП

Примечания

1 CRS Report for Congress: «Defense Outsourcing: The OMB Circular A-76 Policy» [Электронныйресурс]. TheLibraryofCongress.June 30, 2005. URL: http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/RL30392.pdfДатаобращения: 10.09.2013.

2 Пункт 51. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение» от 5 июля 2010 г. [Электронныйресурс]. Документ ООН A/HRC/15/25. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/15session/A.HRC.15.25_ru.pdf. Датаобращения – 10.09.2013.

3 Special Maritime And Territorial Jurisdiction Of The United States[Электронныйресурс]. 18United States Code §7 URL: http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/7.Датаобращения: 10.09.2013.

4 Military Extraterritorial Jurisdiction.18 United States CodeChapter 212 [Электронныйресурс]. URL: http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-II/chapter-212.Датаобращения: 10.09.2013.

5 Полноенаименованиеэтогофедеральногозакона– «Uniting and Strengthening America by ProvidingAppropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001»[Электронныйресурс]. URL: http://epic.org/privacy/terrorism/hr3162.html.Датаобращения: 10.09.2013.

6 Nationality.Definitions.8 UnitedStatesCode § 1101 «Definitions» [Электронныйресурс]. URL: http://www.law.cornell.edu/uscode/text/8/1101.Датаобращения: 10.09.2013.

7 Действующее международное право. Т. 2.- М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 731 – 792.

8 Дело «Reidv. Covert» (No. 701, 1955) [Электронный ресурс]. URL: http://www.law.cornell.edu/supct/html/historics/USSC_CR_0354_0001_ZO.html. Дата обращения: 10.09.2013.

9 Дело «Soloriov. UnitedStates» (No. 85-1581, 1987) [Электронныйресурс]. URL: http://supreme.justia.com/cases/federal/us/483/435/.Дата обращения: 10.09.2013.

О противодействии распространению идеологии «цветных революций» в студенческой среде

А.В. Манойло

ХАРАКТЕРИСТИКА СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ

В основной своей массе студенческая среда не политизирована, но весьма подвижна: она легко подхватывает любые лозунги, которые дают студентам возможность выделиться на фоне своих сверстников. Цель активности студенческой среды — самоутверждение, и отчасти, внесение разнообразия в свою жизнь, борьба со скукой и поиск острых ощущений. Часто эта потребность молодежи в самоутверждении выражается через отрицание существующих норм и стандартов жизни, в том числе основ государственного устройства. Вот почему студенты с готовностью вливаются в любые протестные движения, которые предоставляют им такую возможность, относятся к каждому новому члену своего движения индивидуально и сразу отводят им активную роль в общем деле. Все это сильно контрастирует с проправительственными молодежными движениями, организованными по принципу казармы или неосекты и выглядящими со стороны сплошной «серой массой», которую гонят туда, куда прикажут. Став членом такой организации, студент теряет всю свою свободу; более того, он сразу получает себе персонального командира, которому обязан безоговорочно подчиняться.

Технологи цветных революций используют эти особенности молодежной и студенческой среды для вовлечения студенческой молодежи в протестное движение. Для этого разрабатываются яркая революционная символика, вбрасывается в массы псевдореволюционные ло-

А.В. Манойло Профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

зунги и идеологические императивы, выдвигаются харизматичные лидеры, вокруг которых создается ореол национальных героев и представителей новой волны пламенных революционеров, в СМИ формируется соответствующий информационный фон. Это не может не привлекать молодежь, мыслящую образами и,в силу юношеского максимализма,привыкшую делить все на черное и белое, поскольку от оппозиционеров идет прямой призыв к эмоциям, а не к разуму. Однако, часто и сами руководители проправительственных движений (в основном далекие от самой молодежи) толкают студентов в ряды оппозиции: акции движений «Наши» и«Молодая гвардия» шаблонны, они лишены изобретательности, а какая-нибудь идеология в них отсутствует вовсе. Они хороши для отчетности, но не для реальной консолидации общества.Образ «защитника существующего строя» (успехи которого быстро забываются, а неудачи становятся предметом оживленных дискуссий) всегда проигрывает перед образом «пламенного революционера-идеалиста», борца за свободу и справедливость, за светлое будущее.

Нередко молодежь и студентов толкает в ряды протестного движения осознание того, что от них ничего не зависит — ни в политической жизни страны, ни в жизни родного университета. Напротив, оппозиция предоставляет студентам такую возможность, приводя примеры простых людей, получивших известность благодаря их личномуучастию в революциях: от простого аргентинского доктора Эрнесто Гевары до якобы «несгибаемого» блоггера Навального.

Для того, чтобы отвлечь студентов от участия в протестных движениях, необходимо:

- увлечь большим (как минимум, общеуниверситетским)проектом;
- организовать лидеров мнений в управляемую студенческую организацию, находящуюся под контролем ректората;
- сформировать вокруг университета (в котором студенты обучаются) собственную, замкнутую и самодостаточную информационную среду;
- обеспечить эффективный механизм обратной связи;
- создать собственный (альтернативный) клапан по «выпуску пара».

Это определяет, как минимум, пятьосновных направлений деятельности университетского актива.

1. Большой проект. Для того, чтобы направить энергию студентов в мирное русло, необходимо увлечь их новым крупным и ярким общеуниверситетским проектом, который дал бы возможность наиболее активной и пассионарной части студенческой молодежи самореализоваться, обеспечил бы им профессиональный и даже карьерный рост и занял бы все их свободное время. Таким проектом может стать, например, Пресс-центр Университета или Центр студенческой журналистики.

2. Управляемая студенческая организация. Для того, чтобы студенты не считали, что от них ничего не зависит, и не предпринимали бы попытки изменить эту ситуацию с помощью «революционных» методов, необходимо предоставить возможность студентам (через своих выборных представителей) управлять жизнью родного университета (в рамках разумного, конечно). Для этого можно расширить полномочия студенческих организаций, но все-таки лучше создать принципиально новую структуру, которая бы отбирала из студенческой среды неформальных лидеров («лидеров мнений») и включала бы их в свою работу, организовывая их деятельность и управляя через них основной студенческой массой. Такой структурой может стать двухпалатный студенческий Сенат и его профильные комитеты: по политической модернизации, по внешней политике, по публичной дипломатии, по науке и новым технологиям, по экономической политике и т.д.

3. Информационная сфера. Необходимо сформировать вокруг университета собственную, замкнутую и самодостаточную информационную сферу, в которой студенты могли бы найти для себя уже готовые ответы на любые волнующие их вопросы, включая политическую жизнь страны: как в виде новостной информации (актуальной и своевременно обно-

вляемой), так и готовые оценки событий в виде комментариев специалистов и аналитических материалов; это позволит управлять их еще только формирующимся политическим мировоззрением и ограждать от негативного влияния внешних деструктивных сил. Для решения указанных задач необходимообеспечить информационный фон и наполнение эфира новостями из жизни университета, аналитическими материалами на актуальные темы и оценками университетских авторитетов. В организационном плане для этого в рамках университета необходимо создать мощную информационно-вещательную сеть, начиная от собственных новостных каналов вещания и интернет-СМИ, выпускаемых Пресс-центром университета, и заканчивая собственной социальной сетью и сервисом коротких сообщений. Также необходимо создать собственную социальную сеть, в которую на основании оригинального формата и сервиса перетянуть наиболее активный университетский электорат.

Необходимо сформировать вокруг университета собственную, замкнутую и самодостаточную информационную сферу

4. Механизм обратной связи. Для контроля студенческой среды и адекватного реагирования на все происходящие в ней изменения необходимо создать механизм обратной связи между студентами и руководством университета, или с его полномочными представителями. Такую функцию могут играть проекты: горячая линия, «он-лайн вахта профессоров Университета» (на сайте в режиме он-лайн или в эфире вещательных программ университетского пресс-центра), «виртуальная приемная ректора», «клуб «анонимных» политологов» и т.д.), действующие в режиме реального времени.

5. Клапан по «выпуску пара». Для устойчивости университетской системы управления в целом необходимосоздать клапан по «выпуску пара», который позволял бы сбрасывать напряженность в молодежной среде, как только она превысит определенный пороговый уровень. В каком виде его создать, окончательного мнения еще нет. Но у любой политической системы (включая мировую) такой клапан имеется: так, для международных глобальных корпораций таким управляемым клапаном является спонсируемое ими движение антиглобалистов; для бри-

танского правительства — Гайд-парк и т.д.Для университетской молодежи, радикальные настроения которой не удастся сломить, этим клапаном может быть «университетскийгайд-парк», свободные дебаты с представителями власти и университетским руководством (заканчивающиеся символическим актом примирения, например, раздачей проректором каши из полевой кухни и т.д.), и другие управляемые публично-информационные компании.

В рамках Пресс-центра МГУ можно организовать студенческий антикризисный ситуационный центр

Эти направления деятельности необходимо дополнить рядом эффективных мер следующего характера:

1. Миссия Университета. Любая информационно-идеологическая работа начинается с определения миссии организации, в том числе в политическом ключе. Грамотно разработанная миссия не только определяет приоритеты развития и ценностные ориентиры, но и становится основой для главного инструмента убеждения — массовой идеологии. Если такой миссии и идеологии нет, ее место в умах молодежи сразу же займут другие политические концепции, в первую очередь, активно продвигаемые в сознание российских граждан т.н. оппозицией.

Следовательно, главным условием ограждения студенческой молодежи от негативного внешнего влияния является разработка миссии Университета в формирующемся многополярном мире, носящей мировоззренческий характер, в которой университет представляется как очаг и генератор идей современной политической модернизации.

2. Антикризисный центр. В рамках Пресс-центра МГУ можно организовать студенческий антикризисный ситуационный центр, способный взять под контроль любую чрезвычайную ситуацию и вести ее в режиме реального времени до тех пор, пока кризис не разрешится, либо на его локализацию будут мобилизованы профильные силы прямой компетенции. В рамках антикризисного центра сформировать и обучить группу студентов-переговорщиков.

3. Центр изучения «цветных революций». В рамках университетского антикризисного центра можно организовать центр изучения цветных революций и международного сотрудничества в сфере защиты от «цветных» переворотов, в котором можно использовать студенческий и молодежный ресурс для выработки технологий сопротивления «цветным» переворотам,

а также обучать экспертов для распознавания начала этих операций на ранних стадиях и выработки превентивных мер. Само создание такого центра станет знаком для тех, кто готовят очередную цветную революцию в нашей стране: мы знаем об их планах и готовим адекватный ответ.

4. Пропаганда. Необходимо организовать пропаганду университетских ценностей и идеалов. Значительное внимание должно быть уделено прямой разъяснительной работе, в первую очередь, об истинной сути манипулятивных технологий, применяемых оппозицией для вербовки новых членов и формирования из них послушного инструмента любых переворотов — политической толпы. Прекрасный формат для этого — предложенные доц. Володенковым конференции и круглые столы, с возможностью научных публикаций. Для этого, возможно, стоит возродить институт университетских агитаторов и политинформаторов.

5. Организация студенческого досуга. Необходимо вернуться к идее организации и заполнения досуга студентов, особенно, той части, которая проживает в общежитиях (отделения студенческих клубов прямо на этажах общежитий, проведение мини-конференций и семинаров — с участием видных профессоров и доцентов — в неформальной обстановке, без галстуков, прямо в общежитиях, в «кухонном, коридорном» формате, как это практиковалось в ранние годы советской власти).

6. Целевые гранты университета для отдельных студентов и студенческих групп, выполняющих исследования или поводящих публичные мероприятия по противодействию цветным революциям.

Для решения указанных задач в системе Университета следует создать следующую триаду структур, реализующих идею административно-студенческого партнерства:

1. Студенческий парламент.

2. Пресс-центр.

3. Антикризисный центр.

1. Студенческий парламент. Студенческий парламент может состоять из двух палат: верхней и нижней. Нижняя палата — Студенческий Сенат — формируется из наиболее активных и инициативных студентов по представительскому принципу, методом прямых выборов. Из избранных таким образом представителей студенчества формируется сам сенат и его профильные комитеты: по политической модернизации, по внешней политике, по публичной дипломатии, по науке и новым технологиям, по экономической политике и т.д. Возглавляют

комитеты «сенаторы», назначаемые председателем Сената из числа студентов, пользующиеся наибольшим авторитетом в молодежной среде.

Верхняя палата - Совет по публичной дипломатии Университета – назначается ректором (или куратором проекта) из числа полномочных представителей ректората и руководителей комитетов нижней палаты студенческого парламента.

Для увлечения основной массы студентов университетской идеей и направления их энергии в мирное русло необходим новый Большой проект

Для придания новым структурам авторитета в молодежной среде необходимо поднять статус структуры до международного уровня: например, создать общественную организацию: Международная ассамблея студенческих сенатов университетов различных стран, в рамках которой организовать обмен опытом прямого студенческого парламентаризма, и т.д.

Для выборных членов сената необходимо предусмотреть форму и порядок отчетности перед избирателями. Также необходимо предусмотреть процедуру отзыва депутатов по инициативе избирателей, а также механизм кадровой ротации.

2. Пресс-центр. Для увлечения основной массы студентов университетской идеей и направления их энергии в мирное русло необходим новый Большой проект. Таким проектом может стать Пресс-центр Университета и экспериментальное университетское телевидение, которое позволит массе инициативных людей проявить себя в журналистской работе, в информационных кампаниях Университета в сетях, в режиссуре (выпуске авторских программ) и профессии ведущего программ на телевидении и радиовещании, а гласное, в реальной возможности донести свою точку зрения до большой зрительской аудитории.Особенно это будет интересно студентам и аспирантам, которые не являются профессиональными журналистами, но планируют свое будущее в сфере пиар и массовых коммуникаций. Пресс-Центр, как любая вновь создаваемая структура, будет быстро развиваться и расти, то есть, обеспечит его сотрудникам быстрый карьерный рост, что весьма важно сегодня; «непаханое поле» позволит наиболее инициативным и увлеченным этой идеей студентам самим формировать информационную и вещательную политику центра, разрабатывать и внедрять новые форматы вещания, реализовывать собственные авторские проекты.

Одной из задач Пресс-центра может стать создание собственной социальной сети, в которую интернет-активные студенты перенесут свою социальную активность, и поведение специальных пропагандистских психологических операций, направленных против цветных революций.

Сотрудников пресс-центра из числа студентов надо прогнать через курсы по психологии и журналистике, дать основы дипломатического искусства и дипломатического этикета (а антикризисникам — переговорный процесс и медиаторство)— то есть сформировать собственную учебную программу (специализацию), давать дипломы университета по ее окончании и т.д.

Как и в любом СМИ, новости должны производить штатные корреспонденты, а аналитику — штатные аналитики, совмещающие эту работу с учебой в университете. Однако, в своей работе они должны опираться на собственную корреспондентскуюсеть и деятельно расширять ее в интересах общего дела.

В работе Пресс-центра в интересах распространения информации необходимо в полной мере использовать личные и деловые связи и контакты студентов, вовлеченных в деятельность центра: многие из них работают в крупных информационных и пиар-агенствах и имеют доступ к каналам распространения информации. Соответственно, на основании их связей можно организовать корреспондентскую сеть и сеть по распространению информации по принципам сетевого маркетинга. Для этого в центре должны быть специалисты соответствующего профиля, в совершенстве владеющие навыками сетевой коммуникации.

3. Антикризисный центр может состоять из группы специалистов по мониторингу, контролю и управлению ситуацией; группы переговорщиков; группы социальных психологов и группы экстремальной журналистики.

Положения данной статьиразворачиваются в единую концепцию проекта (по созданию в университетах системы противодействия цветным революциям).Организационно-штатная структура студенческого парламента, пресс-центра и антикризисного центра выводится исходя из задач на краткосрочный и долгосрочный период. Среди подразделений определяется ядро, которое вводится в работу сразу после своего образования. Остальные подразделения формируются и присоединяются к ядру по мере развертывания деятельности.В дополнение к концепции формируется бизнес-план, финансовый план и операционный план проекта. МП

Путь России в будущее: «Восток или Запад?»

А.А. Канунников

Всякий раз, когда проходит обсуждение вопросов, касающихся развития мировой цивилизации, вклада отдельных стран и интеграционных объединений в решение геополитических, социокультурных, экономических и других проблем человечества, неизбежно возникает вопрос о роли и месте современной России в глобализирующемся мире, ее будущем развитии.

Дискуссии по вопросам тенденций цивилизационного развития, организованные Институтом Европы РАН в этом году, стали еще одним подтверждением большого внимания академического сообщества к вопросу о месте России в системе координат сложных взаимоотношений между основными центрами силы современного мира.

Если попытаться суммировать высказанные в ходе этих дискуссий различные точки зрения, касающиеся будущего России, то, на мой взгляд, они сводятся, в основном, к двум подходам.

Первый подход заключается в том, что Россия уникальное самодостаточное государство, обладающее огромной территорией, сырьевыми ресурсами, природными богатствами, запасами полезных ископаемых, газа, нефти, крупнейшими в мире запасами пресной воды, достаточными для жизни и успешного развития многих поколений. При этом уникальность России заключается еще в том, что она, будучи расположенной на двух континентах, и являясь носителем богатой тысячелетней истории и обладателем великого культурного наследия, синтезировавшего культурные традиции Европы и Азии, объединила вокруг себя многочисленные народы.

А.А. Канунников К.и.н., ведущий научный сотрудник Института Европы РАН

Сторонники этого подхода считают, что начавшиеся на постсоветском пространстве интеграционные процессы позволят в перспективе на принципиально новой основе создать объединение государств, которое будет иметь колоссальный рынок с унифицированным законодательством, свободным передвижением капиталов, услуг и рабочей силы. Такое объединение позволит обеспечить эффективное экономическое развитие каждого из участников этого союза.

В подтверждение реальности этой задачи они называют цифры опроса ВЦИОМ, показавший, что 71% респондентов считают Россию особой — «евроазиатской» цивилизацией, которой не подходит западный путь развития, и только 13% полагают, что Россия часть западной цивилизации.

В нынешних условиях Россия, по мнению сторонников данного подхода, должна идти по пути расширяющейся интеграции, формируя самостоятельный центр силы и выстраивая взаимовыгодные отношения с другими лидерами цивилизационного развития: США, Евросоюзом, Китаем и т.д. При этом Россия ни в коем случае не должна примыкать полностью ни к одному из существующих центров силы, а напротив — должна сохранить полную независимость и самостоятельность, поскольку только такая политика может обеспечить максимальную эффективность социально-экономического развития России и обеспечить преимущества ее народам.

Аргументируя справедливость своего подхода, обычно ссылаются на успешную реализацию задач, которые ставились при создании ЕврАзЭС в 2000 году. Именно логика тесного, взаимовыгодного сотрудничества, понимание общности стратегических национальных интересов привели Россию, Белоруссию и Казахстан к формированию Таможенного союза.

Достигнутый успех позволяет на данном этапе интеграционного процесса сделать следующий шаг: от Таможенного союза перейти к Единому экономическому пространству. В этой связи сегодня в повестку дня вносится новая задача — создать рынок с более чем 165 млн. потребителей, унифицировать законодательство, обеспечить свободное передвижение капиталов, услуг и рабочей силы.

Второй подход сводится к тому, что поскольку Россия всегда была привержена западному типу развития, то она и должна оставаться неотъемлемой его частью, и «естественные союзники» России находятся, в основном, на евроатлантических просторах.

В подтверждение своей правоты сторонники этого подхода утверждают, что Россия на протяжении всей своей истории и русская элита, всегда считавшая Россию европейской державой, равнялись исключительно на Запад, на Европу, а не на Восток. И поскольку россияне по своим историческим и культурным корням европейцы, то свое будущее они должны связывать с Европой. Не случайно, считают они, в настоящее время 56% товарооборота России осуществляется именно с ЕС, и именно оттуда она получает 86% иностранных инвестиций.

Роль и место России в западном варианте цивилизационного развития емко выражены в формуле «Россия — младшая сестра Запада»

Обосновывая преимущества западного вектора цивилизационного развития России и доказывая готовность Европы к сотрудничеству с Россией, часто приводят пример, что уже после революции, в 20-е годы, Запад активно сотрудничал с Россией, а лидеры Запада вполне положительно воспринимали большевистскую политику НЭПа, предусматривавшую предоставление Западу концессий. На Западе считали, что не будет ничего плохого, если в Россию инвестировать деньги, технологии, а взамен получать полезные ископаемые, золото, пшеницу и другие нужные товары. Так же, говорят сторонники этого подхода, должны строиться отношения с Западом в наши дни: «Мы вам сырье, вы нам технологии. Вот взаимовыгодное сотрудничество».

Роль и место России в западном варианте цивилизационного развития емко выражены в формуле «Россия — младшая сестра Запада», которая находит своих сторонников среди определенной части российской элиты.

Заметим, что среди сторонников этого подхода существует и более радикальный взгляд на отношения России и Запада. Так, Михаил Прохоров в 2011 году от имени «Правого дела» заявил, что для дальнейшего развития России «надо больше ориентироваться на Европу, войдя в «Шенген» и сменив рубль на евро». Кто-то идет еще дальше, считая, что статус России как стратегического союзника Евросоюза в обозримой перспективе можно переформатировать в постоянное членство. Что касается НАТО, то после того как эта организация существенно изменится, «Россия может вступить в этот альянс» — с надеждой считают они[1].

Иногда для большей убедительности сторонники исключительно «европейского выбора» указывают на потенциальную угрозу для России (с ее низкой плотностью населения в Сибири и на Дальнем Востоке) со стороны Китая.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что многие участники дискуссии, говоря о преимуществах западного пути развития России, практически не упоминают об отношении США к этому вопросу, хотя под Западом обычно принято подразумевать именно Европу и США. Возможно, это связано с неоправдавшимися ожиданиями 90-х годов, возможно, с бесцеремонным вмешательством Соединенных Штатов во внутренние дела России того времени, а, может быть, потому, что стало очевидным пренебрежительное отношение к России, выраженное одним известным американским политологом: «Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером», возможно, и по каким-то другим причинам. В любом случае, как нам представляется, это существенный недостаток в рассуждениях о «европейском выборе России», если принять во внимание степень политического, экономического и военного влияния США на Европу.

В этой связи вполне уместно напомнить некоторые высказывания американских политических деятелей, а также посмотреть на отношение к постсоветской России политического истеблишмента США.

Хорошо известно, что в начале 90-х годов среди российской политической элиты были широко распространены иллюзии относительно радужных перспектив российско-американских отношений. Но в США не разделяли этой эйфории. Отношение к России там было совершенно иным: «Россия — побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз» — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. … Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей… Россия будет раздробленной и под опекой»[2] — писал З. Бжезинский.

Не следует тешить себя иллюзиями, что эти жесткие высказывания политолога не имеют ничего общего с реальной политикой Соединенных Штатов Америки. Вот как совсем недавно отреагировала тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон на перспективы экономической интеграции на постсоветском пространстве. «В США постараются не

допустить воссоздания Советского Союза в новой версии под вывеской экономической интеграции» — заявила она в Дублине в декабре 2012 года. Как пишет Financial Times, руководитель Госдепартамента США заявила, что сейчас делаются усилия по ре-советизации региона, хотя официально это будет называться иначе, например, «Таможенным союзом», «Евразийским союзом» и что-то подобное. «Однако не будем обманываться, — сказала Клинтон. — Мы знаем, какова настоящая цель этого, и уже пытаемся проработать эффективные способы замедлить или предотвратить [интеграцию]».

Наивно полагать, что это только личное мнение г-жи Клинтон, как нас пытаются убедить. Вспомним хотя бы слова ее предшественника на посту госсекретаря США К. Пауэлла: «Россия должна забыть о том, что у нее есть какие-то интересы в республиках бывшего СССР».

Так что мы видим весьма твердую и четко обозначенную политическую линию американского истеблишмента по отношению к России и интеграционным процессам на постсоветском пространстве.

Совершенно ясно, что евразийский вариант интеграционного развития новой России не устраивает Запад. Из Вашингтона дается прямая установка на то, что США и Европа должны «выступать единым фронтом» против усилий России проводить самостоятельную интеграционную политику на постсоветском пространстве.

У кого-то, возможно, складывается впечатление, что Россия столкнулась с дилеммой — «Восток или Запад». Кстати, к такому же выводу приходит ряд российских и зарубежных исследователей перспектив цивилизационного развития России. Однако, по нашему убеждению, проблема выбора, стоящая перед Россией, гораздо глубже и масштабнее и парадокс заключается в том, что дилеммы «Восток или Запад» в этом контексте для России просто не существует. И вот почему.

Та часть российской политической элиты, которая выступает за интеграционные процессы на постсоветском пространстве и за евразийский путь развития, не только не исключает возможности европейского выбора, но напротив, считает сотрудничество с Западом необходимым, предлагая свое видение параметров и уровня интеграции России с Европейским Союзом.

Отвергая в принципе скорое вступление России в Европейский Союз как нереалистичное, правящая элита страны и ее сторонники предлагают Европе программу совместного будущего из 5 пунктов[3].

Кратко столь масштабные предложения можно сформулировать так:

Во – первых, создать «гармоничное сообщество экономик» от Лиссабона до Владивостока, а в будущем – зону свободной торговли.

Во – вторых, поощрить новую волну индустриализации в Европе при необходимой модернизации российской промышленности с использованием европейских технологий.

В – третьих, создать единый энергетический комплекс Европы.

В- четвертых, наладить тесное сотрудничество в сфере науки и образования.

В – пятых, достичь соглашения об отмене визового режима между РФ и странами Евросоюза.

Дилеммы «Восток или Запад» для России просто не существует

Эти предложения не беспочвенны. Еще в 2003 году Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур. После создания Таможенного союза, логично полагать, что он становится участником диалога с ЕС, а в дальнейшем диалог с Европейским Союзом смог бы вести Евразийский союз. Таким образом, Европа получает сильного и полноправного союзника и партнера в лице участников Евразийского союза. При этом взаимовыгодная система партнерства Евразийского союза и ЕС будет способствовать формированию позитивной геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента, а также будет иметь позитивное глобальное воздействие.

Примечательно, что в последнее время на Западе все больше людей пытаются взглянуть на отношения с Россией свежим, непредвзятым взглядом. Даже Бжезинский, оставаясь на столь любезных его сердцу русофобских позициях, приходит к заключению, что необходимо переосмыслить отношение Запада к России. «Я подчеркиваю необходимость создания «широкого Запада», который бы включал в себя евроатлантическое сообщество, а также Россию, Украину или Турцию» – утверждает он. К сожалению, эти настроения пока никак не влияют на общую картину отношений с Россией.

Итак, как мы видим, подходы России и Запада в вопросах сотрудничества и интеграции отличаются. Становится понятно, что альтернатива все-таки существует, но это отнюдь не дилемма «Восток – Запад».

Подлинный выбор лежит в плоскости различия условий, на которых Россия готова сотрудничать с Западом и тех требований, которые для этого выдвигает Запад к России.

Неистребимое желание Запада на протяжении всей своей истории решать собственные проблемы за счет других заставляет внимательнее отнестись к требованиям, которые предъявляются России.

Совместная история борьбы славянских народов может стать фундаментом совместного будущего

Фактически альтернатива, предлагаемая нам Западом, состоит в том, сохранит ли Россия в цивилизационном развитии роль, соответствующую ее геополитической истории, на основе равноправного партнерства и взаимного доверия, или утратит свою идентичность и растворится в западной цивилизации. И здесь российскому обществу предстоит принять историческое решение — готово ли оно согласиться с требованиями Запада или пойдет по пути создания Россией собственного центра силы.

Трудно не согласиться с французским политологом Денни Плювинаж (Denys Pluvinage) утверждающим, что изменения в политике России по отношению к США и Европе в последнее время говорят о том, что страна все-таки считает для себя главным поиск нового, собственного пути. Если в 90-е годы Москва пыталась найти партнеров и примеры для подражания на Западе, то в США она встретилась с отношением к себе как к бедной родственнице, а в Европе натолкнулась лишь на снисходительность и стремление вмешаться в ее внутренние дела.

Похоже, что большинство политиков на Западе до сих пор так и не поняли огромных положительных перспектив для Европы в равноправном сотрудничестве с Россией.

Выстраивая свои отношения с основными центрами силы современного мира, Россия тем самым решает еще одну, пожалуй, стратегическую задачу — определяет свое место в мировом цивилизационном развитии. Эта масштабная и трудная задача сопоставима по своей значимости с теми, что на протяжении всей тысячелетней истории России не раз возникали в прошлом: скажем, выбор веры Киевской Русью в X веке или выбор пути социального развития в начале XX века (1905 — 1917 гг.).

России за многовековую историю не раз приходилось в противостоянии со своими многочисленными противниками защищать уни-

кальную православную, кириллическую цивилизацию. И в этом смысле даже Великая Отечественная война рассматривается серьезными исследователями как победа славянских народов в вековой борьбе за свое существование и свою независимость.

Совместная история борьбы славянских народов, которые смогли выстоять в откровенно враждебном культурно-политическом окружении, может стать фундаментом совместного будущего. Войти в это будущее можно только через общую историческую память, осознание общности судьбы, принятие общности страданий и надежд.

Сегодня немало исследователей цивилизационных процессов полагают, что идея «единой мировой цивилизации» — это не более чем «глобалистский» миф. Резкое неприятие идея «единой мировой цивилизации» встречает у тех народов, которые «чтут родные святыни, и для которых практика «вестернизации» оказывается неприемлемой в силу глубинного механизма сопротивления традиции».

В этих условиях единое философское мировоззрение славянских народов в наши дни может стать сильным интеграционным механизмом для создания более прочных культурных, духовных, политических, экономических и прочих связей. И этот механизм будет еще более эффективным, если, как считал К.Н. Леонтьев, произойдет процесс слияния русских с неславянскими народами, но при условии, что у всех этих народов «не теряется, а проявляется культурное своеобразие».

При этом, признавая желательность общеславянского единения, К.Н. Леонтьев в то же время в работе «Византизм и славянство», предостерегал от слишком прямолинейного и упрощенного понимания этого процесса, ставя вопрос — «выгодны ли эти общеславянские идеи для русского государства, усилят ли они его мощь, или приведут к падению?»[4]

Как будет проходить процесс объединения славянских народов с близкими им народами тысячелетней России, как православная, кириллическая, евразийская цивилизации будут взаимодействовать с другими локальными цивилизациями — покажет только время.

Однако, в любом случае, в современном российском обществе складывается твердое убеждение, что России необходимо исходить не столько из политической конъюнктуры сегодняшнего исторического этапа, выбирая между Востоком и Западом, сколько опираясь на прочный исторический фундамент всего своего прошлого развития, стремиться обеспечить устойчивое развитие будущим поколениям России.

По многим вопросам цивилизационного развития и определения путей устойчивого развития уже развертываются и будут продолжаться полезные дискуссии и широкий обмен мнениями в разных форматах, в частности на Саммитах «Группы 20» (включая заседание в Санкт-Петербурге в 2013 году).

Точка зрения наших известных специалистов по этой проблематике подробно изложена в развернутом Докладе о последствиях современного цивилизационного кризиса и путях движения к устойчивому развитию. (Важнейшие положения и выводы этого документа были представлены на обсуждение весной 2013 года в рамках VII Цивилизационного форума в Москве)[5].

При всей сложности и противоречивости тенденций цивилизационного развития, включая трудности диалога России с США и Европой, все-таки некоторые прогнозы, как нам представляется, можно сделать уже сегодня. Анализ геополитических, социокультурных и других составляющих устойчивого развития, рассмотрение взаимоотношений между основными центрами силы в мире, а также изучение тенденций развития России, включая и состояние современного российского общества, дают основания утверждать, что Россия в обозримом будущем продолжит движение по пути, соответствующему ее геополитической истории, в частности продолжит стремиться к расширению евразийской интеграции и созданию Евразийского союза при сохранении диалога и сотрудничества с Западом и Востоком. МП

Примечания

1 См. подробнее: Доклад «Россия XXI века: образ желаемого завтра». Авторы доклады – эксперты ИНСОРа: А. Гольц , Е. Гонтмахер, Л. Григорьев, С. Кулик, Б.Макаренко, Н. Масленников, С. Плаксин, А. Рубцов, Е. Шаталова, И. Юргенс.

2 Бжезинский З. «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» М., Межд. отн., 2010 г., стр. 127

3 Эта программа была подробно изложена в 2010 году в статье В.Путина в немецкой газете Suddeutsche Zeitung.

4 См. подробнее: С. Петров «Русская народная линия», Доклад на конференции «Русская идентичность и будущее православного мира в эпоху глобализации», 19.10.2011.

5 См.: «Научные основы стратегии преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития». Проект доклада международного коллектива ученых к Саммиту «Группы 20» в Санкт-Петербурге. (Руководитель – проф. Ю.В. Яковец, д.э.н., акад. РАЕН).

Модели взаимодействия Центра и регионов в современной России

А.Л. Бунчук

Основы современного российского федерализма были заложены в конце 1990 – начале 2000 гг. и сопровождались сменой приоритетов в системе Центр-регионы, т.е. сменой парадигмы региональной политики страны. В указанный период на базе дискуссий о реформировании территориального устройства государства шел поиск оптимальной модели взаимодействия между Федерацией и ее субъектами, а, следовательно, предпринимались попытки сформулировать адекватную и цельную концепцию региональной политики.

Теоретическая база преобразований была подготовлена российскими учеными и исследователями, предлагавшими конкурирующие проекты территориального переустройства Российской Федерации. Многие из указанных проектов, помимо собственно вариантов территориального устройства государства, содержали основы концепций региональной политики. Региональное программирование в указанных проектах не упоминается, поскольку они не детализированы. Однако анализ наиболее значимых из них позволяет понять, оставалась ли возможность для применения данного метода региональной политики в теоретических разработках российских ученых.

Стоит отметить, что в период 1990-2000 гг. дискуссии об оптимальной форме территориального устройства России, как и в предыдущие исторические периоды, продолжали вестись вокруг вопросов унитаризации и федерализации страны. Дихотомия «унитаризм-федерализм» вполне логична и является базовой для споров о территориальном устройстве западных государств. Однако в современной Российской Федерации она

А.Л. Бунчук К.п.н., ст. преподаватель ДА МИД РФ

приобрела особую остроту по двум причинам: дробное и крайне ассиметричное административно-территориальное и наличие в составе государства регионов, образованных по национальному признаку. Таким образом, исследовательские проекты преобразования территории РФ, находясь на разных полюсах шкалы «унитаризм-федерализм», с необходимостью учитывали национальное измерение данной проблемы, поскольку от ее решения зависела выработка оптимальной концепции отечественной региональной политики.

Так, Р.Г. Абдулатипов выступал за сохранение Российской Федерации как этнотерриториального образования. Доказывая на исторических примерах, что национальный фактор всегда играл в России особую роль при формировании территориально-политического пространства, Абдулатипов подчеркивает, что необходимо сохранить принцип национальной автономии, как залог будущей стабильности государства. Исследователь считает, что основы этнотерриториальной федерации в России были закреплены в договорах о разграничении полномочий между Центром и регионами в 1990 гг. Поэтому, даже несмотря на отмену договорного регулирования отношений Федерации и ее субъектов, необходимо учитывать эти принципы в реализации практических решений в настоящее время, поскольку только так можно добиться согласования интересов национальностей, проживающих на территории России[1].

Анализ проекта Абдулатипова позволяет говорить о невозможности создания на его основе модели сбалансированной региональной политики. Во-первых, это сложно сделать по причине низкой стабильности этнотерриториальной модели федерализма, поскольку наличие в составе Федерации регионов, образованных на основе этнического фактора, неизбежно ведет к большому числу конфликтов. Причем в данном случае опасной является именно политизация национального вопроса, которая может привести к активизации центробежных сил в государстве и сецессионным конфликтам. В свою очередь, в проекте Абдулатипова этнические образования в составе Федерации априори сохраняют статус политических субъектов, что прямо противоречит базовым принципам организации территории государства, закрепленным в Конституции РФ.

Идея этнотерриториальной федерации несет в себе еще один деструктивный критерий – чрезвычайно асимметричное административно-территориальное деление. Причем основной экономико-правовой крен в данном случае осуществляется в сторону национальных субъектов Федерации – республик в ее составе. Такая ситуация порождает двойственную реакцию. С одной стороны, находятся сторонники подобного положения вещей (С.И. Каспэ[2], В. Зорин[3]), указывающие на то, что необходимо сохранить данную структуру потому, что все попытки ее элиминации в прошлой истории привели к провалу. Однако они не учитывают того, что подобные действия всегда колебались между двумя полюсами: либо политического индифферентизма в отношении национальных субъектов государства, выражавшегося в латентном правовом и законодательном прессинге, либо открытого силового давления на национальные территории с целью снижения их активного участия в политическом процессе страны.

С другой стороны, одной из видов реакции на сохранение подобной асимметрии служат идеи о создании так называемой Русской республики и преобразования РФ в союз республик (А.И.Вдовин[4]). Однако такая идея также имеет ряд негативных политических следствий. Во-первых, даже если Русская республика будет создана, это еще не значит, что в ее рамках интересы русского народа будут представлены должным образом. Во-вторых, образование региона, по площади равного v современной территории России, неизбежно повлечет за собой перекос в отношениях между Центром и таким региональным образованием, что

может в итоге привести в худшем случае — к распаду государства, в лучшем — к созданию конфедеративного образования. Кроме того, это увеличит число конфликтов с другими республиками, поскольку перераспределение полномочий между регионами также будет осуществляться неравномерно даже при наличии у них одинакового статуса.

Могут выделять как централизованные федерации, так и децентрализованные унитарные государства

Таким образом, в рамках лагеря сторонников федеративной государственности в 1990 гг. предлагались довольно радикальные проекты, предлагавшие точечное решение типичных национальных проблем российской территориальной модели, но не анализировавшие федерацию как форму территориального устройства государства в более широком, общемировом контексте. Применение метода регионального программирования при таком подходе к территориальному устройству государства невозможно, поскольку этническая компонента федерации будет серьезно искажать воздействие программных мероприятий, что приведет к постепенной деградации метода.

Помимо двух указанных альтернатив — сохранения существующего асимметричного порядка и создания Русской республики — существовала третья: отказ от принципов федерализма и создание на территории России унитарного государства с широко развитым местным самоуправлением и национально-культурными автономными образованиями (А.Б. Зубов[5]). Унитаризация России, по мнению сторонников данной идеи, влечет за собой реинтенсификацию политической жизни с регионального наместный уровень, который наиболее репрезентативен с точки зрения представления интересов отдельных территориальных сообществ. Кроме того, сторонники этой концепции предлагают весьма расплывчатое решение национального вопроса в виде юридического признания асимметрии и сохранения автономного статуса республик, либо адресной работы с национальными элитами.

Указанную альтернативу федеративной государственности в России также сложно признать исчерпывающей. Однако в общих чертах она позволяет определить стратегические основы региональной политики и место в ее структуре регионального программирования. Перенесение ак-

центов в жизни унитарного государства на местный уровень позволяет точечно решать проблемы территорий, в том числе формируя проблемные кластеры, решение которых ведет к стратегическому развитию всей территории государства. Решение указанных проблем возможно только посредством метода регионального программирования. Вместе с тем в данных условиях применение программных мероприятий также будет серьезно искажаться, поскольку центральная власть оказывается исключенной из процесса принятия решений. Однако принципиальным условием составления качественной программы является непосредственное участие центра в ее разработке. Поэтому унитарную альтернативу нельзя признать полностью адекватной проблемам, стоящим перед современной российской государственностью.

Определенная несостоятельность рассмотренных проектов реформирования государственно-территориального пространства России основывается также на том, что авторы данных теорий продолжают мыслить в рамках модели «унитаризм-федерализм», которая не является достаточно гибкой и отвечающей интересам оптимизации территориальной структуры государства. Унитаризм в качестве понимания его как диктатуры давно потерял свое значение, в свою очередь, федерализм в том его понимании, которое было характерно для 1990 гг., т.е. как крайне децентрализованной и неэффективной системы, ведущей к фрагментации государства, также несостоятелен. На смену подобному полярному пониманию данных понятий приходит более гибкая точка зрения, основанная на мировой политической практике, которая гласит, что в одном государстве могут сочетаться как элементы федеративного регулирования, так и черты унитаризма. Поэтому могут выделять как централизованные федерации, так и децентрализованные унитарные государства. Более того, федерация перестает пониматься как унифицированная система мер, а начинает трактоваться как процесс, имеющий конкретно-национальную специфику. Поэтому, и это позитивная черта предлагаемых теорий унитаризации России, нет ничего плохого во введении некоторых элементов централизма в российскую политическую систему, однако полностью отказываться от федеративных отношений не стоит, поскольку они являются действенным инструментом решения территориальных противоречий.

Одновременно с научным поиском оптимальной модели территориального устройства России, в 1990-2000 гг. шли преобразования го-

сударственной территории в сфере реальной политики. Их особенностью стало сохранение в качестве основы для оптимизации федеративной организации государства. Начиная с середины 1990 гг. на этой базе была предпринята попытка формирования отечественного варианта модели кооперативного федерализма.

Стоит отметить, что кооперативный федерализм — теоретическая концепция и основа для политической практики большинства западных федеративных государств, а также части унитарных государств, использующих ее элементы при организации территориального пространства[6]. Суть доктрины кооперативного федерализма заключается в поиске и реализации оптимальных механизмов сотрудничества федерального центра и регионов, их совместного и скоординированного участия в реализации программ социально-экономического развития, в процессах перераспределения ресурсов внутри федерации[7]. Вслед за США, концепция кооперативного федерализма стала применяться в других федерациях.

Фактически, можно говорить о двойственном преобразовании доктрины кооперативного федерализма: с одной стороны, отличительной чертой транзита теории стала ее корректировка с учетом национальной специфики, с другой — на базе кооперативного федерализма в некоторых федерациях были созданы свои концепции организации территориальной структуры.

Преобразование теории кооперативного федерализма с учетом национальной специфики характерно, в первую очередь, для Германии[8]. Федеративная модель современной ФРГ называется «кооперативным федерализмом» как и в США. Однако в рамках американской федерации расширение вертикально-горизонтального сотрудничества в государстве не означает отказ центра от применения политики тотального контроля, при котором стандарты регионального взаимодействия определяются централизовано[9]. В Германии сотрудничество в рамках «кооперативной федерации» понимается иначе. Земли, как субъекты федерации, наделены большей самостоятельностью, чем штаты в США. Они имеют четко ограниченный круг собственной компетенции, однако вправе оказывать влияние на процессы общефедерального уровня, используя при этом механизмы, обозначенные в конституции страны[10]. В свою очередь, американские штаты в массовом порядке не имеют возможности влиять на стратегические решения, принимаемые на федеральном уровне.

Примером создания новых концепций на базе теории кооперативного федерализма является развитие латиноамериканских федераций. В Мексике, Аргентине, Венесуэле и Бразилии на основе доктрины кооперативного федерализма была разработана теория интеграционного федерализма. Суть ее состоит в передаче части полномочий регионов их крупным объединениям (в традиционной для латиноамериканского федерализма терминологии это называется субнациональным уровнем), когда возникают вопросы, требующие скорейшего решения на уровне нескольких субъектов федерации (в частности, это касается применения новых технологий, использования природных ресурсов и т.д.)[11].

Суть доктрины кооперативного федерализма заключается в поиске и реализации оптимальных механизмов сотрудничества федерального центра и регионов

Таким образом, для западных федераций доктрина кооперативного федерализма стала базовой основной для разработки стратегии развития государства, в том числе, для выработки оптимальной модели региональной политики, позволяющей сохранять баланс в системе «центр-регион». С этой точки зрения, только в рамках федеративного государства, построенного на началах кооперативного федерализма, может применяться такой тип региональной политики, при котором возможно использование регионального программирования. Иные концепции территориальной организации государства ведут к фрагментации метода. В связи с этим, для понимания функционирования метода регионального программирования в современной России важно понимать, насколько сложившаяся в государстве модель соответствует базовым основам доктрины кооперативного федерализма.

Основы современного российского федерализма были заложены в конце 1990 – начале 2000 гг. и сопровождались сменой приоритетов в системе «Центр-регионы», т.е. парадигмы региональной политики страны.

Со вступлением В. Путина в должность Президента РФ в 2000 г. региональная политика вошла в период рецентрализации. Стоит отметить, что попытки восстановления политико-правовой симметрии в России принимались и ранее (в конце 1990-х гг.), однако системного характера они не носили.

Централизация 2000-х гг. шла по нескольким направлениям. Одной из важнейших реализованных законодательных инициатив стало принятие и реализация федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» в 2000 г. Новый порядок формирования верхней палаты российского парламента запрещал занимать должности членов Совета Федерации главам регионов и спикерам законодательных органов субъектов РФ. Членами Совета Федерации РФ, согласно новому закону, могли стать избираемые постоянно работающие представители законодательных собраний регионов и назначаемые представителей администраций субъектов РФ. Реализация указанного порядка формирования верхней палаты российского парламента привела к тому, что главы субъектов РФ лишились статуса федеральных политиков, а региональные политические элиты в целом — прямой возможности влиять на политический процесс в масштабах Федерации.

Следствием проверки Конституционного Суда РФ стало внесение изменений в федеральный закон

Определенной «заменой» для губернаторов стал созданный указом Президента РФ Государственный Совет РФ. Однако Госсовет имеет статус координационного и консультативного органа по вопросам региональной политики и не оказывает решающего влияния на принятие главой государства тех или иных решений в отношение регионов.

Не менее важным направлением реформирования отношений Центра и регионов стало приведение основных законов субъектов РФ, носящих республиканский статус, в соответствие с Конституцией РФ[12]. В результате положения основных законов ряда российских республик были признаны не соответствующими Конституции РФ. К указанным положениям относились: суверенный характер республиканской государственности, право на регулирование вопросов, относящихся к ведению Федерации, право приостанавливать акты федеральных органов власти, право выступать самостоятельными участниками международных отношений, право собственности на природные ресурсы и т.д.

Следствием проверки Конституционного Суда РФ стало внесение изменений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов госу-

дарственной власти субъектов Российской Федерации» от 29 июля 2000 г., которыми устанавливалась публичная ответственность законодательных и исполнительных органов власти субъектов РФ за нарушение Конституции РФ, федеральных конституционных законов и федеральных законов в форме досрочного роспуска законодательного органа государственной власти субъекта РФ или досрочного отрешения от должности высшего должностного лица региона РФ.

Третьей мерой, обеспечивающей стандартизацию взаимодействия по линии Центр-регион, стало введение принципа назначаемости глав регионов РФ и отмена их выборности. Указанные положения были регламентированы изменениями в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 4 июля 2003 г. Согласно данным изменениям, выборы глав администраций субъектов РФ отменялись на территории всех регионов РФ. Новый порядок наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ предполагал утверждение в должности главы региона высшим органом законодательной власти субъекта РФ кандидата на данный пост, предложенного Президентом РФ. Процедура предусматривала отклонение президентской кандидатуры, но при повторном отказе глава государства мог распустить региональный парламент.

Важным моментом нового порядка назначения главы субъекта РФ явилось то, что Президент РФ получил право отрешать губернатора от должности в связи с «утратой доверия президента» и «за ненадлежащее исполнение своих обязанностей». Это исключало участие в отрешении губернатора депутатов региональных парламентов и делало исполнительную вертикаль полностью подконтрольной Президенту РФ. Вместе с тем расширились контрольные функции Генпрокуратуры РФ в отношение губернаторов: Президент РФ может временно отстранять глав регионов от исполнения обязанностей по представлению органов прокуратуры в совершении преступления.

Реализация закона «Об общих принципах…» в новой редакции имела вполне очевидные последствия: ограничение самостоятельности и независимости глав регионов РФ, появление эффективных механизмов воздействия на нелояльных Центру региональных руководителей, восстановление единства государственной власти в РФ.

В заключение отметим, что, как любая государственно-территориальная система, российский федерализм постоянно находится в поиске моделей оптимизации своей территориальной структуры. В данном случае под оптимизацией стоит понимать комплекс мер, направленных на достижение устойчивого баланса отношений в системе «центр-регионы», при котором центр стремится согласовать интересы большинства региональных сообществ как в рамках реализации стратегических целей развития государства, так и относительной их локальных задач.

Сбалансированная региональная политика федеративного государства с необходимостью должна обладать оптимизационным потенциалом, поскольку центр заинтересован в комплексном развитии государственной территории. Если оптимизация как принцип не заложена в основу региональной политики, то ее реализация, как правило, будет однобокой, что чревато серьезными конфликтами в государстве. МП

Примечания

[1] Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство в России. М., 2000.

[2] Каспэ С.И. Конструировать федерацию – renovationimperii как метод социальной инженерии // Полис. 2000, № 5.

[3] Зорин В.Национальные аспекты российского федерализма // Свободная мысль. 1996, № 10.

[4] Вдовин А.И. Русские в XX веке. М., 2004.

[5] Зубов А.Б. Унитаризм или федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. 2000. № 5.

[6] Теория кооперативного федерализма неразрывно связана с концепцией дуалистического федерализма и была сформулирована в США. По сути, обе концепции характеризуют обширный период американской истории: от зарождения независимого государства до экономического кризиса 1930 гг. См.: Иванов В.Е. Как развивался американский федерализм. М., 2001

[7] См.: Федерализм: Энциклопедия. М.: МГУ, 2000.

[8] Бусыгина И.М. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал реформирования. Полис, 2000, № 5.

[9] Государственная экономическая политика США: современные тенденции. М., 2002.

[10] В данном вопросе необходимо учитывать особый статус Бундесрата – верхней палаты немецкого парламента, которая представляет интересы земель.

[11] См.: Из мирового опыта федерализма (федерализм по-латиноамерикански). Общественные науки и современность, 1994, № 1; Латинская Америка: Энциклопедический справочник. В 2 т. М., 1979-1982.

[12] Указанный процесс был инициирован Постановлением Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений основного закона республики Алтай и отделением и определением суда от 27 июня 2000 г. по запросу группы депутатов Госдумы РФ о проверке соответствия Конституции РФ отдельных положений основных законов республик Адыгея, Башкортостан, Ингушетия, Коми, Северная Осетия-Алания и Татарстан.

Проблема признания государства агрессором

А.Г. Нечаев

В период с 24 марта по 10 июня 1999 года НАТО проводило военную операцию против Союзной Республики Югославия (правопреемники — Союз Черногории и Сербии и Республика Сербия). Военная операция проводилась без разрешения ООН. В результате президент Союзной республики Югославия Милошевич согласился со всеми предъявляемыми ему условиями и 10 июня 1999 года была принята резолюция Совета Безопасности ООН №1244.[1]

В данной статье мы рассмотрим вопрос о возможности правовой квалификации действий государств — членов организации НАТО участвовавших в проведении военной операции — агрессорами (не оценивая военную операцию по другим критериям международного права: геноцид, о защите жертв войны и т.д., которые являются следствием применения силы, не рассматривается также Конвенция 1933г. «Об определении агрессии» т.к. ее ратифицировали 9 стран, Югославия Конвенцию не ратифицировала).

В Заключении Комиссии по международно-правовой оценке событий вокруг Союзной Республики Югославии, образованной по инициативе группы юристов-международников Санкт-Петербургского государственного университета и поддержанной Экспертно-консультативным советом по международному праву при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания РФ действия государств членов НАТО[2] были признаны агрессий де-юре.

А.Г. Нечаев Эксперт в области права и безопасности СПб Центра политических исследований

Признание государства агрессором влечет тяжкие последствия, как для самого государство агрессора так и для должностных лиц государства агрессора – это санкции Совета Безопасности ООН, санкции по международным договорам (Венская конвенция о праве международных договоров ст.75[3]), привлечение к уголовной ответственности высших должностных лиц.

Понятие агрессия дано в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №3314 от 14 декабря 1974 года[4]:

- ст.1 «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении»
- ст.2 Применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является prima facie свидетельством акта агрессии, хотя Совет Безопасности может в соответствии с Уставом сделать вывод, что определение о том, что акт агрессии был совершен, не будет оправданным в свете других соответствующих обстоятельств, включая тот факт, что соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьезного характера.

prima facie – в юридическом значении это означает, что какое-то событие имело место, и если оно не опровергаются, то по закону является приемлемым.

- в статье 3 даются действия подпадающие под определение агрессия. Мы не будем рассматривать все признаки для целей настоящей статьи, достаточно одного – п. «б» ст.3 » бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства.»

Как мы знаем, цели военной операции в Югославии были достигнуты путем бомбардировки и применением ракет.

При этом, для признания агрессии не принимаются во внимание мотивы по которым произошло нападение.

- ст.5 ч.1. Никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии.

Применяя Резолюцию Генеральная Ассамблея ООН №3314 действия стран НАТО, при проведении военной операции в Союзной Ре-

спублике Югославия, можно квалифицировать, как агрессию.

Для того чтобы применить резолюцию №3314 необходимо установить ее юридическую силу.

Согласно ст.10 – ст.14 Устава ООН[5] (Функции и полномочия) Генеральная Ассамблея ООН может давать рекомендации в пределах Устава.

Резолюции, принимаемые Генеральной Ассамблеей ООН не носят обязательный характер и не имеют юридической силы. Это только рекомендации.

Для того чтобы Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН имела юридическую силу международного договора необходима ее ратификация, принятие, присоединение государством в установленном порядке.

Резолюцией №3314 было рекомендовано «Определение агрессии».

До настоящего времени ни одно государство в установленном порядке не ратифицировало, не приняло и не присоединилось к «Определение агрессии».

Применение резолюции №3314 для юридической квалификации действий государства, как агрессора не корректно, поскольку «Определение агрессии» юридической силы не имеет и является политическим международным документом.

Рассмотрим какие международные организации компетентны принимать решение о признании государства агрессором.

Государство может быть признано агрессором по решению Совета Безопасности ООН, решению международного суда ООН в спорах между государствами, а должностные лица виновные в проведении агрессии на основании решения Международного уголовного суда и судебными органами государства на основании национального уголовного законодательства.

Международный суд рассматривает споры только между государствами

Трудности в признании агрессором заключаются в наличии международных правовых норм, имеющих юридическую силу, установленном международными нормами права порядке работы, механизме принятия решений и правовой юрисдикции указанных выше международных структур.

Организация Объединенных Наций была создана в 1945 году для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государствами, осуществлять международное сотрудничество в области решения экономических, культурных, гуманитарных проблем.

Вопросы угрозы мира и безопасности развития сотрудничества между государствами, международное сотрудничество в области решения экономических, культурных, гуманитарных проблем рассматриваются Генеральной Ассамблеей ООН, по результату рассмотрения принимаются резолюции, которые носят рекомендательный характер.

Уставом ООН вопросы угроза миру и безопасности, принятие мер отнесены к компетенции Совета Безопасности. Решения принимаемые Советом Безопасности носят для государств членов ООН обязательный характер. Статей 24 ч.1 Устава ООН установлено, что «для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени».

Совет Безопасности ООН в соответствии со ст.39 Устава ООН «определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения

мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять».

Совет Безопасности состоит из 15 членов (5 постоянных членов, имеющих право вето Россия, КНР, США, Великобритания, Франция и 10 непостоянных членов). Решения принимаются согласно ст.27 Устава ООН по всем вопросам, когда подано 9 голосов, включая совпадающие голоса всех постоянных членов.

В период с 24.03.1999 года по настоящее время по вопросу об угрозе миру и безопасности, определения агрессии со стороны государств членов НАТО, принимающих участие в военной операции против Союзной республики Югославия Совет Безопасности ООН провел одно заседание 26.03.1999 года. Рассматривался проект Резолюции предложенный Россией[6], в котором было требование о немедленном прекращении силы против Союзной Республики Югославии.

По результату голосования данная резолюция принята не была. За принятие Резолюции проголосовали; Россия, КНР и Намибия.

Вопрос признание агрессии странами НАТО Совет Безопасности ООН не рассматривал.

Международный суд является судебным органом ООН и был учрежден чтобы «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира».

Международный суд рассматривает споры только между государствами.

29 апреля 1999 года Союзная Республика Югославия подала заявление в Международный суд о законности применения силы.

Международным судом при рассмотрении дела о законности применении силы (Сербия и Черногория против Бельгии) (Сербия и Черногория против Канады) (Сербия и Черногория против Франции) (Сербия и Черногория против Германии) (Сербия и Черногория против Италии) (Сербия и Черногория против Нидерландов) (Сербия и Черногория против Португалии) (Сербия и Черногория против Соединенного Королевства) в 2005 году было вынесено определение, что Суд «определяет, что он не обладает юрисдикцией рассматривать требования, содержащиеся в заявлении, поданном Сербией и Черногорией 29 апреля 1999 года»[7].

В настоящей статье не рассматривается вопрос обоснованности и законности вынесенного решения.

Для привлечения к ответственности лиц виновных в совершении преступлений во время войн в Югославии ООН был создан «Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии с 1991 года» (Резолюции №808 и №827 Совета Безопасности ООН)[8].

Международный трибунал вправе согласно ст. 1 Устава Трибунала[9] «осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года». В юрисдикции трибунала отсутствует судебное преследование лиц за совершение преступления агрессия.

Международный уголовный суд был создан в 1998 году, когда в Риме. 120 государств, членов ООН, приняли Римский Статут[10]. Суд является независимым от ООН органом. Римский Статут, на основании которого осуществляется правосудие, вступил в силу 1 июля 2002 года после того, как его ратифицировало 60 государств.

В Римском Статуте Международного уголовного суда в ст. 1. определена юрисдикция суда — это » осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, указанные в настоящем Статуте, и дополняет национальные системы уголовного правосудия. Юрисдикция и функционирование Суда регулируются положениями настоящего Статута».

В соответствии со ст.5 Римского Статута Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений:

a) преступление геноцида;

b) преступления против человечности;

c) военные преступления;

d) преступление агрессии».

Пункт d) ст.5 дает право Международному уголовному суду рассматривать преступление агрессии, но ч.2 ст.5 приостанавливает действия п.d) в связи с тем, что не принято определение агрессия «Суд осуществляет юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято в соответствии со статьями 121 и 123 положение, содер-

жащее определение этого преступления и излагающее условия, в которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно этого преступления. Такое положение сообразуется с соответствующими положениями Устава Организации Объединенных Наций.», а значит должностные лица агрессора не могут быть привлечены к ответственности до внесения поправок в Римский Статут.

В период с 31.05 по 11.06.2010г. в городе Кампала В Уганде проходила Конференция по обзору Римского Статута, по определению преступления агрессия, но поправки в Римский Статут по определению агрессия не приняты по настоящее время.

В национальных уголовных законодательствах государств членов ООН имеется ответственность за совершение преступление агрессия. Для привлечения лиц виновных в совершении преступления агрессии необходимо либо наличие международного договора, имеющего юридическую силу, в котором имелось бы определение агрессии либо Решение Совета Безопасности ООН о признании государства агрессором.

Как было указано выше международно-правовых договоров, определяющих агрессию нет, решения по данному вопросу Совет Безопасности ООН не принимал.

Привлечь какое-либо лицо к уголовной ответственности, за проведению военной операции в Югославии, невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военная операция государствами членами НАТО против Союзной Республики Югославия, на основании имеющихся международных политических документов, в том числе Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №3314, де-факто агрессия.

С 1999 года по настоящее время ни одного правового государственного и международного документа о признании стран НАТО агрессорами нет, поскольку компетентным органом ООН – Советом Безопасности ООН вопрос об определении, действия стран участвовавших в военной операции, как агрессия не рассматривал и Резолюции не принимал.

Международный суд и международный уголовный суд не могли квалифицировать военную операцию, как агрессия, в связи с отсутствием имеющих силу международно- правовых норм и договоров.

Де-юре военная операция агрессией не является.

ВЫВОД

Комиссии по международно-правовой оценке событий вокруг Союзной Республики Югославии, образованной по инициативе группы юристов-международников Санкт-Петербургского государственного университета и поддержанной Экспертно-консультативным советом по международному праву при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания РФ, которым действия государств НАТО юридически признаны агрессией, по моему мнению, ошибочен.

Принятие Резолюции Советом Безопасности ООН № 1244, дающей право международным силам KFOR (под руководством НАТО, которая вела военные действия на территории Союзной Республики Югославия), на проведение миротворческой операции в Косово, по праву законна, фактически не корректна. Объективно и беспристрастно проводить миротворческую операцию силы KFOR не могут и выполняют требования Резолюции 1244 в интересах албанского населения Косово. При выполнении миротворческой миссии силы KFOR не смогли обеспечить защиту памятников православия, сербского неалбанского населения Косово, государства входящие в силы KFOR и в НАТО признали независимость Косово в нарушение Резолюции Совета Безопасности №1244.

ООН была создана для поддержания мира и безопасности ст.1 ч.1 Устава ООН «Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира»..

Действия и решения Совета Безопасности ООН во время начала военной операции НАТО, в ходе проведения операции и при выборе миротворческих сил были неэффективны и противоречили Уставу ООН.

На мой взгляд, как один из множества вариантов, необходимо наличие признанного всеми и имеющего силу международного договора по определению агрессии, в котором будет добавлен признак «применение силы без разрешения Совета Безопасности ООН». Принимать решение о признании агрессии должен единолично Председатель Совета Безопасности ООН. Решение о признании государства агрессором заинтересованная сторона имела бы право обжаловать в Международном суде. МП

Особенности трансформации статуса и властных полномочий национальных республик Северного Кавказа в условиях политической модернизации региона

Д.В. Скрипниченко

Современный российский федерализм унаследовал основные черты советского федерализма. Современный российский федерализм, начинания с 1991 года, в своем развитии прошел несколько этапов. На каждом из этапов складывались особенности функционирования институтов российского федерализма.

На начальном этапе российского федерализма в 1991-1993 гг. ликвидация КПСС и исчезновение партийной вертикали привело к тому, что федеральному центру пришлось выстраивать отношения между уровнями федерации практически с нуля. Особенно это касалось субъектов Северного Кавказа. В начале 1990-х гг практически все Северо-Кавказские народы охватили процессы суверенизации, в результате чего автономные республики и области повысили свой политико-государственный статус и стали республиками (государствами) в составе Российской Федерации. В большинстве новых субъектов был введен пост президента – главы исполнительной власти (высшего должностного лица) и были созданы законодательные собрания .

Как отмечалось в первой главе, в переломные исторические моменты проявление этнической идентичности и самоопределения существенно усиливается. В частности, это отражается в требованиях по расширению полномочий, вплоть до возможности выхода из состава федерации. Дальше всего в этом отношении зашла Чеченская Республика, которая объявила о выходе из состава Российской Федерации.

Д.В. Скрипниченко Научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова

В это же время местные силы, которые ратовали за расширения перечня полномочий национальных республик, апеллировали к уже имеющемуся опыту государственности у населяющих народов республики. Также в это время населяющие народы республики вспомнили о репрессиях, проводившихся по отношению к ним в советское время .Это автоматически снижало влияние федерального центра на процессы в регионах.

Принятие Конституции вывело отношение федерального центра с регионами на новый уровень

На начальном этапе складывания современного российского федерализма было очевидно, что баланс федеративных отношений смещен в сторону регионов. На этом этапе большое значение придается отношениям между федеральным центром и главами субъектов. Еще одной особенностью отличающей республики Северного Кавказа является тот факт, что в республиках выборы глав исполнительной власти субъектов федерации проводились в отличие от остальных субъектов федерации, где главы субъектов назначались.

В этих условиях сложнее всего выстраиваются отношения с федеральным центром и республиками. Возникает парадоксальная ситуация. Институт глав субъектов федерации не успел формально трансформироваться под новые политические реалии. Все главы регионов Северного Кавказа были избраны еще во времена СССР.

Первым шагом к регламентированию полномочий между субъектами и стало подписание 31 марта 1992 года Федеративного договора по разграничению полномочий между субъектами федерации и федеральным центром. Подписание Федеративного договора решило проблему разграничения полномочий лишь частично. Было подписано три договора с тремя типами регионов (республики, края и области, автономная область и автономные округа).

Следующий этап в выстраивании федеративных отношений знаменуется принятием Конституции Российской Федерации. Основной закон страны подчеркивает равенство субъектов федерации, приоритет федерального законодательства над законодательством регионов. Конституция определила стратегические цели развития российского

федерализма на последующие два десятка лет. Далее необходимо было не только на бумаге, но и на практике реализовать все нормы федерального строительства.

Баланс федеративных отношений стал более стабильным, выправленным в пользу центра, но основные федеральные законы по разграничению полномочий еще не были приняты на тот момент. Принятая Конституция не предусматривалаконкретных рычагов федерального вмешательствав региональные процессы. Предстояла глобальная работа по приведению в соответствие регионального законодательства федеральному.

Принятие Конституции также вывело отношение федерального центра с регионами на новый уровень. Конституция провозглашала равенство всех типов субъектов федерации, в т.ч. и республик . Ранее озвученные стремления республик Северного Кавказа расширить свои полномочия вплоть до выхода теперь не имели никаких правовых оснований. Тем не менеев рамках реальной политической практики республики автономно развивают собственные властные институты. Федеральныйцентр мало вмешивается в эти процессы. В обмен на политическую лояльность республики получили уступки в полномочиях. Договоры по разграничению полномочий противоречили федеральному законодательству, но помогли удержать республики в составе Российской Федерации. Одновременно с этим они получили почти полный экономический суверенитет.

Для этого периода также характерно усиление влияния глав субъектов федерации и региональной исполнительной власти в целом по сравнению с законодательной и судебной властью регионов. В регионах складывается моноцентрическая система власти во главе с губернатором / главой республики. Законодательные собрания попадают в неформальную зависимость от глав исполнительной власти в субъектах. В этоже время контроль со стороны полномочных представителей президента в субъектах становится более слабым . Возникает необходимость трансформации этого института с учетом текущих изменений политической конъюнктуры. Почти все федеральные структуры в регионах попадают под неформальное влияние губернаторов.

Первая серия выборов глав исполнительной власти субъектов экспериментально прошла в декабре 1995 года одновременно с выборами в Государственную Думу. Результаты выборов позволили главам субъ-

ектов федерации укрепить личный авторитет уже избранных глав регионов.

Как уже отмечалось выше, ранее выборы глав субъектов проводились только в части республик Северного Кавказа:

Республика Ингушетия: первые выбор состоялись в 1993 году на безальтернативной основе. Вторые прошли в 1994 год, в них принимало участие уже два кандидата.

Кабардино-Балкария: первые выборы проходили в 1992 году в два тура. Вторые выборы состоялись в 1997 году, проводились они на безальтернативной основе.

Республика Северная Осетия—Алания: первые выборы прошли в 1994 году.

В остальных субъектах только осенью 1996 года выборы глав субъектов были введены повсеместно. Также в 1996 году в Совет Федерации входят главы субъектов. Конституция обеспечила региональное представительство в верхней палата парламента, создание Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Введение института представительства регионов на федеральном уровне означало о первом шаге к созданию необходимого баланса между федеральным центром и регионами. Изначально каждый субъект представляли по одному представителю от законодательной и исполнительной власти субъекта. Сразу после принятия Конституции представителями от исполнительной ветви власти стали главы субъектов, что свидетельствовало о все еще существенном влиянии регионов на федеративные отношения . Глава каждого субъекта федерации мог влиять на принятие федерального законодательства в то время, как изначальная функция глав субъектов сводилась к выполнению обязанностей на региональном уровне в качестве глав исполнительной ветви власти. Наличие глав субъектов в верхней палате парламента также создавало необходимую на тот момент лояльность региональных лидеров.

Общим итогом институциональных изменений в национальных республиках Северного Кавказа в первой половине 1990-ых гг.стало сохранение принципов светского характера власти и федеративных отношений, сохранение республик в правовом поле Российской Федерации, встраивание институтов власти национальных республик в общегосударственную систему управления.

После 1998 года обозначается тенденция выстраивания отношений между федеральным центром и субъектами федерации по вертикали.

Очевидна была и необходимость усиления влияния федерального центра в субъектах Северного Кавказа. Основная цель региональной политики – иерархизация отношений между центром и регионами, обеспечение политического и ресурсного превосходства центральной власти над региональной. Политика федеральных властей ведется по двум направлениям: ограничение полномочий федерального центра и ослабление влияния глав субъектов Северного Кавказа внутри региона, т.е. стабилизация отношений между всеми ветвями власти на региональном уровне.

В 1998 году впервые возникает предложение отказаться от выборов глав субъектов. Выдвинута альтернатива прямым выборам: назначение высшего должностного лица законодательным собранием по предложениюпрезидента.На практике реализовать подобный сценарий в республиках Северного Кавказа было практически невозможно.

Центр пытается подвести по единый формат взаимоотношения с субъектами. Особенно это касалось регионов Северного Кавказа. Для этого в первую очередь необходимо было отменить правовой нигилизм, характерный для законодательства не только субъектов Северного Кавказа. В качестве проблемы признается правовой сепаратизм .

В частности, сворачивается практика заключения договоров о разграничении полномочий между федеральным центром и отдельным субъектом федерации. В 1994-1998 гг. они подписывались в массовом порядке и не давали конкретных полномочий (всего было заключено 42 договора о разграничении полномочий).

Отмена практики заключения договоров о разграничении полномочий позволила начать укреплять бюрократическую властную вертикаль, преодолеть политико-правовую асимметрию и ликвидировать практику индивидуальных отношений.

С приходом на пост президента Владимира Путинав 2000 году начинается новый этап развития федеративных отношений. Начинают полномасштабно реализовываться меры по устранению асимметрии, направленные на создание единого правового пространства федерального и регионального. В первую очередь это касалось республик. Процесс унификации законодательства стал одним из приоритетных в устранении правого нигилизма между уровнями власти.

С этой целью в 2000 году создается институт федеральных округов и полномочных представителей президента в федеральном округе. Всего

создано 7 федеральных округов. Необходимо обратить внимание на то, что изначально был создан Северо-Кавказский федеральный округ, в который вошли республики Северного Кавказа и регионы юга России (Краснодарский край, Ставропольский край, Ростовская область, Астраханская область, Республика Калмыкия), но вскоре округ был переименован в Южный федеральный округ.

Одна из первоочередных функций округов на начальном этапе функционирования заключалась в унификации регионального законодательства, приведение его в соответствие с федеральным .

Системе федеральных округов утвердилась в российской федеративной модели, а в лице своих представителей федеральный центр получил более широкие возможности управления на региональном уровне. Это в свою очередь создало почву для отмены института прямых выборов глав исполнительной власти субъектов федерации.

В 2004 году принят соответствующий указ президента. Введение процедуры назначения глав исполнительной власти субъектов федерации позволило окончательно утвердить систему федеральных округов в отношениях между федеральным и региональным уровнем власти. Процедура назначения могла быть осуществлена только по представлению полномочного представителя президента в федеральном округе.

Фактор полиэтничности Российской Федерации и ранее учитывался в процессе управления региональными политическими процессами. Многосоставность российского общества, в частности, регионов Северного Кавказа, и отсюда ассиметричность российского федерализма отразилась на эволюции системы федеральных округов. В 2010 году было объявлено о создании Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), в состав которого вошли шесть республик и один край.

Уникальность выделенного из состава Южного федерального округа также подтверждается тем, что глава СКФО одновременно наделен полномочиями заместителя Председателя Правительства Российской Федерации и Полномочного Представителя Президента Российской Федерации. Нерешенность социально-экономических проблем региона потребовала особого подхода со стороны федерального центра. Для их решения необходимо присутствие чиновника с более расширенным перечнем полномочий.

Выделение СКФО в отдельный округ также свидетельствует о положительной динамике во взаимоотношениях между федеральным цен-

тром и регионами Северного Кавказа. Если еще несколько лет назад федеральный центр назначал на ключевые посты лояльных к местным властям чиновников различного уровня, то приход непосредственно в регион чиновника уровня заместителя председателя Правительства РФ говорит уже о лояльности властей республик к федеральным назначенцам.

Фактор полиэтничности РФ и ранее учитывался в процессе управления региональными политическими процессами

Еще одним шагом в сторону укрепления влияния федерального центра в республиках Северного Кавказа стала внесение изменений в статью 19 ФЗ «Об общих принципах организации исполнительной и законодательной власти в субъектах РФ». Согласно внесенным изменениям с 2015 года главы субъектов РФ не могут именовать себя президентами. Любопытно, что инициатором переименования высших должностных лиц субъектов выступил глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, заявив, что в едином государстве должен быть только один президент, а в субъектах первые лица могут именоваться главами республик, главами администраций, губернаторами. Хотя еще 10-15 лет назад Чеченская Республика была очагом сепаратизма на Северном Кавказе. Инициативу Кадырова сразу же поддержали руководители всех северокавказских республик.

После 2010 года наметилась тенденция по децентрализации в федеративных отношениях. В частности, все чаще в политической практике стал подниматься вопрос о готовности регионов к отмене процедуры назначения губернаторов и возврата к процедуре прямого избрания высшего должностного лица в регионе.

В 2012 году был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», определяющий новый порядок избрания глав субъектов федерации. Согласно новой норме, высшие должностные лица субъектов федерации будут избираться путем прямого голосования.

Дискуссии о необходимости введения института прямых губернаторских выборов велись в научных и политических кругах с того момента, как был введен порядок назначения глав субъектов Российской Федерации. Один из аргументов в пользу возвращения к прямым губернаторским выборам звучал так: избиратели отдают свой голос за того кандидата, который, по их мнению, знаком с проблемами региона изнутри, знает экономические, политические и культурные особенности региона. Процедура, в рамках которой президент представляет кандидатуру на пост главы субъекта, обеспечивает большую лояльность региональной власти к федеральному центру, но избранному в таких условиях губернатору необходимо время для знакомства с регионом, налаживания отношений с региональными элитами и группами влияния. Особенно, если новый губернатор является так называемым «варягом», то есть лицом, чье происхождение, профессиональная и политическая карьера связаны с другим регионом.

После возвращения к прямым губернаторским выборам в 2012 году споры вокруг самой процедуры избрания не прекратились. С практической точки зрения оставался открытым вопрос о том, каким образом будут избираться главы национальных республик, а в частности, республик Северного Кавказа, где на территории одного субъекта проживает несколько этнических групп, каждая из которых исторически голосует за представителя своего этноса. Кандидаты от малочисленных этнических групп, таким образом, фактически лишаются возможности быть избранными на пост высшего должностного лица республики.

С одной стороны, политическая борьба этнических групп может привести к конфликту и нарушению политической стабильности в республиках Северного Кавказа. С другой стороны, существует практика, когда национальные элиты могли достигнуть компромисса через систему торга или при помощи иных процедур. МП

Примечания

[1] Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С. Национальные проблемы на постсоветской территории, Спб. 2001. С. 17.

[2] Этничность и власть в полиэтнических государствах. Под ред. В.А. Тишкова М., 1994, с 67.

[3] Конституция РФ, М., 2013, ст. 5

[4] Данные из издания энциклопедия «Выборы». Том 1 «Российские регионы», книга еще не издана, как только она издастся, поставлю ссылку.

[5] Смирнягин Л.В. Совет Федерации: Эволюция статуса и функций. М. , 2003 г. 454 с.

[6] Музаев Т.М. Этнический сепаратизм в России. // Серия: Политический экстремизм. М., 1999. – 224 с.

[7] Туровский Р.Ф. Федеральные округа: политико-географический подход. Федерализм. 2003. № 1 С. 217-250.

Применение метода системных расстановок в системе парламентских отношений

В.Н. Гуриевская

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными задачами. Тенденции развития системы парламентаризма предусматривают исследования разнообразных факторов влияния на управление и глубокое осознание процесса общественных изменений.

В связи с этим актуализируется проблема практического применения прикладных психологических технологий, доказавших свою эффективность в сфере управления ибизнеса. А также, при поиске конструктивных решений в кризисных ситауциях, диагностике организационных процессов, разрешении конфликтов иорганизационных проблем, консультировании организаций, решении управленческих задач.

Поскольку эффективность системы парламентаризма представлена общей деятельностью большой группы иерархически взаимосвязанных управленцев, метод системных расстановок исследует систему как живой организм, который имеет свою динамику развития и обусловлен общими системными взаимодействиями.

Поэтому считаем целесообразным сосредоточиться на анализе метода системных расстановок, который учитывает влияние бессознательных компонентов на процесс развития управленческих систем и исследует системы управления в более широком контексте.

Анализ последних исследований и публикаций.Работы Г.Юнга, В.Рейха, З. Фрейда, Э. Фромма, Адорно, Х.Лассвелла, И.Джаниса и других выдающихся ученых, выделяют психологический фактор как центральный в понимании политики власти и определяют необходимость применения пси-

В.Н. Гуриевская доцент кафедры парламентаризма и политического менеджмента Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, кандидат гос.упр.

хологических технологий в сфере политики и управления. Их прикладные исследования были направлены на изучение глубинно – психологических процессов, которые управляют малыми и большими социальными группами и подтверждают зависимость поведения политических лидеров и групп от бессознательных влияний, а также необходимость осознания этих воздействий в процессе управления.

Системные расстановки базируются на понимании пространства, структур и взаимосвязи между людьми, вещами и событиями

Значительно расширил понимание глубинных системных воздействий на социальные и политические системы – основатель «общей теории систем», биолог Людвиг фон Берталанфи. Ученый развил подход, согласно которому живые системы рассматривались как открытые и взаимосвязанные с внешним окружением целостности, отдельные цели и функции, элементы и связи которых всегда подчинены целому. В системной теории традиционный принцип линейной причинности уступает место принципу циркулярности, согласно которому поведение живого организма обусловленовзаимовлиянием, по принципу обратной связи [8]. Таким образом, линейный вопрос – «Почему?» -утратил свое значение, вместо него, принцип циркулярности предполагает поиск ответов на вопросы – «Зачем?», и – «Кому выгодно то, что происходит?». – «Как система парламентаризма поддерживает жизнеспособность старых непродуктивных политических сценариев?»

Среди разработок украинских ученых в сфере государственного управления, по анализу и внедрению технологий системного подхода, на принцыпах которого был сформирован метод системных расстановок, можно выделить следующие работы ученых в области государственного управления: В.Б. Аверьянова, Н.Нижник, О.Машкова [9], А.Оболенского [10], А.Орлов [11], В.Гуриевской ([2, 3, 4, 5, 6, 7]), однако в настоящее время существует явный дефицит научных публикаций по данной проблематике, поскольку вопрос практического применения психологических технологий системного подхода освещаются лишь в отдельных аспектах. В частности, практически отсутствуют исследования, в которых описывается практическое применение, обобщается опыт, анализируются технологии применения системных расстановок в различных областях политического пространства современной Украины.

Постановка задачи статьи: Целью данного исследования является анализ технологий системных расстановок с дальнейшим их использованием и адаптацией к потребностям системы парламентаризма. В соответствии с чем мы ставили следующие задачи: обзор научных исследований становления метода системных расстановок в практической управленческой деятельности, как средства оптимизации процесса управления и управленческих отношений. Определение влияния системных расстановок на индивидуальном и социальном уровнях, анализ сферы практического применения метода в системе парламентских отношений.

Изложение основного материала.Система современного парламентаризма представляет собой единыйорганизм сложныхвзаимосвязей, коммуникаций, который развивается в контексте взаимообусловленных и взаимосвязанных составляющих. Системные влияния предопределяют развитие социальных систем, обусловливают их переход из одного состояния в другое, или тормозят такой переход и развитие.

В связи с этим, метод системных расстановок, что уже давно используется в работе с организациями, может быть эффективным для анализа системных процессов, явлений, феноменов и симптомов, возникающих в сфере парламентаризма. Преимуществом данного метода является возможность в процессе системных расстановок через собственный опыт ролевого участия различных системных фигур, которые отражают основное содержание политического поля, более точно диагностировать существующую ситуацию и осознавать системные процессы.

Системные расстановки базируются на понимании пространства, структур и взаимосвязи между людьми, живыми или уже умершими, вещами и настоящими, прошлыми или будущими событиями. Системное поле учитывает контекст, к которому принадлежат люди, вещи, события, отношения и структуры [1].

Основой метода системных расстановок является процесс психического моделирования, что базируясь на работе сознания и подсознания в совокупности образует «семиотические моделирование» субъективной психической реальности. В широком смысле — это специфический способ взаимодействия с реальностью, в основе которого, с одной стороны, умышленный, произвольный интропсихический процесс отражения и интерпретации реальности, а также ее желательная трансформация. С другой стороны — это неосознанный или подсознательный процесс. В этом смысле психическое моделирования на глубинном уровне констру-

ирует желаемую модель будущего. Кроме этого, системные расстановки также являются отражением процесса развития системы или субъекта.

Преимуществом данного метода является то, что даже рассматривая проблему субъекта, в процессе системных расстановок, работа происходит одновременно на разных уровнях: индивидуальном и социальном. Системные расстановки помогают определить, на каких уровнях и каким образом взаимодействия в системе провоцируют дисфункцию и напряжение. На индивидуальном уровне: на уровне телесного опыта (сформированных конструктов телесных реакций), эмоциональном (эмоционального реагирования на события), коммуникационном (сформированных конструктов коммуникационного взаимодействия), интеллектуальном (преобладание знания над собственным опытом), рациональном (сформированных конструктов понимания и интерпретаций, при которых вера в истинность полученных ранее знаний мешает воспринимать новый опыт), духовном (на уровне ценностей, убеждений, веры, правил поведения, мифов) и подсознательном (работа с состояниями, сновидениями, настроениями, тенденциями).

На социальном уровне системные расстановки способствуют: расширению репертуара сценариев взаимодействия, выбору более эффективных моделей получения обратной связи, осознанию психологической (духовной) иерархии, формированию мотивации, направлению энергии системы на развитие, осознанию общности и взаимозависимости, установлению баланса между «давать» и «брать», изменению порядков и правил системы, поддержке экологического поля организации, достижению синергетического эффекта в отношениях между «Я» и группой (восстановление креативности, ощущения силы и способности решать задачи и вызовы, возникающие в процессе развития), восстановлению прерванных движений любви в системе [18], осознаванию подавленных чувств [17].

Согласно системной теории, симптомы, которые появляются в системе парламентаризма, имеют стабилизирующее значение и собственные выгоды для системы, на уровне которой они функционируют и закрепляются. Осознание таких выгод позволяет искать более продуктивные способы взаимодействия внутри системы и лишает симптомы их «силы». Метод системных расстановок помогает определить, как мифы, правила, стереотипы взаимодействия, традиции, системные истории, влияют на формирование и развитие системы парламентаризма.

В результате такой формы работы является возможность построения желаемой модели взаимоотношений в социальной системе средством трансформационного моделирования.

Системные расстановки показывают и в некоторых случаях проясняют те силы, которые действуют в живых системах и которые иначе оставались бы слишком сложны для понимания и использования. Следы проявления тех же сил мы можем видеть в природе, например, когда вся стая птиц внезапно меняет направление (Р. Шелдрейк, 2003). Если бы эта синхронность была основана на восприятии птицами друг друга посредством обычных органов чувств, то это изменение направления было бы последовательным, как падают одна за другой костяшки домино. Но вместо этого они двигаются как единое целое без замедления. Системные расстановки также основаны на способах коммуникации, которые еще не изучены до конца. Но они помогают системным динамикам проявляться через заместителей. Так же, как природные силы, которые лежат в основе электричества, всегда присутствовали в природе, или как сила гравитации всегда соединяла элементы вселенной, так же и силы, которые проявляются в системном расстановочный процессе, всегда присутствовали с нами [1].

Работая с системными расстановками, мы начинаем понимать эти схемы на их самом глубинном уровне

Работая с системными расстановками, мы начинаем понимать эти схемы на их самом глубинном уровне. Кроме того, метод может быть эффективным в расширении алгоритмов взаимодействия и освобождении от схем, которые ограничивают процесс развития, уже не актуальны, необходимыми или является причиной проблем.

Системный подход рассматривает системы — семьи или профессиональное или социальное сообщество, организацию—как силовое поле, в котором живет и развивается личность. Возьмем, к примеру, систему семьи — человек рождается, занимает место в семейной системе и получает от своих родителей и предков не только наследственность, генетическое наследие, но и набор верований, схем мышления и поведения. Таким образом, сценарии взаимодействия могут передаваться по наследству и иметь значительное влияние на развитие социальной системы.

Этот процесс стал нам доступен через работы целого ряда философов и терапевтов, таких как Эдмонд Гуссерль (Edmund Husserl), отец феноменологии, Иван Бозормени – Надь (Ivan Boszormenyi – Nagy), пионер трансгенерационного системного мышления, Вирджиния Сатир (Virginia Satir), которая создала метод семейной скульптуры, предшествующий методу системных расстановок, который Берт Хеллингер (Bert Hellinger) интегрировал с феноменологическим методом. Метод системных расстановок исследует контекст, который влияет на организационное развитие, изучает структуру системы управления, способы взаимодействия, способы коммуникации и специфику осуществления управленческой деятельности; помогает выработать стратегию и осуществить необходимое влияние по повышению эффективности ее деятельности и т.д.

Системные расстановки позволяют за короткое время получить важную информацию о системе. При этом размеры системы существенной роли не играют. Как аспект управления, этот метод имеет широкий спектр возможностей практического применения для решения государственно – управленческих задач, а именно:

- анализ и диагностика состояния системы парламентаризма и органов государственной власти (организационная культура, построение имиджа, этап развития организации, человеческие ресурсы);
- диагностика и исследование системы управления с точки зрения взаимосвязи ее элементов, структуры и процессов, происходящих, а также взаимодействия с окружающей средой;
- построение и прояснения состояния и структуры отношений в организационной системе (коалиции, конкуренция, текучесть кадров, эксплуатация, злоупотребление властью, непризнание заслуг или выталкивания сотрудников);
- диагностика и анализ тенденций и скрытых динамик и проблем, выявления слабых организационных мест;
- как технология принятия согласованных и осознанных управленческих решений, в условиях неопределенности и недостаточности информации для анализа;
- тестирование вариантов и предвидение последствий того или иного решения;
- внесение позитивных изменений там, где другие методы изменений оказались малоэффективными;
- диагностика и структурирование иерархических уровней коллектива

(восприятие коллективом руководящих функций, выявление и работа со смешанными контекстами, например, личных и деловых отношений или коалиций, проходящие через несколько иерархических уровней);

- решение конфликтов и организационных проблем;
- выбор наиболее эффективного варианта развития, опираясь на ресурсы системы и ее особенности;
- формирование организационной культуры, создание позитивной атмосферы уважения, взаимопомощи, поддержки;
- определение стратегии и основных этапов развития организации;
- прогнозирование, мониторинг программ и деятельности;
- стратегическое управление человеческими ресурсами (выработка миссии, задач развития, мотивация персонала, реализация способностей);
- обеспечение экологических условий управленческой деятельности, содействие психическому здоровью, повышение психологической компетентности личности и формирование благоприятных взаимоотношений и морального климата в системе парламентаризма в целом [3].

Вышеперечисленные вопросы показывают направления, в которых применяются системные расстановки, но далеко не исчерпывают все возможные, так как в большинстве случаев это зависит от контекста и возникающих вопросов.

Диалектика социальных изменений в нашем обществе предполагает переориентацию мышления личности управленца, формирование в новых условиях умений и навыков его взаимодействия с социумом. Отсюда важность применения в практической деятельности технологий, которые уже были апробированы и дали положительные результаты при решении существующих проблем.

Выводы. Обобщая данные о возможности применения системных расстановок в системе парламентаризма как средства реализации социально – психологических условий повышения действенности государственного управления, можно сделать следующие выводы: имплементация современных передовых технологий системных расстановок может быть как научным так и практическим ресурсом для реализации государственно – властных полномочий; изучение существующего опыта технологий системных расстановок определит возможности их дальнейшего применения в системе парламентаризма; системные расстановки являются методом, который способствует осознанному принятию конгруэнтных управленческих решений и доказал свою эффек-

тивность в случаях, где другие методы решения проблем оказались малоэффективными; применение системных расстановок позволит выявлять системные закономерности развитияв системе парламентаризма, ее взаимообусловливающие связи, а также наличие устаревших сценариев взаимодействия и способствует развитию.

Перспективы дальнейших исследований. Темой дальнейших исследований может быть исследование методологии системных расстановок и практических результатов их применения в системе парламентаризма. МП

Примечания

1. Вебер Гунтхард. Практика семейной расстановки: системные решения по методу Берта Хеллингера. / Гунтхард Вебер // Институт консультирования и системных решений. – М. : 2007. – 382 с.
2. Гурієвська В. М. Аналіз можливостей застосування системного підходу в психологічному консультуванні в системі вищих органів державної влади / В. М. Гурієвська // Зб. наук. пр. НАДУ. – К. : НАДУ, 2008. – Вип. 2. – С. 49–60.
3. Гурієвська В. М. Технології системного підходу у психологічному консультуванні в контексті взаємодії політики і управління / В. М. Гурієвська // Зб. наук. пр. ЛРІДУ НАДУ. – Львів : ЛРІДУ НАДУ, 2008. – Вип. 16/17. – С. 41–47.
4. Гурієвська В. М. Системний підхід у психологічному консультуванні в процесі визначення проблем у контексті державно-управлінської діяльності / В. М. Гурієвська // Демократичне врядування: наука, освіта, практика : матеріали наук.-практ. конф. за міжнар. участю, Київ, 29 трав. 2009 р. : у 4 т. – К. : НАДУ, 2009. – Т. 2. – С. 224–227.
5. Гурієвська В.М. Системні фактори впливу в системі парламентаризму / В. М. Гурієвська // Зб. наук. пр. НАДУ. – К. : НАДУ, 2011. – Вип. 3. С. 24–32.
6. Гурієвська В.М. Рівні застосування прикладних психологічних технологій у системі парламентаризму / В. М. Гурієвська // Зб. наук. пр. НАДУ. – К. : НАДУ, 2012. – Вип.2. – С. 239-246.
7. Гурієвська В.М. Вплив заповіту минулих поколінь на формування суспільно-політичної дійсності / В. М. Гурієвська // Матеріали Всеукраїнськ. наук.-практ. конф. за між нар. участю «Модернізація державного управління та європейська інтеграція України», 25 квітня 2013 р.:у 2 т. – К.: НАДУ, 2013 р. – Т.2. – 360 с. (С. 188–190).
8. Людевиг К. Системная терапия: Основы клинической теории и практики. / К. Людевиг // – М.: «Verte», 2004. – 280 с.
9. Нижник Н.Р., Машков О.А. Системний підхід в організації державного управління: Навч. посібник / За заг. ред. Н.Р.Нижник. / Н.Р.Нижник, О.А. Машков // – К.: Вид-во УАДУ, 1998. – 160 с.
10. Оболенський О. Ю. Державна служба: Навч. посібник / О.Ю. Оболенський // – К.: КНЕУ, 2003. – 344 с.
11. Орлов О.В. Системний підхід до визначення поняття «управління» в галузі науки «Державне управління» / О.В. Орлов // Теорія та практика державного управління: зб.наук.пр. – Х.: Вид-во ХарРІ НАДУ «Магістр», 2008. Вип.1 (20). – С. 79-87.
12. Сатир В. Психотерапия семьи / В. Сатир // – «Речь», СПб., 2001. – 283 с.
13. Сельвини Палаццоли М., Босколо Л., Чеккин Дж., Прата Дж. Парадокс и контрпарадокс: Новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие / М. Сельвини Палаццоли, Л. Босколо, Дж. Чеккин, Дж. Прата // – М.: «Когито-Центр», 2002. – 204 с.
14. Стасенков Ю.А. Системные управленческие решения в организациях и организационных расстановках: Учебное пособие / Ю.А. Стасенков // – М.: Экон-Информ, 2009. – 96 с.
15. Фон Шліппе А., Швайцер Й. Системна психотерапія та консультування / А. Фон Шліппе, Й. Швайцер // – Львів: ВНТЛ – Класика, 2004. – 320 с.
16. Хейли Дж. Терапия испытанием: Необычные способы менять поведение / Дж. Хейли // – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 208 с.
17. Хеллингер Берт. И в середине тебе станет легко / Берт Хеллингер // – М.: Издательство Института Психотерапии, 2003. – 204 с.
18. Хеллингер Б. Порядки любви: Разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий / Берт Хеллингер // – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 400 с.
19. Simon F.B. Die Kunst der Chronifizierung. In: System Familie / F.B. Simon // 1993. – 150 с.
20. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом // – М. : Класс, 1999. – http://psylib.kiev.ua

Мегаполисы в политических процессах: опыт и перспективы

И.В. Федякин

Одной из важнейших особенностей развития большинства государств мира во второй половине XX столетия стал быстрый рост населения. Он явился причиной так называемой «городской революции», ознаменовавшей скачкообразный рост количества городов и численности их населения. Данной тенденцией были охвачены практически все регионы мира. Так, если в середине прошлого века в городах проживало около 30% населения планеты, то к 2000 г. уровень мировой урбанизации составлял уже 47%, а к 2030 г. этот показатель вполне может достигнуть 60%[1].

Ключевым моментом новой волны урбанизации становится появление и рост мегаполисов — крупных городов, население которых превышает численность в 10 млн. человек. В 1950 г. на «звание» мегаполиса могли претендовать лишь Токио и Нью-Йорк, однако в 1980 г. их число достигло пяти, причем два из них располагались в развивающихся странах. К 2004 г. в мире насчитывалось 20 городов с населением более 10 млн. человек (15 мегаполисов — в развивающихся странах). На сегодняшний день такие города, как Нью-Йорк, Токио, Лос-Анджелес, Чикаго, Париж и Лондон сопоставимы по масштабам со многими национальными экономиками[2].

Как отмечает М. Кастельс, «новая глобальная экономика и возникающее информационное общество действительно имеют новую пространственную форму, которая развивается в разных социальных и географических контекстах, — мегаполисы… Но не размер является их

И.В. Федякин к.п.н., доцент кафедры «Политология, история и социальные технологии» Московского государственного университета путей сообщения.

определяющей чертой, а то, что они служат узлами глобальной экономики, концентрирующими административные, производственные и менеджерские высшие функции на всей планете; контроль средств массовой информации; реальную политику силы и символическую способность создавать и распространять сообщения»[3].

Крупный город представляет собой социальную систему разнообразных взаимоотношений и взаимосвязей компонентов между собой и с окружающей средой[4]. Современная структура общественных отношений характеризуется рядом факторов, которые в наиболее концентрированном виде и с большей степенью динамизма находят свое отражение в крупном городе:

- все большее возрастание роли интеллектуального ресурса в производственном и общественном развитии, что предполагает необходимость не только повышения уровня культуры, образования, рабочей квалификации, но и изменения характера труда;
- трансформация многих условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения людей, причиной которой стали серьезные изменения во взаимоотношении общества и природы на базе ресурсосберегающих и природозащитных механизмов и мер, вовлечение в процесс хозяйственного оборота ранее не использовавшихся ресурсов, в том числе и уникальных, что предполагает потенциал развития местного производства и более рационального использования территориального потенциала (в частности, крупных городов);
- усиление значения природных и территориальных факторов с точки зрения создания благоприятных условий жизнедеятельности и выделение экологического аспекта как одного из ключевых направлений развития общественных отношений;
- изменение и дополнение концентрации производства, которое сопровождается его территориальным сужением и наращиванием мощностей и размеров предприятий, концентрацией, осуществляемой за счет достижения жестких и четких технологических и производственно-хозяйственных связей даже между территориально и организационно разделенными, но взаимозависимыми производствами. В результате указанных процессов расширяются формы реального обобществления производства и возникают потребности в развитии транспортной и производственной инфраструктур, создаются предпосылки для большего разнообразия организационно-хозяйственных структур, усложнения,

разделения и интеграции функций организации и управления производством, выделения особого слоя отношений.

Как отмечает С. Сассен, глобализационные явления сегодня включают в себя процессы как дифференциации, так и централизации, связанные с этим новые формы аккумуляции функций управления и контроля находят свою максимальную эффективность в агломерационной среде, а, следовательно, стремятся к концентрации в крупных городах-мегаполисах[5];

- стремительное освоение постиндустриальных технологий и инструментов мелким производством, увеличение возможностей его развития и конкурентоспособности, взаимосвязей и интеграции с крупным производством. Такая ассимиляция малого бизнеса и мелкого производства в качестве важного элемента постиндустриальной экономики улучшает возможные предпосылки развития локальных территорий, рационализирует процесс производства в них, развитие рыночных структур и институтов и в целом благоприятствует жизненной среде;
- интенсивное развитие крупных городов происходит также за счет фактора усложнения и расширения внутри- и межотраслевых, территориальных и иных связей, воплощения тесноты связей в формировании межотраслевых комплексов, включающих хозяйственные структуры различных организационных и социальных типов.

Итак, современные процессы урбанизации, повлекшие за собой серьезное повышение роли крупных городов, увеличение их численности и объема функций на государственном и международном уровне, тесно связаны с

трансформациями всей системы общественно-экономических отношений. Это, в свою очередь, актуализирует проблемы исследования крупных городов с точки зрения того, насколько указанные тенденции принимают выраженный характер в локализованных формах. Крупные города-мегаполисы выступают в данном случае не просто территориально-географической конкретизацией новых социально-экономических форм, но, более того, — стратегическим пространством для развертывания широкого спектра современных видов деятельности: управленческой, экономической, культурной и т.д. В этой связи сосредоточение ключевых общественных и менеджерских функций в крупных городах требует комплексного рассмотрения их в качестве объектов и субъектов политического процесса.

Понятие «мегаполис» было предложено в 1970-е гг. экспертами Организации Объединенных Наций

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что будущее регионов и даже целых стран и частей света формируется и развивается в крупных городах-мегаполисах. Они представляются своеобразными «лабораториями будущего» и факторами прогресса. Ю.Л. Пивоваров заметил, что «урбанистический ковер» Земли становится разнообразнее и интереснее, но его главные «узоры», доминанты мировой урбанизации, все более определяют крупные и сверхкрупные городские системы — агломерации и мегаполисы[6]. При этом нельзя не отметить, что современные мегаполисы — это один из важных этапов как пространственного, так и функционального развития урбанизации.

Противоречивость тенденций, порожденных процессом формирования и развития мегаполисов, еще раз указывает на необходимость разработки теоретико-методологической базы и концептуальных оснований политических механизмов управления и контроля над данным процессом. Так, с одной стороны, крупные города закладывают основу для роста общественной производительности труда, но, с другой стороны, являются, к примеру, источником экологических проблем. Тенденция перехода экономико-производительного, трудового и управленческого ресурсов от городов к мегаполисам указывается в качестве одной из наиболее значимых трансформаций в современном мировом пространстве наряду с переходом из села в города, с севера на юг, от формального к неформальному сектору[7].

Понятие «мегаполис» в его нынешнем значении сверхкрупного города («мегагорода») было предложено в 1970-е гг. экспертами Организации Объединенных Наций для обозначения наиболее крупных городских агломераций, численность населения которых равна 8 млн. человек и более. Уже в 1990-е гг. указанный критерий повысился до 10 млн. человек, что соответствовало практике некоторых других организаций (например, Азиатского банка развития). Термин «мегаполис» в последние десятилетия стал употребляться в контексте возникновения феномена стремления человека к минимизации затрат и издержек своего труда, улучшению условий перемещения в пространстве, укреплению общественно-экономических связей. На сегодняшний день мегаполисы нередко трактуются как отдельные социально-производительные урбанизированные системы, разделенные между собой (в том числе в рамках одного государства) обширным географическим пространством[8].

В российской законодательной и научно-академической практике определяющим критерием отнесения населенных пунктов к той или иной категории является, прежде всего, численность населения. Крупными городами, в современном обществе, считают населенные пункты с высокой численностью и плотностью, но если они насчитывают более миллиона проживающего на его территории населения, то попадают в особый разряд территорий расселения — мегаполисы. Территория, строение и функционирование таких городов значительно отличается от других населенных пунктов. В основном это связано с историческим развитием и спецификой роста таких городов, а также с внедрением прогрессирующих идей на каждом этапе исторического развития.

В широком смысле мегаполис является целостной пространственно-организационной формой жизнедеятельности населения, включая эколого-биологическую среду, а также сферы профессионально-трудовой, общественно-политической, культурно-досуговой и социально-бытовой деятельности[9].

Различные подходы к дефиниции понятия «мегаполис» сходятся в том, что данная конфигурация городского поселения является результатом интеграционных процессов, включающих стадиально-прогрессивное объединение населенных пунктов в единую экономическую и общественную систему. В этой связи мегаполис может быть понят как самая крупная форма городского расселения, образующаяся в результате интеграции главного города с окружающими его поселениями, агломерациями[10]. Ча-

стым синонимом мегаполиса являются понятия «сверхгород», «мегагород», что связано с его трактовкой как высшего звена урбанизации, гигантского скопления агломераций и городских поселений[11].

В свою очередь под агломерацией следует понимать скопление населенных пунктов, главным образом городских, но также и сельских, сближенных, местами срастающихся, объединенных в одно целое интенсивными хозяйственными, трудовыми и культурно-бытовыми связями[12]. Процесс ослабевания связей между городскими и сельскими поселениями в рамках агломерации способствует их совершенствованию и перерастанию в системные пространства — мегаполисы. Они, являясь «одновременно и двигателем, и показателем развития»[13], отражают как состояние отдельных компонентов и различных процессов, так и условия, в которых происходит динамика государственного и глобального развития.

Крупный город-мегаполис как объект политологического исследования требует рассмотрения его в качестве целостного динамического образования, наделенного всеми признаками социальной системы. В этой связи целесообразно руководствоваться отечественной практикой и использовать следующие критерии для выделения городов-мегаполисов среди остальных городских поселений: численность населения должна быть свыше 1 млн. человек; структура города представляет собой единство множества городских образований.

Необходимо выделить следующие факторы развития современных мегаполисов как социальных систем:

- внедрение новых научных идей в мегаполисах, происходящее гораздо быстрее, чем в других населенных пунктах, что отражается на производственно-технологическом процессе, приводит к качественным и количественным изменениям на предприятиях;
- возникновение новых промышленных производств и предприятий, в результате чего изменяется функциональный характер территорий, их роль и социальная нагрузка (так, некоторые рекреационные зоны в процессе расширения могут превращаться в современные жилые массивы, а окруженные жилыми массивами коммунально-складские зоны оборудуются в общественные центры и т.п.);
- стремительное развитие коммуникаций, в особенности, транспорта и связи, изменяет характер перемещения населения на территории города;

• включение в жилые массивы зданий повышенной этажности, что объективно приводит к росту плотности населения[14].

А.Э. Гутнов предлагает выделять в социальной системе крупных городов три основных уровня развития:

1) пространственно обособленный участок городской среды (так называемое «микропространство», в котором структурными элементами являются группы и сочетания сооружений);

2) «городской организм», отвечающий экономическому развитию и социальным нуждам населения и включающий в себя замкнутый цикл связей «труд-быт-отдых»;

3) городская агломерация как групповая система взаимосвязанных населенных пунктов на основе общей экономической жизни, транспортных и информационных сетей[15].

Современный мегаполис в своей целостности представляется «узловой точкой» больших хозяйственных и общественных взаимоотношений

Включенность мегаполиса в политический процесс указывает как на функционально-структурные особенности развития и формирования крупного города, так и на специфику современных общественно-экономических связей, в которых мегаполисы оказывают значительное влияние на политико-административные механизмы.

Исторически политико-административное основание приписывалось крупным городам с правовой точки зрения и признавало за ними большие городские поселения, которым государственной властью присвоены особые административные права. В этой связи конституирующим моментом в образовании городов являлся соответствующий акт государственной власти.

Современный мегаполис не просто являет собой сосредоточение высоких и наивысших командных ступеней и административно-управленческих структур, но и в своей целостности представляется «узловой точкой» больших хозяйственных и общественных взаимоотношений, что связано с концентрацией в нем основных агентов и институтов принятия политических и экономических решений. Мегаполис как «центр» выполняет ряд важных функций. В их числе: 1) территориальная интеграция (в частности, в случае с административным центром или столи-

цей)[16]; 2) концентрация путей сообщения и информационных каналов. Развитие городов в качестве центральных мест происходило в различных историко-географических формах. В последних реализовывалась еще одна ключевая функция крупных городов — политико-административное управление.

В целом, современные мегаполисы являются важнейшими полюсами экономического роста, формирования и перемещения нововведений. Х.Р. Ласуэн отметил следующие аспекты функционирования полюсов роста, применяемые к крупным городам:

- полюс роста представляет собой региональный узел предприятий, связанный с экспортным сектором экономики региона (страны), расположенный в одном или нескольких экономических узлах (концентрациях) района;
- полюса роста развиваются за счет импульсов, рожденных спросом, передающихся через экспортный сектор региона и воспринимаемых в процессе конкуренции между полюсами (крупными городами);
- импульс роста передается к периферийным второстепенным отраслям через посредство рыночных связей между предприятиями, а к периферийным районам — таким же образом, но с учетом факторов размещения в центрах роста[17].

Обобщая вышесказанное, отметим, что формирование мегаполисов в качестве основных экономических центров современности способствует повышению уровня политического влияния крупных городов. Являясь «локальными оптимумами» инновационного развития, мегаполисы приобретают значения центров в контексте трансформаций пространственно-территориальных интерпретаций политической власти.

Указанная тенденция особенно четко прослеживается в обозначенном Д. Нейсбитом в качестве одного из основных трендов, определяющих характер эволюции современного общества, процессе движения от «централизации к децентрализации» и переходе «от иерархий к сетевым структурам»: «мы начинаем уходить от иерархий, которые отлично работали в индустриальную эру, эру централизации… Сети перестраивают структуры власти и коммуникационных потоков… заменяют вертикаль горизонталью»[18]. В этой связи социально-политическое пространство может быть интерпретировано аналогиями в географическом и урбанизационном пространстве. «Сетевое» распространение власти и перерастание политической иерархии в полицентричность позволяет говорить

о возникновении локализованных мест «сосредоточения» властного ресурса, который выражен не только концентрацией административно-управленческих структур, но и «скоплением» символического политического капитала.

Мегаполисы являются крупными политическими центрами современного мира, говоря словами С.И. Каспэ, тем местом, «где совершается власть»[19]. «Способность принимать и «навязывать» политические решения»[20] сосредоточена в определенных центральных зонах: сегодня таковыми зонами являются, в том числе, крупнейшие города.

Руководствуясь концепцией «политического поля» известного социолога П. Бурдье, можно сравнить мегаполисы с конкретной локализацией в физическом пространстве «высших позиций всех полей и большей части агентов, занимающих эти доминирующие позиции»[21]. Таким образом, мегаполисы — это центр воспроизводства властного ресурса, центр «эмиссии» политического капитала.

В контексте дискурса о пространственно-иерархической интерпретации политической власти Э. Шилз вводит понятия «центральной ценностной системы» (англ. central value system) и «центральной институциональной системы» (англ. central institutional system). Первая из указанных систем — это своеобразный «центр того порядка символов, ценностей и верования, который правит обществом»; центральная институциональная система представляет собой «комплекс институтов, легитимированных центральной ценностной системой»[22]. Крупнейшие города-мегаполисы в силу концентрирования влиятельных институтов и агентов политики выступают «центральными институциональными системами», а их формирование означает, как отмечает Ш. Эйзенштадт, «создание фокуса институционализации в символических и организационных аспектах социальной жизни»[23]. Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что крупные города выступают пространственной локализацией символического политического центра.

Комплексное исследование мегаполиса как объекта и субъекта политического процесса может быть обусловлено следующими факторами:

- все больший рост и усложнение структуры производственных сил крупных городов усиливает их влияние в регионе, стране и мире;
- такие города занимают практически самые высокие иерархические командные ступени в системе расселения. Им принадлежит заметная ор-

ганизаторская роль, реализуемая через посредство сосредоточенных в них хозяйственных органов;

• выполняя указанную роль центров-организаторов и имея выгодное экономико-географическое положение, они существенно влияют на ход протекания и развития различных общественных процессов в зоне своего расположения и за его пределами.

Современные мегаполисы являются наглядным воплощением «единства противоположностей»: объединяя важных политических и экономических агентов социальных сетей, крупнейшие города мира становятся кристаллизующим элементом глобализации, «воротами в глобальный мир»[24]. Мегаполисы обеспечивают наиболее комфортные условия для сетевого взаимодействия. Успех этого взаимодействия во многом определяется характером институциональных структур, существующих в мегаполисе, и именно эта связь между социальными сетями и институциональными структурами превращает мегаполис во внутри- и внешнеполитическую проблему. Нуждаясь во внутренней (городской) политике, которая по своему предмету, целям и способам осуществления сильно отличается от государственной политики, мегаполис в современных условиях становится в том числе и важным участником мирового политического процесса.

В основу государство-центристской модели мирового политического устройства были положены государственные (национальные) интересы, которые, взаимодействуя, так или иначе могли прийти к определенному компромиссу[25]. В основе же современного общества находится не ценностный, а процедурный консенсус[26]. В этой ситуации политическая роль мегаполиса является огромной: с его помощью создается подобный консенсус, поскольку на относительно небольшой территории крупного города происходит политическое взаимодействие огромного числа групп с разными интересами.

Сегодня мировой политический процесс уже не может быть сведен исключительно к межгосударственному взаимодействию. Со второй половины XX столетия на политической арене появились новые акторы: межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, средства массовой информации и т.п. Трудно поддающиеся классификации участники международных отношений могут быть выделены, исходя из показателей того влияния, которое они оказывают на политический процесс в мире. Это влияние к тому же

должно признаваться остальными участниками. В данной связи мегаполис как субъект мировой политики занимает особое место.

Существует немало научно-теоретических подходов и концепций, рассматривающих современные мегаполисы в качестве глобальных игроков на международной арене. Уже в 1915 г. П. Геддес ввел термин «мировой центр»[27], обозначив им те города, которые играют особую роль в глобальном развитии. Однако большинство систем взглядов на проблему политического влияния крупнейших городов сформировались во второй половине XX в.

Современные мегаполисы являются наглядным воплощением «единства противоположностей»

В 1966 г. в научный оборот входит понятие «мирового города». П. Холл понимает под ним крупный город со сверхпропорциональной долей участия в сфере мировой политики, хозяйства, культуры и искусства[28]. Появление данного понятия было связано с послевоенной возрастающей ролью Нью-Йорка, Токио и ряда других городов.

Ф. Бродель в известной работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» выделяет в качестве критерия формирования глобальных центров — «метрополисов» — наличие интернациональных экономических функций: «В них наблюдается постоянный приток и отток информации, товаров, капиталов, кредитов, людей и т.д.»[29]. Подход к мегаполисам, обозначающий их как мировые экономические центры, используется также и Г. Ридом в концепции «столиц капиталов»[30]. Рид выдвигает тезис о том, что современные крупные города получают весомое политическое влияние за счет того, что являются международными или наднациональными финансовыми центрами.

«Мировой», или «глобальный», город в концепциях Дж. Фридмана и С. Сассен представляет собой феномен XX столетия: это центр с явным доминированием в экономике, прежде всего финансовой сферы и сектора услуг. Как отмечает Фридман, такие мировые города «тесно связаны системой коммуникаций и финансовыми трансакциями и вместе с тем составляют всемирную систему контроля над рыночной экспансией»[31]. Сассен в свою очередь также вводит критерий наличия у глобальных городов концентрированных функций управления и контроля, отмечая их стратегическое положение в мировой экономике, наличие у

них экономической интернационализации и неоднородной социальной структуры[32].

М. Кастельс предлагает рассматривать крупнейшие влиятельные мегаполисы как «информационные города»[33]. Это обусловлено тем, что крупные экономические и финансовые города-центры являются ключевыми элементами глобальной системы потоков информации, инноваций, капитала, людей, товаров и символов. Точно так же К. Аббот стремится в своей работе «Гипотеза возникновения международных городов» закрепить за мегаполисами не только их огромную роль в экономической, в частности, финансовой сфере. Он полагает, что понятие международного города очень многозначно и не сводится исключительно к выполнению экономических функций. В том случае, когда города обладают широкой палитрой признаков экономического, политического и общественного характера, они, по мнению К. Аббота, могут быть отнесены к категории международных городов.

Целый ряд концепций, анализирующих роль мегаполисов в современном мировом политическом и экономическом развитии, учитывают особенности глобализационных процессов и место городов в них. Так, П. Тейлор в широко разработанной им теории мирового (глобального) города отмечает огромное влияние мегаполисов как взаимосвязанных центров корпоративных услуг[34]. А. Скотт выделяет целые глобальные городские регионы, отмечая тем самым, что значение глобального города не может ограничиваться его административно-территориальными границами. Такой центр опирается на весь городской регион, который втянут в процессы глобализации и служит «пространственной платформой»[35]. Города в процессе глобализации являются центральным концептом в работе П. Маркузе и Р. ван Кемпена «Глобализирующиеся города: новый пространственный порядок?»[36]. По мнению авторов, мировой город стоит понимать не как нормативную концепцию и даже не как статус, которого можно достичь, а как направление развития, которому следуют многие крупные города во всем мире.

Наконец, Е. Исин предлагает рассматривать современные мегаполисы в контексте их роли в мировом развитии как «космополисы»[37]. Под этим термином Исин подразумевает города мирового значения, подчеркивая континуальность городского развития, начиная с античного полиса и средневековых городов-государств. В условиях расширяющейся

глобализации развитие крупных городов получает особое экономическое направление.

Как показано выше, понятие мегаполиса в различных современных трактовках все чаще соотносится с другими категориями, обозначающими выдающуюся роль глобальных городов мира в политико-экономических процессах. Так, к примеру, в 1961 г. Ж. Готменом в научный оборот было введено понятие «мегалополис», которым он обозначил сложное системное урбанизированное образование на северо-восточном побережье США (от Бостона до Вашингтона). Мегалополис характеризуется возможностью формирования единого механизма управления взаимосвязями между крупными мегаполисами и агломерациями, расположенными в общем территориальном пространстве. Также для обозначения увеличивающихся функций крупнейших городов мира используется понятие метрополии, подразумевающей большой мегаполис с прилегающей к нему территорией (обычно в радиусе 50 км и больше)[38]. В этом контексте уместен пример Москвы, воспринимающей некоторые территории (а, возможно, и полностью) Московской области как часть московской урбанизированной метрополии[39].

Когда речь идет о мегаполисе как субъекте мирового политического процесса, имеется в виду не только возможность крупного города, будучи отдельным регионом или административно-территориальным образованием внутри региона, ограничивать и подрывать национальный суверенитет, тем самым оказывая влияние на международную повестку дня. Речь идет, прежде всего, о крупных городах и прилегающих к ним территориях с инфраструктурой, так или иначе связанной с городом. Именно в мегаполисах проявляются все феномены и тенденции мировой политики. Здесь происходит формирование и реализация политического курса, работают государственные учреждения, в том числе парламент, правительство, министерства и т.д., регистрируются и функционируют межправительственные организации, размещаются их штаб-квартиры, базируются ТНК. Мегаполис оказывается в центре крупнейших политических событий и процессов. Именно он, а не малый город или сельская местность, в первую очередь подвержен атакам террористов. В отношении мегаполиса, столичного города выстраивается, прежде всего, щит противовоздушной обороны[40].

В мегаполисе проходят наиболее политически значимые демонстрации, тогда как события, происходящие в малых городах и небольших на-

селенных пунктах (обычно чрезвычайные — землетрясения, техногенные катастрофы, громкие политические убийства), лишь изредка оказываются в центре внимания всей планеты. Наконец, в мегаполисе сосредоточены финансовые, экономические структуры, расположены научные, исследовательские учреждения, а также университеты, театры, библиотеки.

Находящиеся на территории крупного города ресурсы, накладываясь один на другой, усиливаются, нередко многократно. В результате мегаполис оказывается тем местом, где образуются так называемые «межсетевые узлы» (между различными сферами деятельности), которые открывают для города новые возможности и являются своеобразными «воротами» в глобальный мир «постнациональной» эпохи[41]. Наиболее успешно сформировать такие «межсетевые узлы» удалось, например, Нью-Йорку, Лондону, Токио, Вашингтону и его окрестностям, Южной Калифорнии, Майами, Ванкуверу и некоторым другим, что и позволило назвать их «воротами в глобальную экономику».

Находясь в центре экономической жизни, мегаполис объективно выходит за пределы хозяйственной деятельности и начинает играть все более существенную политическую роль в жизни государства. Он оттягивает на себя решение многих важнейших проблем, связанных, прежде всего, с организацией неформального взаимодействия между различными социальными сетями, представляющими разнородные группы населения, и формированием региональных инновационных структур, которые оказывают все более значительное влияние на экономическую и политическую жизнь государства в целом. Пока политические последствия деятельности мегаполиса не особенно значимы, но подобная активность при наличии осознанных политических интересов может оказаться весьма важной. Проблема осложнится, если интересы разных мегаполисов одного государства начнут существенно противоречить друг другу, или если эти противоречия затронут и других акторов мировой политики.

Таким образом, изучение политической роли городов, как внутри национальной политической системы, так и в мировой политике, в настоящее время можно рассматривать в качестве нового, еще окончательно не сформировавшегося направления исследований в рамках политической науки. МП

Примечания

[1] См.: Иодо И.А., Потаев Г.А. Градостроительство и территориальная планировка. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. С. 8-9.

[2] См.: Глазычев В.Л. Политическая экономия города. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2010. С. 91-93.

[3] Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура / Пер. с англ. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 378.

[4] См.: Турабов В.И. Проблемы крупных городов. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2004. С. 13.

[5] См.: Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО «Аванглион», 2007. С. 14-16.

[6] Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке // География в школе. 2002. № 5. С. 20.

[7] См.: Ивлева И.В. Мегаполисы – ядра инновационного развития страны и ее регионов // Управленец. 2010. № 9-10. С. 75.

[8] См., например: Яновский В.В. Огни бо-о-ольшого города заманчиво манят... // Российское предпринимательство. 2007. № 5. Вып. 2.

[9] См.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 243.

[10] См.: Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 480.

[11] См., например: Глобалистика: Энциклопедия. М.: ОАО издательство «Радуга», 2003. С. 1328.

[12] Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. 1. С. 184.

[13] Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 21.

[14] Подробно см.: Хмелева Е.С. Особенности мегаполиса и его инфраструктуры // Сервис в России и за рубежом. Российский государственный университет туризма и сервиса. 2007. № 2. С. 194-197.

[15] См. Гутнов А.Э. Город как объект системного исследования // Системные исследования. Ежегодник. М., 1997.

[16] См.: Пирогов С.В. Социология города. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. С. 27.

[17] См.: Ласуэн Х.Р. Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 68-104.

[18] Нейсбит Д. Мегатренды / Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, ЕРМАК, 2003. С. 354.

[19] Каспэ С.И. Апология центра: о забытом методологическом ресурсе политической науки // Полис. 2005. № 1. С. 14

[20] Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 212.

[21] Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 42.

[22] Shills E. Center and Periphery: essays in Macrosociology. Chicago, 1975. P. 3-6.

[23] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 80.

[24] См.: Ворота в глобальную экономику / Под ред. О.Е. Андерссона и Д.Е. Андерссона. Пер. с англ. М.: Фазис, 2001.

[25] См.: Guehenno J.-M. Globalization and International System // Journal of Democracy. 1999. № 7.

[26] См.: Biryukov N., Sergeyev V. Russian Politics in Transition. Aldershot, 1997.

[27] Geddes P. Cities in evolution. L., 1915.

[28] Hall P. The World Cities. L., 1966.

[29] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.

[30] Reed H. The Preeminence of International Financial Centers. N.Y., 1981.

[31] Friedmann J., Wolff G. World City Formation: An Agenda for Research and Action // International Journal of Urban and Regional Research. 1982. № 6. P. 309-344; Friedmann J. The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. № 4. P. 12-50.

[32] Sassen S. Cities in a World Economy. L., 1994.

[33] Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура / Пер. с англ. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

[34] Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyler M. Diversity and power in the world city network // Cities. 2002. № 19. P. 231-241; Taylor P. The New Geography of Global Civil Society: NGOs in the World City Network // GaWC Research Bulletin. 2004. № 144.

[35] См.: Петров Н.В. Опыт постановки курса по глобальным городам в Макалестер-колледже // Проблемы урбанизации на рубеже веков. М., 2002. С. 223-240.

[36] Marcuse P., van Kempen R. Globalizing Cities: A New Spatial Order? Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2000.

[37] См.: Isin E. Who is the new citizen? Toward a genealogy // Citizenship Studies. 1997. № 1. P. 115-132.

[38] См. подробнее об этом: Вульфович Р.М. Агломерация, мегалополис, мегаполис (соотношение понятий) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2007. № 2. С. 91-92.

[39] Произошедшее в 2011 г. расширение Москвы за счет включения в состав города значительной части территорий Юга и Юго-Запада Подмосковья – дополнительное тому подтверждение.

[40] См.: Лебедева М., Сергеев В. Мегаполисы как акторы мировой политики // Космополис. 2004-2005. Зима. № 4. С. 197-198.

[41] Там же. С. 196.

Европейская «мягкая сила»: правда или вымысел?

Н.В. Ивкина

В современном мире широкое распространение получило деление силы и мощи государства на «жесткую» и «мягкую». Ученые спорят о том, какая из них наиболее эффективна в условиях глобализации и построения многополярного мира, какая наносит наибольший ущерб от ее применения, и, наконец, что же вкладывать в эти понятия в целом. Как феномен,термин «мягкая сила» был введен Дж. Наем, определившим его, как способность привлекать, в обход принуждению и подкупу, которые, в свою очередь, являются элементами «жесткой силы». Но, не смотря на то, что со времени появления термина прошло более десяти лет, его значение, а также перевод и восприятие до сих пор остаются размытыми.

Так, например, для Китая термин «softpower» означает «мудрая сила» [14]. Главным образом, в нее вкладывается конфуцианская мудрость и культурная самобытность, которыми следует руководствоваться при принятии решений во внешней политике государства. Для России «мягкая сила» – это, прежде всего, мягкость подходов: активное взаимодействие гражданских обществ, продвижение своего языка и культуры, быстрая реакция на перемены с увеличением использования «новых технологий» [3]. Европейский Союз в силу специфики образования и взаимодействия внутри интеграционного объединения в наибольшей степени изменил предложенный Наем подход к данному термину. Европейская «softpower» подразумевает под собой «собранную или скоординированную силу» [14]. Это объясняется тем, что некогда разрозненные страны Европы стали Союзом и теперь пытаются найти

Н.В. Ивкина Эксперт Центра стратегических оценок и прогнозов

общий путь, приспособить свои внешнеполитические, экономические и социокультурные интересы к взаимодействию друг с другом.

Культурная идентичность Европы всегда была одним из факторов ее уникальности в мировой истории. «Европейский культурный дух играет революционизирующую роль — захотим ли мы объяснить это мятежными порывами, свойственными Фаусту, или, по сути, более суровыми условиями становления на землях вокруг Рейна, как бы на мосту между европейским югом и севером, востоком и западом» [10].

Культурная привлекательность Европы долгое время была неоспорима. Достаточно вспомнить, что французский язык был языком светского общества, имеющего хорошее образование и получившего достойное своего аристократического круга воспитание. Пушкинская Татьяна писала письмо к Онегину по-французски: «Она по-русски плохо знала, Журналов наших не читала, И выражалася с трудом На языке своем родном» [8, -С. 74]. Высший свет «Войны и мира» Толстого тоже использовал французский для того, чтобы подчеркнуть богатство, образованность и изящество. Кроме того, европейская мода, литература, музыка и искусство приводили в восторг весь мир.

Кажется, на сегодняшний день, ни один из аспектов былой привлекательности не потерял своей красоты. Бессмертные произведения искусства, по-прежнему, радуют глаз в музеях Франции, Германии, Бельгии и других стран Европы. Литературные шедевры занимают достойные места в библиотеках всего мира. Европейские языки также не утратили своей актуальности. Английский, французский и испанский являются официальными языками ООН, два из них относятся также к рабочим языкам. Почему же на фоне внешне не проявляющихся изменений все больше и больше из разных частей как Европы, так и других регионов мира слышны возгласы о том, что былое культурное превосходство утеряно и новые проекты, подобно «мягкой силе», касаются Европы в значительно меньшей степени, чем, например, США и Китая?

Причины падения культурной привлекательности Европы кроются, в основном, в новых вызовах, с которыми Европейский регион не был готов столкнуться. Идеи мультикультурализма, которыми на протяжении долгого времени прикрывался Европейский Союз, привлекая на свою территорию все больше и больше рабочей силы для восстановления разрушенной послевоенной инфраструктуры, потерпела фиаско. Изначально в понятие мультикультурализма вкладывали способность

различных культур, имеющих подчас отличные жизненные ценности, находить общие точки соприкосновения и существовать в гармонии друг с другом. При этом каждая культура не должна терять своего своеобразия и остается верна ценностям и устоям, принятым в ней. Данная теория сходна с теорией «культурного плюрализма».

Культурная привлекательность связана с религиозным вопросом, который является неотъемлемым элементом «мягкого воздействия»

Нельзя сказать, что идея мультикультурализма была априори обречена на провал. Вполне вероятно, что никто и не задумывался о принципиальной возможности вытеснения традиционной европейской культуры вследствие усиления влияния культуры новой, иммигрантской, распространяющейся по небольшой территории Европы очень интенсивно. Почему это произошло? Не потому что европейская культура оказалась сильнее или слабее культур других регионов мира — скорее потому, что с каждой новой волной миграции в Европу приезжие прикладывают все меньше и меньше усилий для интеграции в европейское общество. Требуя себе больше прав, они зачастую предпочитают жить обособленной жизнью, забывая об обязанностях, которые должны исполнять все граждане европейских стран: работать, соблюдать законы страны пребывания.

К сожалению, на сегодняшний день лидеры стран Европы на официальном уровне признают провал стратегии открытого мультикультурализма. Германия и Франция в первую очередь ощутили на себе этот провал. Ангела Меркель, канцлер Федеративной Республики Германии, на конференции молодежной организации Христианско-демократической партии (CDP) в Потсдаме заявила: «В начале 1960-х наша страна пригласила иностранных рабочих в Германию, и сейчас они здесь живут. Некоторое время мы сами себя обманывали и говорили себе: «они не останутся у нас, когда-нибудь они уедут», но так не произошло. И, конечно же, наш подход состоял в том, что мы должны жить рядом и ценить интересы и культуру друг другу. Этот подход совершенно провалился» [11].

Сложно себе представить, что подобные идеи мультикультурализма возникли где-нибудь в странах Востока. Там свято чтут и берегут свою культурную идентичность. Это совсем не значит, что восточная культура

не может мирно существовать бок о бок с западной, но она менее восприимчива к течениям извне, она не допускает изменений собственных моральных и этических ценностей — тех ценностей, которые веками оберегались их предками.

В свою очередь, западная культура ориентирована на постоянное техническое и технологическое развитие, на безостановочный прогресс. Это приводит к тому, что возникает еще одна проблема культурной привлекательности Европы — старение европейского населения. Чем старше поколение, тем менее оно восприимчиво к появлению новых технологий и новых веяний в кинематографе, искусстве и музыке. Таким образом, это поколение не только не способно нести элементы «мягкой силы» вовне, но и производить современные культурные продукты для внутреннего потребления. Разрушительные последствия этой тенденции заключаются в том, что Европа вообще перестанет производить продукты, привлекающие мировую общественность, средний класс общества, и окончательно потеряет культурную привлекательность, а за этим последует снижение туристических потоков, что составляет немалую часть бюджета европейских стран.

Культурная привлекательность связана также с религиозным вопросом, который, в свою очередь, является неотъемлемым элементом «мягкого воздействия». Сегодня этот вопрос сосредоточен в рамках как отдельных государств, в сфере внутренней компетенции, так и на международном уровне. В первую очередь, речь идет о запрете на ношение религиозных знаков отличия. Как сообщают РИА Новости со ссылкой на французское агентство France Press 30 октября 2010 г., во Франции, а также в других европейских странах в силу вступил закон о запрете на ношения в общественных местах иранской паранджи, арабского некаба и афганской бурки. Все эти атрибуты женской одежды закрывают лицо, оставляя лишь узкую прорезь для глаз.

В то же самое время на Конституционный совет Франции посыпались обвинения со стороны мусульманского населения в том, что это ущемляет право человека на свободное вероисповедание, закрепленное в 18 статье Всеобщей Декларации Прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» [2].

Здесь следует отметить противоречие между национальными интересами государства и его внешней привлекательностью. Подобный закон, призванный обеспечивать безопасность государства, способствует снижению его культурной привлекательности, внешне ущемляя религиозные чувства мусульманского населения, а также подрывая демократические основы европейского общества. А ведь именно демократические достижения, по мнению руководителя Россотрудничества К.И. Косачева, «играют большую роль в привлекательности Евросоюза. И европейцы по праву считают все это своей «мягкой силой», позволяющей влиять на другие государства и народы…»[4]. Прямая зависимость между культурной привлекательностью и строгим соблюдением демократических основ негативно влияет на имидж Европейских государств.

Не смотря на то, что Европа позиционирует сейчас себя единым целым во многих вопросах, экономические, политические, военно-технические показатели у стран разные. Производство культурных ценностей, а, следовательно, и эффективность использования механизмов «мягкой силы» также существенно отличаются. Рейтинги использования фактора мягкой силы ведущими странами мира составляются несколькими агентствами сразу — американскими, английскими, французскими, русскими. Один из докладов «Global rankingof Soft Power», опубликованных в 2011 г. английским независимым Институтом Управления (Institute for government) представил рейтинг стран мира по использованию инструментов мягкой силы.

Таблица [1].

Место в таблице	Страна	Коэффициент
1	США	7.41
2	Великобритания	6.78
3	Франция	6.21
4	Германия	6.15
5	Австралия	5.64
6	Швеция	5.35
7	Япония	5.08
8	Швейцария	5.07
9	Канада	4.91
10	Нидерланды	4.90

Критериями, которые были взяты за основу, являются: культура, образование, внешнеполитические и внутриполитические ценности и бизнес инновации. Три из вышеназванных критериев являются традиционными при определении уровня использования «мягкой силы», они были упомянуты еще Дж. Наем в 2004 его труде «Soft Power: The meanst o successin world politics» [13]. Два новых критерия (образования и бизнес инновации) заняли достойное место в списке критериев, отражающих эффект «мягкой силы».

Можно говорить о том, что европейские страны имеют не плохие показатели по использованию механизмов «мягкой силы», при этом бесспорными лидерами остаются Великобритания и Франция. Причины этого кроются в том, что эти страны имеют огромное культурное наследие. Некогда именно эти страны были мощнейшими колониальными империями, которые до сих пор не утратили своих связей с этими территориями. Сегодня это в немалой степени влияет на фактор «мягкой силы». Во-первых, в колониях население продолжает говорить на языке бывших колонизаторов, а значит, и культурные продукты воспринимаются лучше всего именно на этих языках, а, во-вторых, колонии получают экономическую помощь от Франции и Англии, что ставит их в определенную зависимость от европейских стран. Кроме того, Англия и Франция являются членами многих международных организаций, в том числе постоянными членами СБ ООН, что расширяет возможность их влияния.

Что касается 5 критериев, которыми определяется фактор «мягкой силы», то здесь Франция и Великобритания — также бесспорные лидеры среди стран ЕС. В культурном аспекте следует отметить, что Франция «занимает первое место по числу Нобелевских премий в области литературы» [5]. В свою очередь, большую поддержку в Великобритании получают из госбюджета культурные памятники и учреждения, призванные к распространению культурных ценностей: театры, музей, выставочные залы, что «согласуется с подлинным достоинством великой нации и расставляет правильные несиловые акценты» [1, - С.67].

Второй аспект — образование также является важным элементом культурной политики обоих государств. На 2013 г. информационным агентством World University Web Ranking был опубликован рейтинг европейских Университетов, где первое и второе места заняли английские

ВУЗы University of Cambridge и University of Oxford соответственно [9]. Французские Университеты не имеют пока таких впечатляющих успехов, но зато преуспевают в третьей и четвертой категориях «мягкой силы». Не случайно, когда рассматривают основу ЕС упоминают об экономической мощи Германии и политической силе Франции. Последний критерий — бизнес инновации, является особенно важным. В европейских странах инвестиционные потоки направлены в новые, быстроразвивающиеся отрасли — информационные технологии. Великобритания и Франция входят в число мировых лидеров по объемам экспорта высокотехнологичной продукции [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что по всем пяти критериям, выделенным как составляющие фактора «мягкой силы» и Франция и Великобритания являются лидерами среди стран Европы. С одной стороны, это дает им определенное преимущество перед экономически сильной Германией или социально стабильной Швейцарией, а с другой — это заставляет их брать на себя ответственность за производство высокотехнологичной продукции всего Европейского Союза, поддерживая своих коллег, не имеющих подобных технических возможностей.

Но культурную привлекательность Европейского Союза нельзя рассматривать исключительно с позиции двух лидирующих в этой области стран. Как уже упоминалось после объединения страны Европы большинство проблем, в том числе и кризис культурной привлекательности Европы, пытаются решать общими усилиями. Этому способствуют общие исторические и культурные корни, общность территории. Коллективная мягкая сила ЕС проявляется во многих аспектах. Из них стоит выделить готовность ЕС создавать новые платформы для потенциального сотрудничества, как на двусторонней, так и многосторонней основе для помощи странам Африки. Аспект «мягкой силы» заключается в том, что в обмен на экономическую помощь Африканскому континенту ЕС распространяет свое влияние, привносит свою культуру и сдерживает американское «гуманитарное» давление. Кроме того, страны Европейского Союза настаивают на том, чтобы наряду с экономической и инвестиционной помощью Африка принимала западное понимание «прав человека» и демократические устои общества, которые являются оплотом европейского права.

Еще одним общим аспектом культурной политики ЕС является финансирование институтами ЕС культурных центров по распространению

европейской культуры в мире, пропаганде культурного разнообразия Европы. Осуществляются культурные обмены, которые позволяют обучать студентов из различных регионов мира на некоммерческой основе. Безусловно, Европейский Союз пока не может финансировать такое же количество учащихся, как, например, США, но с каждым годом показатели увеличиваются. Европейская комиссия инициировала рамочную культурную программу «Культура-2000»: «Суммарный бюджет программы 236,5 млн.евро. В программе приняли участие все европейские страны» [15]. Эта общеевропейская программа нацелена на поднятие имиджа ЕС посредством культурных обменов в области искусства, литературы, театра и музыки. Она призвана помочь расширить межкультурный диалог. Еще одним немаловажным общим фактором является позиционирование Европейского Союза как оплота бесконфликтного будущего, что является привлекательным с точки зрения современных глобальных угроз.

Но, не смотря на то, что европейские инструменты «мягкой силы» имеют довольно высокий уровень, на них оказывают большое влияние внешние факторы. В наибольшей степени это касается американских механизмов влияния, а также давления транснациональных брендов. На сегодняшний день процесс глобализации по большей части размывает границы: экономические, финансовые, культурные, объединяя компании стран разных регионов, при этом потенциально снижая возможность использовать эффект «мягкой силы». Взять, например, область, где европейские страны имеют высокие показатели — автостроение.«Европейский автоконцерн Рено вошел в альянс с японским Ниссан, и теперь они на пару владеют самым невероятным (в географическом плане) компаниями» [7]. Таким образом, то, что должно поднимать имидж европейского автопрома работает теперь на транснациональную компанию.

Вопрос о том, как повысить культурную привлекательность Европы в контексте набирающей силы глобализации и конкуренции со стороны США и Китаястоит для Европейского Союза очень остро.Необходимо предпринимать меры, которые позволили бы европейскому региону если не вернуть себе статус культурной столицы мира, то, по крайней мере, увеличить конкурентоспособность на мировой арене.

Во-первых, следует обратить больше внимания на миграционную проблему Европы. Ограничивая поток миграции нельзя забывать о том, что в Европе уже живет большое количество людей других регионов мира, которые не только не хотят покидать территорию, где роди-

лись их дети и даже внуки, но и желают сохранить свою культурные и религиозные корни. Именно способность и готовность разных по духу и повере народов жить вместе на одной территории может стать основным элементом «мягкой силы» Европейского Союза.

Во-вторых, на фоне больших миграционных потоков возникает еще один вопрос, который требует скорейшего решения для увеличения культурной привлекательности Европы. Речь идет о высоком уровне безработицы, который снижает престиж европейского рынков, в частности, рынок труда и рынок инвестиций. Именно поэтому следует продолжать инвестировать средства, как из госбюджетов отдельных стран, так и из общих средств Европейского Союза на социальное обеспечение и новые социальные программы.

В-третьих, следует наладить тесное культурное сотрудничество со странами других регионов. Тем более что Европейский Союз располагает всеми средствами для того, чтобы в раках многостороннего сотрудничества стать лидером. Языковое разнообразие может явиться базисом для появления новых образовательных программ. Эти программы должны быть ориентированы не только на страны ЕС и их ближайших соседей, но и на таких игроков мировой политики, как Россия, Китай, Индия. Помимо этого, необходимо продвигать среди молодежи профессии, связанные с культурой и инициировать новые культурные программы.

В-четвертых, важно отметить, что в ЕС до сих пор не создано необходимых институтов, которые могли бы эффективно использовать имеющиеся рычаги «мягкой силы» ЕС для продвижения общеевропейских культурных программ. Поэтому на базе институтов Европейского Союза видится возможным создание отдельного подразделения, которое станет оплотом культурной политики и публичной дипломатии ЕС.

В-пятых, необходимо подчеркнуть, что несколько волн расширения ЕС привели к тому, что разрыв между хорошо развитыми и развивающимися странами внутри Союза только увеличился. Поэтому очередной этап расширения, который должен «обогатить» ЕС еще одним членом — Хорватией, видится как возникновение новых противоречий между сторонами. Для эффекта «мягкой силы» этот вопрос носит двойственный характер. С одной стороны, вступление в ЕС еще одного экономически слабого государства станет дополнительным ненужным грузом для Союза. Но, с другой стороны, новое государство несет с собой новую культуру, которая расширит возможности и культурную привлекательность Евросоюза.

В целом, можно сделать вывод о том, что Европейский Союз, безусловно, обладает широким потенциалом использования культурной политики и других инструментов «мягкой силы». Закладывая основу, Франция и Великобритания эффективно помогают своим европейским партнерам развивать культурную политику и тем самым вносить вклад в общеевропейские механизмы «мягкой силы». К сожалению, на сегодняшний день, культурная привлекательность Европейского Союза находится не на тех позициях, которых она достойна. Внешние факторы оказывают слишком большое воздействие на попытки членов ЕС увеличить свое культурное влияние на другие регионы мира. Кроме того, конкурировать с США в условиях глобальных экономических и политических изменений становится все сложнее. Но важно отметить, что Европейский Союз является одним из немногих акторов мировой политики, способных составить конкуренцию США в данной сфере. Нерешенность некоторых проблем и недооценка важных для культурного развития аспектов пока не позволяет говорить о том, что коллективная «мягкая сила» ЕС является отработанным и слаженным механизмом. МП

Литература

1. Беннет О. Журнал исследований социальной политики. Культурная политика в Соединенном Королевстве: крах мотивировок и конец традиции., 2012. – 125 с.
2. Всеобщая декларация прав человека // [Электронный ресурс]. Режим доступа:// http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. Выступление Президента России В.В. Путина на Совещании послов и постоянных представителей России. // [Электронный ресурс]. Режим доступа:// http://www.kremlin.ru/transcripts/15902
4. Выступление руководителя Россотрудничества К.И. Косачева на конференции Фонда им. Ханса-Зайделя, Брюссель, 25 апреля 2013 г.
5. Дж. Най. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения.// [Электронный ресурс]. Режим доступа:// http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/nai_msil.php.
6. Дрозденко Е.Б. Государство и бизнес в инновационной экономике: зарубежный опыт партнерства. // [Электронный ресурс]. Режим доступа:// http://www.expo-priority.ru/common/img/uploaded/exhibitions/expo-priority/docs/industry_reports/State_and_business_in_the_innovation_economy.doc
7. КойновМ. Гражданскаяжурналистика. Транснациональные компании или кто кем владеет. 6 февраля 2013 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа:// http://mkoinov.livejournal.com/43105.html
8. Пушкин А.С. Евгений Онегин. М. 2011. – 118 с.
9. 2013 worlduniversitywebranking// [Электронныйресурс]. Режим доступа:// http://www.4icu.org/topEurope/
10. Alfred Weber. Abschied von der besherigen Geschichte. S. 172. 1999.
11. Euromag. Все о Европе. // [Электронный ресурс]. Режим доступа:// http://www.euromag.ru/germany/4330.html
12. Institute for government.The new persuaders.A global ranking of soft power.P. 15.
13. J. Nye. Soft Power: The means to success in world politics., New York. 2004.
14. Mahbubani K. Smart power, Chinese Style\\ American Interest, March-April 2008.
15. Report on the system of own resources. // [Электронныйресурс]. Режим доступа:// http://europa.eu/legislation_summaries/budget/l34016_en.htm

Классификация политики балансирования в современных международных отношениях

А.С. Скриба

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на существующую критику, теории реализма продолжают оставаться одними из наиболее популярных научных концепций, формулирующих законы развития современной международнойполитики. Еще в 2000 г. основоположник структурного реализма К. Уолц убедительно доказал, что, несмотря на появление в международной действительности новых тенденций, основные постулаты его теории по-прежнему сохраняют свою актуальность, поскольку государства, а не международные институты или иные субъекты международных отношений по-прежнему остаются главными акторами международной политики[1].

Неудивительно, что за этим последовали попытки западных ученых адаптировать новые постбиполярныемирополитические реалии к классическим для реализма положениям: необходимости наличия баланса сил и балансирования международной системы, борьбе за власть и объединению ради сдерживания империалистически настроенного гегемона и др. В частности, здесь можно выделить постоянно обновляемую теорию баланса угроз американского ученого С. Уолта[2,3,4,] а также научные исследования ряда других сторонников теории структурного реализма, посвященных доминированию Соединенных Штатов[5,6,7,8,9].

Тем не менее, необходимо отметить важный аспект подавляющего большинства течений реализма, в том числе и относительно новых. Все они, как и традиционный политический реализм Х. Моргентау[10], зиждутся но том факте, что существует группа государств (великих дер-

А.С. Скриба Аспирант НИУ ВШЭ

жав), которые оказывают исключительное влияние на баланс сил в международной политике, определяют вопросы войны и мира, как между собой, так и между другими государствами.

В этой ситуации нельзя не заметить, что после ухода биполярной конфронтации международная система характеризуется значительно меньшим числом военных конфликтов в частности и международной напряженности в целом. В свою очередь, постепенный переход ключевых аспектов международной политики из военной в иные сферы общественной жизнедеятельности создал объективные основания для большей вовлеченности в различные международные процессы тех государств, которые не попадают под определение «великие державы».

Получив большую свободу действий (по сравнению с предыдущими международными системами), новые и вновь обретшие независимость малые и средние государства стали более непредсказуемыми акторами международной политики[11]. Это означает, что баланс сил, к которому стремятся и который охраняют действующие великодержавные акторы, перестает быть исключительно их вотчиной. Иными словами, в современном мире великие державы постепенно теряют монополию на балансирование международной системы, а образовавшийся вакуум занимают более самостоятельные невеликодержавные субъекты международной политики.

Таким образом, приходится констатировать, что малые и средние государства играют все большую роль в балансировании международной системы. В связи с этим возникает объективная необходимость в исследовании законов такого «невеликодержавного» балансирования, изучении его специфики и определении вызова, который он несет балансу сил на различных (международной и региональном) уровнях. Для этого в первой части работы проводится анализ места малых и средних государств в международных отношениях, а также обозначаются критерии классификации политики балансирования в зависимости от проводящего ее государства. Во второй части работы представлена непосредственная классификация балансирования, на основе которой делаются выводы о поведении государства, проводящего соответствующую политику. В заключительной, третьей части приводится пример, как знание сущности политики балансирования малых и средних государств может позволить определить сильные и слабые стороны определенных международных процессов.

ЧАСТЬ 1

Некоторые российские исследователи отметили, что в современном мире малые и средние государства не только не утратили свое значение в развитии международных отношениях, но, напротив, эффективно демонстрируют способность к выживанию (вопреки прогнозу К.Хаусхофера о неизбежном сокращении их числа) и даже увеличивают свою роль и влияние на международные процессы[12]. Этому в значительной мере способствовали такие международные политические процессы второй половины XX в., как: развитие международного права, предусматривающего, среди прочего, право народов на самоопределение; деколонизация и появление новых или обретение независимости старыми государствами; наконец — уход от биполярного противостояния и, как следствие, снижение конфронтационности всей международной политики.

Однако в то же время трудно избавиться от ощущения, что такие страны по-прежнему являются скорее объектами, а не субъектами международной политики. Нужно признать, что отчасти данный тезис соответствует действительности и в наше время. Например, по мнению российского ученого Н.Кавешникова, исторически статус малой страны характеризовался ограниченными ресурсами и вытекающей из этого невозможностью обеспечить собственную безопасность[13]. Приведенные им примеры отношений таких государств с великими державами убедительно показывают низкий уровень влияния первых на международные процессы, что соответствует действительности и в наши дни:

- баланс сил между державами (Бельгия до Второй мировой войны);
- защита, покровительство или протекторат со стороны великой державы (современный Израиль);
- невыгодность завоевания малой страны, как правило, из-за отсутствия у нее ценных ресурсов либо высоких издержек по завоеванию и поддержанию контроля.

Итак, на основании того факта, что малые и средние государства имеют вторичный статус в международной системе баланса сил, западные ученые сосредоточились на системном изучении политики преимущественно великих держав, отведя невеликодержавнымакторам лишь определенные «поведенческие особенности»[14]. К последним американская исследовательница Дж. Хей отнесла низкий уровень участия в меж-

дународных делах и акцент на решение узкого круга внешнеполитических вопросов. По ее словам, малые и средние государства ограничивают свою активность ближайшим географическим пространством и используют не военные, а дипломатические и экономические инструменты внешней политики, делают упор на принципы международного права, придерживаются нейтралитета и ориентируются на великие державы в вопросах безопасности, ресурсов, создании партнерств. Подобная ориентация в западной политической науке получила терминологическое обозначение — bandwagoning.

Теория баланса интересов утверждает, что на стабильность системы оказывает влияние методы и цели использования силы

Этот термин до настоящего момента не имел русского аналога. При этом разные ученые вкладывают в него немного разный смысл. Например, если Уолц полагал, что под этим типом поведение понимается своеобразное примыкание малого государства к любому более сильному вследствие сложившихся в международной среде обстоятельств, то автор теории баланса угроз Уолт констатировал, что примыканием может быть обозначен лишь союз с агрессивной стороной, которая нуждается в балансировании, которое, в свою очередь, малое государство оказалось неспособно осуществить на практике.

Тем не менее, можно зафиксировать общий момент, который заключается в том, что bandwagoning — это политика примыкания невеликодержавного субъекта международной политики к более сильной великой державе, которая может быть вызвана как внутренней мотивацией, так и реакцией на события в международной среде. В этом определении теории реализма зафиксировали своеобразную второстепенность малых и средних государств, их неспособность самостоятельно влиять на процесс формирования, охранения или дестабилизации баланса сил в международной системе.

Своего рода прорывом на фоне прочих течений реализма с точки зрения вовлеченности малых и средних государств в международный баланс сил может считаться теория баланса интересов американского ученого Р. Швеллера[15].В отличие от традиционно неореалистической теории баланса сил, теория баланса интересов утверждает, что на стабильность системы оказывает влияние не распределение силы в международной

среде как таковое, а методы и цели ее использования. В этой ситуации равновесие системы обеспечивается балансом сил между государствами-стабилизаторами и государствами-ревизионистами существующего статус-кво.

Теория баланса интересов позволила Швеллеру провести первую для реализма классификацию акторов международной политики и определить специфику их поведения, согласно которой существует четыре основных типа субъектов международной политики:

- Государства-львы. Ориентированы на сохранение в международной системе статус-кво, готовы заплатить высокую цену за защиту того, что уже имеют, однако не стремятся к дальнейшему увеличению собственной силы. К ним относятся великие державы, «управляющие» сбалансированной международной системой.
- Государства-волки. Не удовлетворены своим местом в международной системе, готовы идти на риск ради распространения влияния. Для примера Швеллер приводит речь А. Гитлера накануне Второй мировой войны: «Нам легко принимать решения. Нам нечего терять; нам нужно всего добиваться… У нас нет иного выбора, кроме как действовать». Волками в равной степени могут быть как существующие великие державы, стремящиеся к повышению своего статуса, так и новые, формирующиеся сильные акторы, желающие заявить о своих правах на великодержавный статус.
- Государства-овцы. Способны заплатить невысокую цену и за собственную защиту, и за расширение своего влияния. Перед лицом угрозы они всегда будут выбирать политику примыкания, избегать непосредственных конфликтов, и, при наличии такой возможности, — дистанцироваться от конфронтационных отношений великих держав. Так, У. Черчилль, говоря о малых государствах Европы, отмечал, что «каждая из них надеется, что если она покормит крокодила, то крокодил съест ее в последнюю очередь».
- Государства-шакалы. Такие государства готовы заплатить большую цену за расширение своего влияния, нежели за защиту. Как и государства-волки, они не удовлетворены своим нынешним положением, однако не способны самостоятельно увеличить свою силу, и потому стремятся примыкать либо к сильным волкам, либо к государствам-львам на пике их могущества.

В целом можно сделать вывод, что в определенном смысле теория баланса интересов возвращает реализм от изучения законов поведения от-

дельной группы государств кмирсистемному анализу, когда происходящие процессы анализируются с точки зрения стабильности или пересмотра достигнутого статус-кво. При этом, как уже отмечалось, Швеллер предоставляет всем странам, в том числе и государствам невеликодержавного типа, возможность самостоятельного (а не реакционного, как в иных реалистических течениях) выбора той или иной внешней политики.

Теория баланса интересов возвращает реализм к мирсистемному анализу

Объединив полученные Швеллером результаты с более ранними теориями реализма, можно обозначить две составляющие политики балансирования, определяющие, в конечном счете, место любой страны в международной политике. Первой такой составляющей становится степень самостоятельности принимаемых решений и проводимой на международной арене политики. Как и говорит традиционная теория баланса сил, наравне с великими державами существуют малые государства, которые при определенных обстоятельствах (примыкание из-за внешней угрозы к государству-защитнику или источнику этой угрозы) могут проводить внешнюю политику вследствие внешнего принуждения. Иными словами, речь идет о том, что политика различных стран может носить как активный, так и пассивный (или вынужденный).

Вторая составляющая учитывает принадлежность государства к заданной системе баланса сил. Было замечено, что если Уолт в теории баланса угроз исследует поведение государств вне такой системы, то Швеллер в теории баланса интересов, напротив, ограничивает модели поведения государств их вариативностью в рамках международной системы. Несомненно, системное или внесистемное поведение государств на международной арене будут отличаться, а значит при анализе отношений стран в четко определенных географических рамках (будь то отдельный регион или мир в целом) необходима четкая дифференциация государств по этому признаку.

В результате полученные выводы о разнообразии балансирования и выработанные критерии ее обозначения, а также обнаруженные тенденции роста значимости малых и средних государств позволяют со всей обоснованностью приступить к классификации политики балансирования в современной международной политике.

ЧАСТЬ 2

Традиционно классификация поведения государств базируется на классификации самих государств (на основе тех или иных критериев). Ранее уже были приведены мнения, что именно потенциал того или иного государства в конечном счете определяет его внешнеполитические возможности и позволяет анализировать как его нынешнее международное положение, так и потенциальные действия на международной арене.И все же приходится констатировать, что на сегодняшний деньв политической науке (как отечественной, так и зарубежной) единая общепризнанная классификация стран мираотсутствует. Причиной этого является тот факт, что ученые используют различные характеристики государств как основу описания и типологии их потенциалов.

Здесь важно понимать, что потенциал государства как актора международной политики является включает в себя две составляющие. С одной стороны, это ресурсы (в самом широком смысле, включая территорию, природные ископаемые, инфраструктуру, человеческие ресурсы и пр.), которыми государство уже располагает или может располагать в определенной перспективе. С другой стороны, потенциал — это еще и то, как эти ресурсы используются, или какой они имеют практический «выход» в международной политике.

Именно иерархия этих параметров при анализе потенциала государства (особенно — его ресурсной составляющей) становится предметом противоречий при разработке их классификации. Например, испанский исследователь Ж. Коломер в предложенной им классификации государств за основу потенциала принял их территориальные и людские ресурсы, а также исполняемую роль в мировой политической системе, после чего выделил три вида государственных образований: большие империи, малые нации и суверенные государства[16]. В ответ на это российский ученый М. Ильин охарактеризовалклассификацию Коломера как «довольно грубую» и предложил альтернативную типологию, ориентированную в большей мере на критерии статусности и параметры масштабности государств и их функции в международных системах: мегагосударства; макрогосударства; минигосударства; микрогосударства; сегменты-государства; непризнанные, самопровозглашенные государства-состояния; государства-изгои[17].

Комментируя возникающие при выборе критериев классификации противоречия, российская исследовательница И. Кудряшова констатирует условность такого выбора. По ее словам, по площади территории

Мавритания, Чад или Конго в несколько раз больше Японии, однако оказывают кратно меньшее влияние на международные процессы; население Бангладеша составляет более 160 млн. человек, что, однако, не позволяет отнести его к макрогосударствам с функциональной точки зрения. Нерепрезентативен также выбор в качестве критерия уровень жизни (в пятерку стран с самым высоким показателем ВВП на душу населения входят Люксембург, Катар, Бруней и Кувейт), степень влияния (по словам Кудряшовой, едва ли кто-то будет спорить о немалом политическом влиянии Израиля на США), обладание ядерным оружием (которое есть не только у постоянных членов Совета безопасности ООН, но и у Пакистана, СеверноюКореи, Израиля)[18].

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: так как именно первая (ресурсная) составляющая определяет вторую (практическую), то отсутствие консенсуса относительно приоритетности ресурсных составляющих потенциала не позволяет, во-первых, выработать единую классификацию стран мира, и, следовательно, во-вторых, предложить убедительную типологию внешнеполитического поведения.

В сложившейся ситуации главным преимуществом структурного реализма и исследуемой в его рамках политики балансирования видится тот факт, что данная теория позволяет в значительной мере абстрагироваться от ресурсной составляющей потенциала и сконцентрироваться на практической – месте государства в международной политике в целом и системе баланса сил в частности.Несмотря на то, что сам основоположник структурного реализма Уолц несколько дистанцировался от системного подхода М. Каплана при исследовании международной политики[19], в рамках проводимой классификации именно этот подход позволит грамотно провести типологию балансирования, начав ее с системообразующих государств.

Балансирование	Системное	Внесистемное
Активное	Великие державы	Остальной мир
Пассивное	Остальной мир (примыкание)	Остальной мир

Итак, существует четыре варианта политики балансирования: системное активное, системное пассивное, внесистемное активное и внесистемное пассивное. Как видно, здесь ресурсный потенциал становится предметом исследования уже после классификации государств, которая исходя из вариантов реализуемой политики балансирования, будет иметь

самое упрощенное деление на акторов великодержавных (великие державы) и невеликодержавных (остальной мир). Рассмотрим подробнее предложенную классификацию.

Первую группу стран образуют государства, на отношении между которыми, согласно реализму, зиждется любая система баланса сил. С одной стороны, их поведение характеризуется как системное, так как великие державы являются ее непосредственными конструкторами и стабилизаторами. С другой стороны, такая политика балансирования является активной, ибо страны принимают самостоятельные внешнеполитические решения.

Проведение политики пассивного внесистемного балансирования означает, что страна не представляют интерес для великих держав

Вторая группа стран представлена малыми и средними государствами невеликодержавного типа, которые по ряду обстоятельств (внешняя угроза, конъюнктурная заинтересованность) участвуют в распределении влияния между великими державами. Таким образом, их политика балансирования (которая на практике является той самой политикой примыкания) также является системной. В то же время необходимость постоянной согласованности внешнеполитических решений с таковыми у великодержавного актора, к которому они примыкают, позволяет охарактеризовать данный тип поведения как пассивное балансирования.

Третья и четвертая группы могут быть представлены не только малыми и средними странами, но и государствами, сопоставимыми по ряду составляющих ресурсного потенциала с велики державами. Их политика балансирования характеризуется как внесистемная, поскольку эти акторы не принимают непосредственного участия в распределении влияния в системе баланса сил, а их вклад в равновесие системы заключается в том, что они не примыкают ни к одной из системообразующих сторон.

Что касается критериев активности или пассивности такой политики, то они будут несколько иными, чем у стран первой и второй групп. Активное внесистемное балансирование означает, что государство самостоятельно обеспечивает свою дистанцированность от системы баланса сил, несмотря на стремление ряда великодержавных акторов распространить на него свое влияние. Как правило, такая политика возможно либо в тогда, когда государство достаточно сильное, чтобы от-

стоять собственный суверенитет, либо в том случае, если на него «претендуют» сразу несколько великих держав (что придает термину «балансирование» дополнительную смысловую окрашенность).

Проведение политики пассивного внесистемного балансирования означает, что страна по ряду причин не представляют интерес для великих держав (отсутствие ценных ресурсов), предполагают для установления и удержания над ними контроля слишком высокие издержки, либо же ее «ценность» состоит именно в их независимости. В последнем случае Кавешников приводит пример Швейцарии в первой половине XX века как «европейского банкира» или полунезависимый статус современного Гонконга как «окна в мир» для Китая.

Предложенная типология балансирования является первой попыткой научно обосновать место невеликодержавных акторов в системе баланса сил, что, в свою очередь, позволяет более эффективно отследить современные мирополитические вызовы. Таким образом, главным достоинством классификации можно считать даже не ее новизну и теоритическую основу, а возможность ее практического применения при анализе международных политических процессов.

ЧАСТЬ 3

Теории реализма часто критикуются за то, что они априори не являются эффективными, т.к. не позволяют определить наиболее оптимальный вариант внешнеполитического решения[20]. Реализм говорит о преобладающем влиянии международной среды на поведение государств, в связи с чем возникает логичный вопрос: может ли государство противостоять реальным (естественным) законам развития международной политики?

Здесь не стоит забывать, что возвышая значимость международной среды, реализм по-прежнему признает внешнюю политику — способность государств не только реагировать на внешние «раздражители», но и реализовать национальные интересы вследствие внутренней мотивации. Ведь законы формулируют целую матрицу различных вариантов поведения, а не единственно возможный путь его развития. Хотя все же стоит признать, что соотношению и первичности внешней политики и процессов международной среды в современном изучении реализма отводится недостаточно внимания, и эта тема может и должна стать предметом отдельного исследования.

Традиционно способность влиять на международную систему в теориях реализма принадлежит великим державам как государствам с самым большим потенциалом, в то время как остальные страны вынуждены «подстраиваться» под тенденции международной политики. Если рассматривать в качестве объекта исследования бывшие страны СССР, то сторонник неореализма Р. Джервис так характеризует ситуацию на постсоветском пространстве: «Если не считать Россию, то все остальные постсоветские государства — объекты, а не субъекты международных отношений, поскольку они невелики по размерам и внутренне слабы»[21].

Тем не менее, полученные в ходе настоящего исследования выводы и международная практика убедительно свидетельствуют о том, что малые государства в современных условиях способны более эффективно противостоять процессам международной среды. Географически наиболее близкими к России примерами такого поведения являются Беларусь и Украина — государства, которым на протяжении почти двух десятков лет удавалось избегать вовлеченности в региональные интеграционные группировки, проводя политику внесистемного активного балансирования.

В последние годы Беларусь все же стала участников евразийской интеграции, и едва ли вызывает сомнение, что уже в перспективе нескольких лет Украина также предпримет шаги в одном из двух интеграционных направлений (европейском или евразийском). При этом важно понимать, что такая политика примыкания обусловлена нынешними конъюнктурными интересами стран в ее проведения. Таким образом, в этой ситуации — и это главный вывод, основанный на полученных в ходе исследования результатах — самым важным вопросом является не факт вовлечение малых стран в интеграцию, а обеспечение их долгосрочной заинтересованности в постоянном развитии интеграционных объединений.

Опыт Европейского союза показывает, что конъюнктурная заинтересованность малых государств в интеграции несет в себе дестабилизирующий потенциал, препятствующий ее дальнейшему углублению. В качестве примера можно привести попытку утверждения Лиссабонского договора, когда последними странами, одобрившими его, стали Польша, Ирландия и Чехия (малые государства, не входящие в «ядро» Европейского союза). При этом Президент Чехии В. Клаус, выступая в Европарламенте и комментируя передачу полномочий (а значит и части

суверенитета) наднациональным органам, вовсе сравнил ЕС с Советским союзом[22].

Таким образом, полученные выводы убедительно показали, что для малых и средних государств, не претендующих на центральное место в формировании системы международных отношений, отсутствует единая политика балансирования (в отличие от великих держав), направленная на поддержание стабильности и статус-кво этой системы. В результате их поведение подвержено вариативности и неустойчивости, а повышение их потенциала как субъектов международной политики вносит элемент непредсказуемости в их политику балансирования.

В этой ситуации главным направлением политики крупных государств, заинтересованных в выгодном сближении с малыми и средними странами, должно стать обеспечение долговременного характера определенной политики балансирования. Иными словами, именно балансирование, являясь средством выживания малых государств на международной арене, становится главным объектом внешней политики системообразующих международных акторов.

Резюмируя вышесказанное, можно зафиксировать, что политика балансирования, имеющая в себе субъективное начало, однако подчиняющаяся объективным законам реализма, определяет состояние и направление развития международных и региональных процессов, а ее анализ позволяет выявить сильные и слабые стороны этих процессов и сформулировать действенный ответ на обозначенные ею вызовы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Классификация балансирования в международной политике является первой попыткой научно обосновать вариативность моделей поведения различных по потенциалу государств. Несомненно, практическая имплементация теоритических выводов будет иметь свою региональную специфику. Тем не менее, сформулированная в рамках объективных законов международной политики теорий реализма, эта классификация представляет универсальную практическую значимость при анализе и прогнозировании внешней политики стран мира.

Ее нынешняя актуальность обусловлена всевозрастающей конкуренцией великодержавных акторов за региональные сферы влияния, где малые и средние государства становятся главными объектами их внешней политики. Анализ поведения таких государств с учетом их

возросшего субъектного мирополитического статуса будет способствовать повышению эффективности формирования механизма долговременного дву- и многостороннего сотрудничества, основанного на поддержании той или иной политики балансирования. МП

Примечания

1. Waltz K. Structural Realism after the Cold War // International Security — 2000. — Vol. 25/1. — P. 5–41.
2. Walt S. The Origins of Alliances.— Cornell University Press, 1990. — 336 p.
3. Walt S. Keeping the World «Off-Balance»: Self-Restraint and U.S. Foreign Policy // America Unrivaled: The Future of the Balance of Power — Cornell University Press, 2002. — 336 p.
4. Walt S. Alliances in a Unipolar World // World Politics – 2009. – Vol. 61, Issue 01, pp. 86-120
5. Mastanduno M. Preserving the Unipolar Moment: Realist Theories and U.S. Grand Strategy after the Cold War, International Security, Vol. 21, No. 4, 1997.
6. Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World // International Security — 1999 — Vol. 24/1 — P. 5–41.
7. Snyder Q. Z. The Bipolarity of a Unipolar World: Why Secondary Powers will Stand By America — University of Maryland, 2008. — 38 p.
8. Haass R. N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. — 2008. — Vol. 87/3. — P. 44–56.
9. Levy J., Thompson W. Balancing on Land and at Sea: Do States Ally against the LeadingGlobal Power? // International Security – 2010. – Vol. 35, Number 1, pp. 7-43
10. Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Fifth Edition, Revised. —New York: Alfred A. Knopf, 1978. — 752 p.
11. Кавешников Н.Ю. Малые и вредные // Международные процессы — 2008. — Т.6. — № 3. — С. 84–92.
12. Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим // Международные процессы. — 2008. — Т.6. — № 3(18).
13. Кавешников Н.Ю. Малые и вредные // Международные процессы — 2008. — Т.6. — № 3. — С. 84–92.
14. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / Ed. by Jeanne A. K. Hey. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003. P.5.
15. Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // International Security 19:1 (Summer 1994).
16. Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. L., N.Y.: Routledge, 2007
17. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – № 4. С. 8 – 41.
18. Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим // Международные процессы. — 2008. — Т.6. — № 3(18).
19. Pursiainen Ch. Russian Foreign Policy and International Relations Theory.Aldershot, Brookfield USA [etc.]: Ashgate Publishing Ltd, 2000. – 239 p.
20. Oren I. The Unrealism of Contemporary Realism: The Tension between Realist Theory and Realists' Practice // Perspectives on Politics, Vol 7, No 2, pp. 283–301
21. Внешняя политика недопонимания / Интервью с профессором Колумбийского университета Робертом ДжервисомURL: http://www.washprofile.org/ru/node/4168
22. Klaus rocks European Parliament // Euronews, 2009. URL: http://www.euronews.com/2009/02/19/klaus-rocks-european-parliament.

«Опережая время» — может ли новая концепция внешней политики Турции достичь реальных успехов в Центральной Азии?

К. Хас

Центральная Азия и Южный Кавказ являются традиционной сферой интересов внешней политики Турции, в первую очередь, ввиду общих религиозно-традиционных ценностей, этнической и языковой близости. После распада СССР, в силу сложившихся обстоятельств и новой расстановки сил на постсоветском пространстве, а также напряженной политической обстановки внутри Турции, экономического кризиса 1994 г., Анкара довольно продолжительное время была не в состоянии выстроить эффективный внешнеполитический курс в регионе.

Принимая во внимание общее со странами Центральной Азии прошлое, а также существенное военное присутствие в регионе, Россия, безусловно, имела весомые преимущества перед другими странами региона в установлении прочных и выгодных отношений с центральноазиатскими государствами. Иран, являясь антагонистом Турции по многим ключевым вопросам, оценивал попытки Анкары усилить свое влияние в контексте имеющихся у Турции тесных взаимоотношений с Вашингтоном. В то же время, стремление Тегерана стать лидером мусульманских государств, основной религией которых являлся ислам шиитского толка, противоречили возрастающему влиянию суннитского ислама, представленного, в том числе, Турцией.

Существенным является и то обстоятельство, что в изменившейся геополитической обстановке Турция фактически не могла быть посредни-

К. Хас Аспирант кафедры политологии Востока ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

ком в вопросе урегулирования существующих и предотвращении потенциальных конфликтов. Это, в первую очередь, обуславливалось ограниченными связями между Анкарой и государствами Центральной Азии во время Холодной войны.

Принимая во внимание непростое на то время положение Турции, как на внутригосударственном уровне, так и на международной арене, Анкара в 1990-е годы предпринимала попытки продвижения идеи создания тюркского мира «от Адриатики до Великой Китайской Стены», что могло бы существенно расширить сферы ее экономического и политического влияния. Подобный проект представлялся труднореализуемым и не удовлетворяющим интересам тех стран региона, которые в перспективе могли бы рассчитывать на более плотные и выгодные взаимоотношения со странами Центральной Азии — таких как Азербайджан. Несмотря на политику тогдашних властей, Анкаре не удалось реализовать этот проект.

Финансовый кризис 2001 г. вновь приостановил масштабные планы Республики по продвижению вглубь региона

В 2000-х гг. турецкая политика претерпела существенные изменения. Ввиду изменившейся идеологической, экономической и социо-культурной ситуации как в регионе в целом, так и в Турции в частности, сформировались предпосылки к расширению партнерства Анкары с большинством государств Центральной Азии. Если идея тюркского мира, представленная в 1990-х гг., имела успех только у некоторых политических лидеров государств Центральной Азии и поэтому была неосуществима, то в 2000-х гг. на смену ей пришел системный подход к проблеме, предусматривающий реальные шаги в двусторонних и многосторонних отношениях со странами региона.

В силу того, что Турция стала приобретать все больший вес на международной арене, могла стать своеобразным посредником в разрешении конфликтных ситуаций, а также была в состоянии взять на себя функции «третейского судьи», амбиции Анкары вновь устремились на упрочнение своих позиций в Центральной Азии. Однако финансовый кризис 2001 г., затронувший экономику Турции, вновь приостановил масштабные планы Республики по продвижению вглубь региона. В 2002 г. прошли досрочные парламентские выборы, по результатам которых все тогдашние коали-

ционные партии не смогли преодолеть 10-процентный избирательный барьер и потерпели поражение. Во власти возникла новая фигура — правящая Партия справедливости и развития (ПСР) во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом. В течение 1990-х гг. мажоритарное однопартийное руководство ПСР обеспечило возможность проведения более устойчивого и влиятельного курса во внешней политике страны. Кроме того, в экономической сфере были предприняты серьезные шаги и проведены структурные финансовые реформы в банковском секторе для предотвращения возникновения кризиса в последующие годы. Благодаря предпринятым государством мерам также удалось избежать разрушительных последствий финансового кризиса в 2008-2009 гг., а среднегодовой темп экономического роста Турции в период 2002-2012 гг. достиг 5,15 %. Возрастание экономической мощи и политической стабильности дало руководству возможность более эффективно проводить свой внешнеполитический курс, основа которого лежит в принципе региональной экономической интеграции. В силу вышеуказанных процессов, трансформация взаимоотношений между Турцией и странами Центральной Азии стала одним из основных направлений внешней политики Анкары. Здесь, безусловно, сказалась и роль руководящей ПСР как основного политического актора в Турции. Особенно в первые годы новая внешнеполитическая концепция ПСР, разработанная Ахметом Давутоглу, тогдашним главным внешнеполитическим советником Эрдогана, а ныне главой МИД Турции, под названием «нуль проблем с соседями» и «региональная интеграция через экономическую взаимозависимость» приобрела значительную социальную поддержку внутри страны. Концепция Давутоглу делает особый упор на факторы психолого-исторической, территориально-географической и демографическо-культурной стратегической значимости Турции на международной арене.

Так, можно говорить о сложившемся в 2000-х гг. сложном сочетании разнообразных процессов, в первую очередь, проявившихся в виде внутренних политических и экономических изменениях, разработке новой концепции внешней политики, а также определения национальных интересов Анкары в странах Центральной Азии на основе подхода «суверенные и равные партнеры». Более того, будущее непосредственного присутствия Анкары в странах Центральной Азии и возможность не только укреплять уже существующее влияние, но и распространять свою политику за пределами военного и стратегического сотрудничества, обусловила необходимость переоценки проводимой политики.

Особое значение для Турции приобрели отношения с Россией. Планы создания так называемого «тюркского мира» в политическом смысле вызывали в российских политических кругах негативную реакцию, которая проецировалась на все сферы взаимоотношений между Анкарой и Москвой.

Проблема для Турции как на внутриполитическом, так и на внешнеполитическом уровне заключалась в поиске оптимальных методов реализации своего потенциала региональной державы. Одной из важнейших составляющих новой концепции внешнеполитической стратегии стало проведение внешнеполитического курса, направленного на упрочение международных позиций Турции. Ввиду того, что Россия, в силу роли и веса Москвы на черноморско-каспийском пространстве и в Центральной Азии, является одним из ведущих мировых центров политической и военно-стратегической мощи в этом регионе, Турции пришлось рассматривать российское направление внешней политики как одно из первостепенных и приоритетных. В этой связи главным отличием внешней политики Турции в 2000-х гг. от предыдущего десятилетия стало активное развитие двусторонних российско-турецких отношений. Разумеется, во многом Турция и Россия выступают конкурентами в Центральной Азии, оставаясь одновременно заинтересованными в стабилизации политической ситуации и экономическом процветании в регионе. Приостановление после 1994 г. двусторонних отношений Турции с центральноазиатскими странами преодолевается новым курсом, который отражает приоритетное сотрудничество с Россией на региональном уровне. Как отмечается в партийной программе ПСР, она «будет способствовать укреплению дружеских отношений с Россией в Центральной Азии и на Кавказе, основа которых лежит в сотрудничестве, а не на соперничестве». Подобная перспектива взаимоотношений с Москвой на евразийском пространстве также обозначается Эрдоганом в Программе правительства, сформированным ПСР.

В 2000-х гг. активизация политики Турции с центральноазиатскими странами шла параллельно с углублением отношений Анкары с Москвой в политической, экономической и культурной сферах. Продолжая настаивать на укреплении связей со странами Центральной Азии, Турции удалось сохранить дружественные двусторонние и многосторонние отношения с Россией. Усилия Турции укрепить отношения с центральноазиатскими государствами, инициируя контакты с международными

организациями и укрепляя двусторонние связи, не стали препятствиями для дальнейшего развития сотрудничества с Россией. Несмотря на расхождения во взглядах между Анкарой и Москвой по некоторым региональным проблемам, успешно функционирует механизм преодоления разногласий и осуществления взаимодействия по ключевым вопросам двусторонних отношений и мировой политики. В начале нового десятилетия закрепилась в целом позитивная тенденция в развитии российско-турецкой торговли, расширении спектра и географии делового сотрудничества. Россия вышла на второе место после Германии, достигнув торгового оборота с Турцией в 2012 г. в 33,3 млрд долл. при значительном (26,6 млрд долл.) положительном сальдо в пользу России.

Проблема для Турции заключалась в поиске оптимальных методов реализации своего потенциала региональной державы

Необходимо отметить, что устойчивое развитие отношений Турции с Россией также способствовало снижению негативной реакции Москвы на растущее влияние Анкары в регионе, и Турция стала рассматриваться в Центральной Азии в качестве значимого партнера в области торгово-экономических отношений. Отдельное внимание стоит уделить и так называемой политике «мягкой силы», среди приоритетов которой необходимо, в первую очередь, выделить реализацию совместных проектов в сфере образования и культуры. После 1991 года турецкое государство, частные предприниматели и негосударственные организации открыли значительное количество учебных заведений в странах Центральной Азии. Активность Анкары в этой сфере непосредственно повлияла на двусторонние культурные отношения, в частности, турецкие руководители начали осуществлять «Большой студенческий проект» (Bьyьk Ц renci Projesi). И сегодня турецкое руководство уделяет все больше внимания развитию социокультурных связей со странами Центральной Азии. Некогда упущенная возможность укрепить свои позиции, опираясь на близость региона в этническом и религиозном плане, сейчас обретает реальные очертания в виде проводимого курса на сближение молодежи различных стран и Турции.

Весьма значимым для углубления связей стала гуманитарная помощь Анкары в сфере развития социальной сферы стран Центральной

Азии. В 1992 г. официальная помощь Турции в целях развития центрально-азиатским странам была весьма высока. В том же году турецкое правительство предоставило Узбекистану – 755, Казахстану – 216, Туркмении – 94,5, Киргизии – 26 и Таджикистану – 3,5 млн долларов соответственно. За период 1992-2003 гг. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации при Аппарате премьер-министра Турции (ТИКА) осуществило 2506 экономических проектов в различных странах мира. По данным ТИКА, на долю Казахстана за этот период пришлось около 31,3 % общего объема осуществлявших проектов, в то время как доля Киргизии и Туркмении в совокупном объеме проектов составляет 10,9 и 8,8 %, соответственно. За период 2002-2012 гг. численность осуществленных программ в области инфраструктуры, образования и здравоохранения, представленные ТИКА в более 100 странах, достигла 10086. Лишь в 2011 гг. в Центральной Азии и в странах Южного Кавказа ТИКА реализовала 805 проектов, в балканских странах – 425, на Ближнем Востоке и в Африке – 202.

В течении 20 лет после независимости немалую надежду страны Центральной Азии возлагали на сотрудничество с Турцией в области строительства. Общая стоимость инвестиционных проектов, реализованных до 2012 г. турецкими строительными компаниями в Туркмении достигла 26,9 млрд долл. В период 1972-2012 гг. Туркмения была второй из 94 стран по стоимости всех осуществленных турецких строительных проектов с долей 12,5 % после России (17,7 %). А Казахстан – четвертой по стоимости 15,3 млрд долл. с долей 7,1 % . Лишь в 2011 г. турецкие фирмы обязались осуществить 63 и 24 крупных проектов за 3,3 и 1,7 млрд долл. в Туркмении и в Казахстане, соответственно.

Если до недавнего времени приходилось говорить о выверенной и выдержанной политике Турции на постсоветском пространстве, то теперь Анкара готова продемонстрировать новый подход к решению важнейших геополитических задач. Сегодня Турция, обладающая большим политическим, экономическим и военным потенциалом, решает комплекс стратегических задач в регионе в целом. В последнее время, продолжая курс на углубление партнерства и стратегического взаимодействия, Турция и государства Центральной Азии стали все больше внимания уделять экономической составляющей взаимоотношений в рамках механизма регулярных встреч глав государств и правительств этих стран. Так, ключевое значение дальнейшего перспективного развития двусторонних

отношений Турции со странами Центральной Азии состоит в том, что от глубины и характера их функционирования в немалой степени зависит и перспектива эффективного многостороннего сотрудничества в рамках различных совместных платформ. Турецкая сторона отдельно подчеркивает, что основой двусторонних и многосторонних взаимоотношений является принцип подлинного прагматизма и равноправия. Однако, как отмечает Анкара, дальнейшее укрепление конструктивного сотрудничества Турции с регионом может быть только при наличии проявления конкретной политической воли глав государств. В связи с этим, стоит упомянуть о росте интенсивности политических консультаций Турции с Казахстаном при существующем взаимном стремлении к расширению сотрудничества и укреплению его договорно-правовой базы. Примером большой продуктивности взаимоотношений сторон явилась состоявшаяся встреча под председательством представителей высшего руководства государств Азербайджана, Казахстана, Киргизии и Турции 3 октября 2009 г. в Нахичевани. По итогам встречи стороны обязались предпринимать согласованные действия с целью наращивания связей между тюркоязычными государствами, а также формирования «Совета сотрудничества тюркоязычных государств» (ССТГ), также называемой Тюркским Советом. Вместе с этим в мае 2010 г. в Астане во время визита президента Турции Абдуллы Гюля открылся научно-исследовательский центр — Академия Тюркского совета. Основными целями создания академии являются проведение научных исследований и международных форумов, изучение тюркской истории и культуры тюркских языков и взаимодействие тюркологов во всем мире. Для выполнения целей и задач Тюркского совета создались Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Комитет старших должностных лиц, Совет старейшин (аксакалов) тюркоязычных государств и Секретариат. Первый саммит совета прошел 21 октября 2011 г. в Алматы. 11 октября 2012 г. в Анкаре состоялось первое заседание Совета стратегического сотрудничества на высшем уровне между Турцией и Казахстаном. Вместе с тем следует отметить, что экономическая составляющая отношений Турции с Казахстаном меньше, чем могла бы быть, учитывая, что Казахстан в настоящее время обладает богатейшими природными ресурсами, в первую очередь нефтью, газом, цветными и редкими металлами.

В двусторонних отношениях Турции с Киргизией сложилась определенная система, в той или иной мере сформировавшая ключевые на-

правления сотрудничества. Для наращивания взаимовыгодных контактов существует довольно широкая договорно-правовая база в различных сферах, в том числе, в политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной, научно-образовательной, военно-технической и т.п. В отношениях между государствами действует около 120 основополагающих документов, регламентирующих взаимодействие в различных сферах двусторонних отношений. Наиболее важные из них – Договор о вечной дружбе и сотрудничестве от 24 октября 1997 г., Совместное заявление глав двух государств «Кыргызстан и Турция: вместе в XXI век» от 1 июля 1999 г., Соглашение о создании Совета стратегического сотрудничества на высшем уровне от 26 апреля 2011 г.

Отличительной чертой двустороннего сотрудничества между Турцией и Туркменией явилось укрепление политического диалога на различных уровнях

По приглашению Гюля президент Атамбаев нанес 11-15 января 2012 г. первый зарубежный официальный визит в Турцию после вступления в должность главы государства, в ходе которого были подписаны Совместная Декларация о новом историческом этапе отношений и План сотрудничества на 2012-2013 гг. В рамках подписанных документов, стороны согласились продолжить развитие взаимодействия в торгово-экономических отношениях. В инвестиционной области Турция содействует в основном развитию малого и среднего предпринимательства Киргизии. Преимущественно по каналам ТИКА Турция осуществила свыше 30 проектов и 324 мероприятий, посвященных различным вопросам развития рыночной инфраструктуры киргизской экономики. По данным киргизских источников, Кыргызстан занимает второе место по количеству реализованных совместно с ТИКА проектов на всем евроазиатском пространстве.

Таджикистан является единственной нетюркоязычной страной в Центральной Азии, с которой у Турции поддерживаются достаточно ровные, сбалансированные двусторонние отношения. Конструктивные взаимоотношения между Анкарой и Душанбе после 1991 г. установились благодаря позитивному воздействию политической составляющей, трезвому и разумному подходу сторон, концентрирующих особое внимание на сближении стран. Близость двух государств объясняется, во-первых,

тем, что они находятся на общем историческо-культурном пространстве; во-вторых, заинтересованы в региональной стабильности в Центральной Азии и вокруг Афганистана, а также во взаимовыгодном торгово-экономическом сотрудничестве. Вместе с тем, несмотря на все предлагавшиеся усилия, резкого рывка в развитии турецко-таджикистанских отношений до конца прошлого десятилетия так и не произошло. Очередная и на этот раз более успешная попытка в данном направлении была предпринята президентом Турции Гюлем, посетившим Таджикистан 28-30 мая 2009 г., что ознаменовало качественно новый этап двустороннего сотрудничества. В Душанбе были подписаны Совместная декларация о дальнейшем укреплении двусторонних отношений, Соглашение о взаимной отмене виз для владельцев служебных и специальных паспортов и Протокол о сотрудничестве между министерствами иностранных дел двух государств на 2009-2010 гг. Определенные перспективы имеет создание свободных экономических зон и строительство малых, средних и крупных гидроэлектростанций в Таджикистане.

Отличительной чертой двустороннего сотрудничества между Турцией и Туркменией, начиная с 1992 г., с момента установления дипломатических отношений, явилось укрепление политического диалога на различных уровнях, последовательное развитие устойчивых связей и контактов между государствами и народами. Правовую базу отношений двух государств определяют около 130 межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений, которые регулируют весь комплекс двустороннего сотрудничества в различных сферах жизни. В частности, обе страны активно взаимодействуют в области образования и культуры, торговли и энергетики, в сфере строительства и коммуникаций, в текстильной промышленности. Являясь крупнейшим внешнеторговым партнером Туркменистана, Турция экспортирует в эту страну металлы, бытовую технику, электронику, продовольствие, текстиль, строительные материалы, транспортные средства, лекарства, а импортирует в основном продукцию хлопчатобумажной и химической промышленности, сельскохозяйственные товары. Сегодня в Туркмении действуют 600 предприятий с участием турецкого капитала, которые осваивают более 1270 инвестиционных проектов, из них более 1200 проектов на сумму свыше 15 млрд долл., 26 проектов на сумму более двух млрд евро, а также 26 проектов на сумму свыше 56 млрд манатов. Особенность торгово-экономического сотрудничества состоит в том, что

Турция постепенно вышла на позиции одного из основных иностранных инвесторов Туркмении. Ныне объем турецких инвестиций превышает 24 млрд долл. Вложения Турции осуществляются в такие отрасли хозяйства, как строительная, промышленная-техническая, туристическая, а также секторы связи и информационных технологий.

Турецко-узбекские отношения во многом определяются культурно-исторической близостью двух тюркских народов. В 1991 г. Турция стала первой страной, признавшей независимость Узбекистана. Взаимосвязи между двумя странами начали формироваться со времени установления дипломатических отношений в марте 1992 г. Правовую базу отношений Турции и Узбекистана определяют около 90 межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений и протоколов, позволяющие развивать сотрудничество в различных сферах. Важное значение для развития двусторонних отношений имеет осуществление визитов государственных лиц на высшем уровне. Однако, с 1994 г. до настоящего времени Узбекистан открыто проводит курс на дистанцирование от Турции. Последний визит президента Узбекистана Ислама Каримова в Турцию состоялся в ноябре 1999 г. во время саммита ОБСЕ в Стамбуле, а президент Турции Гюль еще ни разу не прибыл в Ташкент. Последний двусторонний раунд переговоров на высоком уровне состоялся в декабре 2003 г. во время официального визита премьер-министра Турции Эрдогана в Узбекистан.

«Холодный» характер отношений между Турцией и Узбекистаном на современном этапе объясняется рядом факторов. В значительной мере это обусловлено особенностями узбекского политического сознания, присутствием в нем опасений по поводу поддержки со стороны Турции оппозиционных групп, выступающих против президента Узбекистана Каримова, и радикальных религиозных движений в стране. Однако, в действительности Турции нет смысла поддерживать экстремистские религиозные движения за рубежом, так как турецкие власти борются с ними внутри страны. Наоборот, между Турцией и Узбекистаном продолжается сотрудничество в сфере предотвращения и устранения экстремизма, терроризма и контрабанды наркотиков, которые угрожают стабильности центральноазиатского региона.

Турецкое правительство считает, что приоритетным направлением уже в ближайшем будущем станет план создания принципиально нового политического механизма, объединяющего Турцию с центральноазиат-

скими странами. Однако необходимо также принимать во внимание тот факт, что Россия и Турция являются не единственными государствами, пытающимися укрепить свои позиции в регионе. США и Китай, как крупнейшие нерегиональные державы, также имеют большие долгосрочные и стратегические интересы в центральноазиатском регионе. Центральная Азия сейчас — своеобразный «плацдарм» для продвижения различными внешнеполитическими акторами собственных интересов, а события, происходящие в бывших среднеазиатских республиках СССР, неустойчивость правления существующих режимов и высокая вероятность прихода к власти новых сил, не отвечающих интересам ни Турции, ни России, подталкивают США и Китай к более активному присутствию в регионе, в том числе, под предлогом защиты собственных интересов и международной безопасности. Также приходится признать, что государства Центральной Азии, богатые различными видами энергетического сырья, в ближайшем будущем могут диктовать свои условия проведения тех или иных проектов, а также лавировать между Россией, Турцией, США и Китаем для достижения собственных выгод. На сегодняшний день регион в целом не в состоянии демонстрировать ни экономическую, ни политическую стабильность, ввиду чего крупные международные проекты, дающие стимул для дальнейшего развития центральноазиатским государствам и странам, принимающих в них непосредственное участие, ставят под вопрос возможность осуществления многих планов на практике.

Турецко-узбекские отношения во многом определяются культурно-исторической близостью двух тюркских народов

Ситуация вокруг возможной в будущем турецкой «политической монополии» воспринимается ведущими государствами мира как вполне реальная. Так, недавние заявления турецкого премьера Реджепа Эрдогана о вероятной переориентации с ЕС на ШОС расцениваются как желание Анкары стать своеобразным мостом между Западом и Востоком. С одной стороны, подобный проект выгоден США, которые могут возложить на Турцию — члена НАТО — роль ответственного за стабильность в Афганистане. С другой стороны, Россия и Китай не допустят масштабного присутствия Турции в стратегически важном для них регионе. Турецкие СМИ, сообщая о подписании в Алматы меморандума о партнерстве

между ШОС и Турцией, приводят заявление главы МИД Турции Ахмета Давутоглу, который подчеркнул, что «у Турции и ШОС единая судьба». Отправной точкой присоединения Турции к ШОС в статусе партнера по диалогу стал состоявшийся 6-7 июня 2012 г. в Пекине саммит ШОС, в результате которого впоследствии премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган не исключил возможности полноправного членства Турции в организации сотрудничества. Обозреватель Milli gazete добавляет, что Ахмет Давутоглу расценивает подписанный меморандум как подтверждение «единой судьбы» Турции и государств-членов ШОС, так и «начало длинного пути, по которому Турция и организация пойдут рука об руку, плечом к плечу». Как ранее отмечал МИД Турции, статус партнера по диалогу в ШОС будет способствовать укреплению многовекторной внешней политики Турции, а также отслеживанию происходящих внутри организации событий и, в свою очередь, обмену взглядами с членами ШОС по вопросам, касающимся регионального сотрудничества. Однако, как представляется, Анкару ждут большие трудности в вопросе признания ее реальным полноправным членом этой организации, в первую очередь, ввиду того, что страну-участницу НАТО не смогут принять в свой круг ни страны-члены ОДКБ, ни Китай, ни другие потенциальные кандидаты в ШОС. В тоже время подобные заявления Анкары расцениваются как своеобразный «политический шантаж» в отношении Евросоюза, до сих пор не принявшего Турцию в свои ряды. Однако закономерен и вопрос, возникающий в аналитических кругах России: куда может устремить свой взгляд Турция после возможного политического успеха в Центральной Азии? Безусловно, с одной стороны, как для Москвы, так и для государств Центральной Азии, выгодно иметь сильного в политическом и экономическом отношении союзника, прежде всего, ввиду его возможного положительного влияния на мусульманское население региона. С другой стороны, усиление Анкары ставит под вопрос возможность распространения влияния и укрепления позиций других заинтересованных государств как самого региона, так и к нему напрямую не относящихся.

Сегодня вновь можно говорить о возобновившейся «большой игре» в Центральноу Азии

Сегодня, ввиду вышеуказанных обстоятельств и нахождения Партии Справедливости и Развития у «руля» государства, бытует мнение, что

та концепция новой политики Анкары, которая находит одобрение у подавляющего большинства населения страны и политической элиты, будет усовершенствована и сможет приносить еще большие плоды успеха на постсоветском пространстве. Учитывая амбиции Турции и России, а также общую геополитическую обстановку и принимая во внимание наличие в Центральной Азии внерегиональных держав, всеми силами пытающихся укрепиться там, существует возможность возникновения партнерства в проводимых политико-экономических курсах Москвы и Анкары. При условии обостряющегося соперничества за газовые и нефтяные месторождения в регионе, а также при наличии активных действий со стороны США и Китая, еще большее сближение России и Турции не исключено, однако, в этом случае Анкаре придется выборочно подходить к решению поставленных задач, в первую очередь, ввиду тесных взаимоотношений Турции с Вашингтоном. Приходится также признать, что так называемая идея «блоковой политики», по мнению Анкары, ушедшая в прошлое и не имеющая реальных перспектив в будущем, все еще сохраняется на постсоветском пространстве. Турция, стремящаяся сегодня продемонстрировать новое видение мировой политики, находится в затруднительном положении ввиду того, что большинство стран региона довольно осторожно, а зачастую и неохотно воспринимают предпринимаемые Анкарой шаги. Так, между узбекскими и турецкими властями существуют проблемы политического доверия. Обладая крупнейшими в регионе запасами природного газа, Туркмения придерживается политики «нейтралитета».

Сегодня вновь можно говорить о возобновившейся «большой ирге», которая охватывает внушительный по территории и значимости регион — Центральную Азию. Турецкая сторона, в свою очередь, продолжает настаивать на том, что проводимый ею новый курс внешней политики направлен исключительно на сближение государств региона, а никак не на противостояние и соперничество за влияние и, в том числе, доступ к энергоресурсам. Необходимо заметить, что заявления Турции отнюдь не голословны, Анкара подкрепляет свою новую политику конкретными и зачастую волевыми шагами, в первую очередь, в социально-экономической и гуманитарной сферах. При этом остается открытым вопрос, хватит ли у Анкары сегодня политической воли «перестроить» страны Центральной Азии и убедить их «открыть двери» новому, хотя и традиционному с исторической точки зрения, партнеру. МП

Актуальность исследования процессов принятия политических решений в современной России

М. Ковальска

В современных условиях модели и процедуры принятия политических решений (как на международном, так и на внутриполитическом уровнях) приобретают ключевое значение для развития страны и определения ее места в мировой политике. Именно поэтому изучение процессов принятия политических решений в современной России становится актуальной задачей [3, с.100-104].

В ходе исследования процессов принятия политических решений в современной России можно прийти к выводу, что наиболее важным для изучения этих процессов является научный анализ функционирования института президентской власти и взаимодействия его в части, касающейся выработки политических решений, с другими ветвями власти — законодательной и судебной.

В целом, актуальность исследования процессов принятия политических решений в современной России (на примере института президентской власти) определяется такими факторами и обстоятельствами, как:

- Закрытый характер процесса принятия политических решений. Выражается это в том, что политическая конкуренция между основными акторами законодательного процесса нередко становится имитацией, в то время как принципиальные решения принимаются за закрытыми дверями, т.е. этот процесс носит непубличный, закрытый характер [4, с.195][5, с.1];
- Общая социально-политическая ситуация в России, которая привела нынешнего Президента Российской Федерации В.В. Путина к выводу,

М. Ковальска Аспирант кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

что «ближайшие годы будут решающими, и может быть, даже переломными, не только для России, а практически для всего мира, который вступает в эпоху кардинальных перемен» [6]. Эти перемены нужны России, поэтому В.В. Путин сформировал в своем послании новые принципы и определил ориентиры для принятия политических решений в стране;

• Определение места России на международной арене. Россия сегодня стремится стать частью формирующегося многополярного мира и играть в ней роль одного из основных полюсов. Однако в российских кругах все чаще высказывается мнение, что при сложившемся балансе сил «Российская Федерация не может получить места в центре. Ее реальный выбор: или стать частью периферии, или выработать собственный проект (...).» [1, с.188] Об этом и говорит Президент В.В. Путин в своем последним Послании Федеральному Собранию, когда сообщает о том, что «в XXI веке вектор развития России – это развитие на восток» [6];

• Специфика российского общества и особенности политического сознания современной российской элиты, ее политической культуры, моделей государственного управления, испытывающих влияние политического наследия советского периода [2, с.182-183][4, с.188];

• Специфика российского научного опыта. Современные исследователи теории принятия политических решений уделяют значительное внимание различным аспектом процесса их выработки. Однако,несмотря на определенный интерес к данной проблеме, в настоящее время в российской научной литературе все еще ощущается дефицит специальных исследований, во всей полноте описывающих процесс выработки политических решений, как во внутренней, так и во внешней политике страны. МП

Литература

1 Яшкова Т.А. Политическая модернизация России в условиях глобальных трансформационных вызовов. М., 2007.

2. Буренко В.И. О невозможности политической модернизации в связи с особенностиямиправяющегоклассо современной России // Модернизация России: информационный, экономический, политический, социокультурный аспекты. М., 2012. С. 180-184.

3. Кочетков В.В. Социология международных отношений: теоретические подходы и практические решения // Вестник Моск. ун-та, Сер. 18. Социология и политология. 2008. No. 3. С. 100-113.

4. Сосунов Д.В. Социокультурные особенности процесса принятия политических решений в современной России // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и международная комуникация. 2008. No. 2. С. 188-196.

5. Сосунов Д.В. Процесс принятия политических решений в современной России: федеральный и региональный уровень. Автореф. дисс. ... канд. полит.наук. Воронеж, 2008.

6. Послание Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. http://www.kremlin.ru/transcripts/17118

Университеты как субъекты публичной дипломатии

О.В. Столетов
И.А. Чихарев

1. ПОНЯТИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Понятие публичной дипломатии («public diplomacy») впервые его сформулировал декан Флетчеровской Школы права и дипломатии при Университете Тафта Эдмунд Галлион в 1965 году. Согласно ставшему классическим определению Галлиона, публичная дипломатия включает в себя «программы, финансируемые правительством, направленные на информирование и оказание воздействия на общественное мнение в других странах»[1].

Исследователи отмечают, что в 1990-е годы интерес к исследованию публичной дипломатии как инструменту международно-политического влияния значительно снизился.

Подъем в исследованиях публичной дипломатии начался после теракта 11 сентября 2001 года. При университетах начали создаваться исследовательские центры публичной дипломатии[2]. Соединенные Штаты позиционировали публичную дипломатию как важнейший инструмент объяснения мусульманам всего мира целей войны против международного терроризма[3]. Впоследствии исследователи стали рассматривать публичную дипломатию в значительно более широком контексте. Сегодня публичная дипломатия является одним из наиболее изучаемых феноменов в мировой политике.

О.В. Столетов кандидат политических наук, младший научный сотрудник кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
И.А. Чихарев кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

1.1. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ»

В рамках данной статьи мы планируем рассмотреть основные подходы к публично-дипломатической деятельности, сформулировать обобщенное понимание публичной дипломатии, а затем более подробно изучить ту сферу публичной дипломатии, которая реализуется университетами.

В исследовательской литературе встречаются концептуальные различия в определении термина «публичная дипломатия». В рамках одного из подходов под публичной дипломатией понимается некий внешний PR («external public relations activities»). Данный внешний PR, продвигающий определенные бренды, может быть ориентирован на региональную либо глобальную международную аудиторию[4]. При этом объектом воздействия публичной дипломатии преимущественно являются не органы государственной власти, а структуры гражданского общества[5]. Другие авторы ассоциируют публичную дипломатию исключительно с пропагандой. Известный американский исследователь публичной дипломатии Дж. Най говорит о том, что публичная дипломатия, в отличие от пиар-кампаний, ориентирована на выстраивание долгосрочных отношений с субъектами гражданского общества государства-контрагента[6]. Дж. Най в рамках своих исследований выделял три измерения публичной дипломатии. К публичной дипломатии университетов наиболее близким является третье, в рамках которого происходит реализация стипендиальных, обменных, образовательных программ, проводятся конференции и семинары. Следует отметить, что сегодня в политологической литературе публичную дипломатию зачастую рассматривают именно как инструмент в рамках стратегии «мягкой силы».

Мы в рамках данной статьи исходим из того, что публичная дипломатия может быть направлена не только на негосударственных субъектов, но также и государственные институты зарубежных стран. Такое влияние может быть как косвенным, так и прямым. Специфика такого понимания публичной дипломатии обусловлена тем, что сегодня происходит усложнение публично-дипломатической деятельности.

Один аспект этого усложнения связан с появлением так называемой «новой публичной дипломатии». Новая публичная дипломатия предполагает двустороннюю коммуникацию с зарубежной аудиторией. Важное место занимает вовлечение зарубежных акторов во взаимодействие с со-

бой[7]. При этом активно используются самые современные информационно-коммуникативные средства[8]. Таким образом, современная публичная дипломатия может реализовываться как в реальном, так и в виртуальном пространстве.

Еще один аспект усложнения публичной дипломатии связан с ее интеллектуализацией. Публичная дипломатия рассматривается нами как более широкое понятие, по сравнению с такими понятиями как «культурная дипломатия», «общественная дипломатия». Публичная дипломатия может концентрироваться не только на продвижении национального языка и культуры, национальных жизненных стандартов, но также на продвижении научных концепций, алгоритмов мышления. Учитывая этот феномен, мы обращаем внимание на то, что, трансформируясь, публичная дипломатия постепенно превращается из инструмента стратегии «мягкой силы» в инструмент стратегии «разумной силы».

Публичная дипломатия имеет, как ни парадоксально, и теневую составляющую. В данном случае речь может идти о скрытой поддержке тех или иных некоммерческих организаций, политических партий, иных общественно-политических организаций и групп интересов. Данное измерение публичной дипломатии не является предметом нашей статьи, тем не менее, инструмент публичной дипломатии может быть задействован в различных мирополитических стратегиях, в том числе и в стратегиях, ориентированных на манипулирование международными политическими процессами.

1.2. АКТОРЫ «ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ»

Существуют различные подходы к определению акторов публичной дипломатии. Иногда публичную дипломатию определяют как коммуникацию определенного государства с зарубежной аудиторией другого государства. В данном случае актором публичной дипломатии выступает непосредственно государства, а составные элементы государства (государственные агентства, неправительственные организации, университеты и т.п.) рассматриваются лишь как проводники публично-дипломатической деятельности. В рамках данного подхода университеты в системе стратегии «мягкой силы» будут рассматриваться как ресурс этой стратегии. Соответственно реализуемые вузами конкретные направления работы в рамках публичной дипломатии будут рассматри-

ваться как некие субинструменты (инструменты второго уровня). Другой подход говорит о том, что в условиях современных глобализационных процессов в число субъектов публичной дипломатии, наряду с собственно государствами, могут быть включены и иные негосударственные акторы. При этом эти негосударственные акторы, хотя и действуют самостоятельно, призваны оказывать поддержку своим государствам. Действуя в интересах своих государств, негосударственные акторы участвуют в реализации стратегии «мягкой силы». В том случае, если эти негосударственные акторы действуют вопреки интересам своих государств, они тем самым выпадают из стратегии «мягкой силы».

В современных условиях нам представляется более адекватным подход, который придерживается широкой трактовки понятия «актор публичной дипломатии». В современной мировой политике, наряду с государствами, в качестве субъектов публичной дипломатии могут выступать неправительственные организации, университеты, иные негосударственные акторы[9]. В рамках данного подхода университеты рассматриваются нами в качестве самостоятельных участников мирополитических процессов, которые оказывают значительную поддержку своим государствам в реализации публичной дипломатии. Осуществляя публичную дипломатию на мирополитическом уровне, университеты, конечно, действуют не полностью автономно от государственных структур. Однако, государственные структуры оказывают здесь преимущественно координирующие функции. Непосредственная содержательная составляющая публично-дипломатической деятельности остается за университетами.

1.3. ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

Публичная дипломатия университетов ориентирована одновременного на следующие целевые аудитории: абитуриенты и студенты зарубежных стран, профессорско-преподавательский состав иностранных государств, представителей политической и экономической зарубежной элиты, журналисты, представители СМИ, заинтересованная общественность[10].

Публичная дипломатия высших учебных заведений, по нашему мнению, имеет свою специфику. Данная специфика проявляется, в частности, в том, что возможности университетов выходят за пределы собственно стратегии «мягкой силы». Вузы имеют возможность

использовать свой потенциал для реализации стратегии «разумной силы». Университеты достаточно эффективны как субъекты новой публичной дипломатии, так как способны к участию в конструктивной научной дискуссии.

Университеты находятся на стыке фундаментальных и прикладных исследований

Публичная дипломатия университетов не только позволяет наращивать их государствам международно-политическое влияние, но также способствует совершенствованию самих университетов, превращению их во все более влиятельных акторов. Например, активизация профессорско-преподавательской мобильности стимулирует университеты к совершенствованию и разработке новых образовательных программ, совершенствованию и разработке новых учебных курсов. Выступление ученых перед разными аудиториями способствует повышению профессионализма сотрудников университетов.

Развитию потенциала публичной дипломатии университетов способствует интернационализация. Благодаря указанной тенденции происходит возрастание самостоятельности университетов в развивающих странах, возникают новые университеты на базе международных организаций (университет ШОС). Возрастанию роли университетов способствует также переход значительной части международного сообщества к формированию системы непрерывного образования.

Повышению значения университетов в международной конкуренции в сфере публичной дипломатии способствует то, что университеты находятся вне жестких идеологических ориентаций. Если, например, межпартийные международные структуры, международные НПО ограничены определенным идеологическим вектором, университеты такого идеологического ограничителя не имеют.

Технологические сдвиги, произошедшие в мире в последние 20 лет, значительно усовершенствовали возможности вузов по осуществлению публичной дипломатии.

Университеты находятся на стыке фундаментальных и прикладных исследований. Это делает университеты ключевым связующим субъектом, который не просто существует в мирополитическом коммуникативном пространстве, но находится в центре международных коммуни-

каций в сфере образовательного, научного, интеллектуального и инновационного развития. Обеспечивая функционирование системы взаимосвязей между национальным и международным научным сектором, а также национальным и международным бизнесом, университета играет ключевую роль участвующего в процессе коммуникации модератора.

Университеты способны осуществлять публичную дипломатию, как в глобальном, так и региональном измерении. Нам в данной статье будет более важно рассмотрение возможностей осуществления университетской публичной дипломатии в глобальном масштабе.

2. ИНСТРУМЕНТЫ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ УНИВЕРСИТЕТОВ

К основным ресурсам публичной дипломатии университетов представляется возможным отнести образовательные ресурсы, дискурсивные ресурсы, конференц-ресурсы, представительские возможности университета, медиа-ресурсы, веб-технологии, контент университетских библиотек.

2.1. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И СОЦИАЛИЗАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Международно-политическое значение образовательных ресурсов университетов проявляется в том, что именно университеты в рамках своей образовательной и научной деятельности принимают наиболее активное участие в подготовке мировой экономической и политической элиты. Потенциал тех или иных университетов в сфере данной деятельности могут измеряться посредством выявления количества иностранных студентов, обучающихся в данном университете.

Первая составляющая деятельности университетов в рамках подготовки зарубежной элиты связана собственно с тем образованием, которое эти студенты получают в вузе.

Вторая составляющая связана с тем, что университеты, являясь центрами социализации, позволяют одному и тому же человеку выполнять на отдельных жизненных этапах различные функции: абитуриент, студент, аспирант, преподаватель, ученый, руководитель. Подобная смена ролей обусловливает то, что, выходя из университета, выпускник оказывается подготовлен к тому, чтобы выступать в самых различных ролях и выполнять самые различные функции.

Еще один аспект участия университетов в формировании международной элиты связан с тем, что ведущие вузы мира привлекают, как правило, наиболее амбициозных молодых людей, готовых творчески использовать полученные ими знания в прикладной сфере[11]. В этом смысле функция социального отбора, которую выполняют университеты, чрезвычайно важна.

Вузы являются центрами подготовки кадров не только для иностранных государств, но также кадров для других неправительственных акторов, играющих активную роль в реализации публичной дипломатии. Это могут быть международные НПО, СМИ, осуществляющие международное телевещание.

Конкуренция университетов за образовательные ресурсы наиболее остро проявляется на уровне регионального образовательного пространства. Де факто можно говорить о нескольких концентрических кругах университетского охвата зарубежной аудитории.

Сегодня университеты не только готовят кадры для международной политической и экономической элиты, но также непосредственно делегируют своих студентов на международные мероприятия. Например, «Молодежная «Большая восьмерка» формируется из представителей восьми ведущих университетов каждой страны, входящей в G-8. Необходимо заметить, что саму идея такого представительства была сформулирована Россией и реализована во время первого молодежного саммита «Большой восьмерки», который проходил в 2006 году.

Элитообразующая функция университетов, по нашему мнению, проявляется в том, что университеты достаточно часто создают определенные форматы внутривузовской кооперации учащихся. Это могут быть советы молодых ученых, студенческие организации («братства», «сестричества», студенческие корпорации, студенческие союзы). Кроме того, все больше вузов сегодня создают ассоциации выпускников. В результате даже после окончания университетов многие их выпускники не утрачивают связей с людьми, которые учились вместе с ними.

Сегодня университеты многих динамично развивающихся стран стремятся расширить свои возможности по привлечению иностранных студентов. Это является основным объяснением того, что университеты все большего количества стран переходят на Болонскую систему. Университеты в данном случае стремятся повысить международную конкурентоспособность своих дипломов.

Важным инструментом публичной дипломатии университетов при подготовке международной элиты является открытие своих филиалов и кампусов в иностранных государствах.

Следует отметить, что университеты осуществляют подготовку международной элиты в самых различных отраслях: политике, экономике, технике, спорте. Сегодня значительное внимание уделяется подготовке гуманитарной элиты, которая играет ключевую роль в воздействии на общественное мнение в различных странах.

В целях привлечения иностранных абитуриентов вузы развивают механизм олимпиад, в частности, дистанционных олимпиад.

Вузы способны выступать мощными центрами репатриации. Наибольшую важность эта способность университетов имеет для развивающихся стран. В данном случае университет выступает субъектом публичной дипломатии по отношению к собственным гражданам, представителям академической среды, оказавшимся за рубежом.

Университеты сегодня также могут выступать центрами переподготовки и повышения квалификации для представителей политической и экономической элиты зарубежных стран. Наряду с этим, повышение квалификации в университетах могут проходить представители политической оппозиции, представляющие те или иные государства.

Сегодня возрастает роль университетов как центров политического образования. Не случайно министр культуры России Владимир Мединский обращает внимание на необходимость увеличения квот приема иностранных студентов в университеты, дающие политологическую подготовку[12]. Ориентация на людей, целенаправленно стремящихся связать свою жизнь с политикой, позволит достичь желаемых результатов наиболее оптимальным образом.

2.2. МЕДИА И ВЕБ ИНСТРУМЕНТЫ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Сегодня вузы стремятся продвигать не только свой университетский бренд, но также бренд своих образовательных программ. Передовые образовательные программы сегодня являются важнейшим инструментом подготовки наиболее востребованных на мировом рынке трудоустройства специалистов. Позиционируя в конкурентном образовательном пространстве образовательные программы, университеты все больше начинают использовать технологии брендинга.

В рамках деятельности по продвижению в мире своих образовательных программ университеты проводят специальные презентации. Также вузы, наряду со средствами масс-медиа, активно используют технологии 2.0: Twitter, Youtube, Facebook и т.д. Цифровые технологии все более привлекаются университетами к диалогу с зарубежной аудиторией. Использование такого рода технологий позволяет также приглашенным профессорам и преподавателям по окончании своих лекционных и лекционно-семинарских курсов за рубежом, поддерживает научное взаимодействие, как формальное, так и неформальное, со студентами и аспирантами иностранных государств.

Развитие интернета привело к тому, что возможности университетского сообщества презентовать свою позицию увеличились

Потенциал медиа-ресурсов публичной дипломатии университетов может быть оценен при помощи специальных вебометрических методик. Вебометрические исследования сегодня проводятся, например, в рамках проекта «Webometrics Ranking of World Universities» испанской исследовательской группой Cybermetrics Lab. Лаборатория входит в группу Центра информации и документации Национального Исследовательского Совета Испании[13]. Вебометрика позволяет оценить новые возможности университетов для представления результатов образовательной и научной деятельности по сравнению с традиционными бумажными носителями.

Веб-технологии сегодня могут быть использованы в публично-дипломатической деятельности университетов в самых различных ракурсах. Во-первых, речь может идти об организации посредством интернета неформальных научных коммуникаций ученых, работающих в какой-то определенной области. Во-вторых, университет, размещая определенную информацию на веб-сайте, экономит значительные средства, однако, при этом расширяет возможности ознакомления с его работой для внешней аудитории. Например, известные университеты западных стран дают возможность получить доступ к аудио-лекциям своих преподавателей за незначительные деньги[14]. Наряду с аудио-лекциями университеты могут предоставлять пользователям интернета доступ к видеозаписям дискуссий, выступлений, конференций. Сегодня очень часто вузы

предоставляют доступ свободных интернет-доступ к отдельным имеющимся в их распоряжении планам курсов, конспектам лекций, домашним заданиям, экзаменационным вопросам и т.д. Некоторые университеты, стремясь снизить языковую проблему, создают технические возможности для ознакомления с материалами своих сайтов на нескольких языках[15].

Значение также имеет информация, характеризующая научно-исследовательский и образовательный процесс в вузах, которая расположена на сайтах вузов. Это может быть как общая информация, так и информация, касающаяся результатов конкретных вузовских исследований. На сайты вузов сегодня все больше ссылаются[16].

Современные университеты стремятся развивать собственные медиаресурсы. Например, многие вузы формируют университетское телевидение. Технология создания университетского телевидения не является новой, однако, сегодня в условиях развития интернета, она приобретает принципиально новые возможности. Представляется возможным говорить о становлении университетского интернет-телевидения. Сегодня вузы, обладающие эффективно работающим университетским телевидением, получают премии на международных конкурсах[17].

Роботизированные технологии активно используются университетами для технологической модернизации собственных библиотек. Университеты создают «умные библиотеки». Такого рода библиотеки оснащены специальными устройствами, адаптирующие эти библиотеки для иностранцев.

Развитие интернета, следствием которого стало появление интернет-версий общественно-политических журналов, привело к тому, что возможности университетского сообщества презентовать свою позицию увеличились. Представители академического сообщества имеют возможность публиковаться в таких изданиях. При этом возможности глобальной сети позволяют иностранной интернет-аудитории осуществлять синхронный перевод.

Такие технические устройства как компьютеры, ридеры создают новые возможности для продвижения университетами своей интеллектуальной продукции во вне.

Развитая транснациональная сеть книжных интернет-продаж также позволяет университетам достаточно эффективно продвигать научные разработки своих профессоров.

2.3. ДИСКУРСИВНЫЕ РЕСУРСЫ УНИВЕРСИТЕТОВ

Дискурсивные ресурсы публичной дипломатии университетов связаны преимущественно с публикационной активностью университетов и уровнем цитируемости публикаций исследователей, принадлежащих к соответствующим университетам. В данном случае речь идет о том, что вузы за счет своих публикаций оказываются способны осуществлять воздействие на коллективную мысль научного сообщества, а также иных иностранных акторов в глобальном масштабе[18]. Университеты в современном мире наиболее активно коммуницируют с зарубежными субъектами мировой политики именно посредством своих публикаций. Нам представляется, что, говоря о дискурсивном влиянии, не следует ограничиваться исключительно гуманитарными исследованиями. В современной мировой науке, развивающейся по пути междисциплинарности, характерна ситуация при которой разработки в сфере естественных и технических наук начинают указывать влияние на гуманитарное знание и, наоборот.

Показателями, которые позволяют говорить о высоком уровне интеллектуально-дискурсивного влияния университетов, являются данные мировых рейтингов. Первый в мире рейтинг университетов был представлены американским журналом News&World Report в 1983 году[19].

Показателями, которые позволяют говорить о высоком уровне интеллектуально-дискурсивного влияния университетов, являются данные мировых рейтингов. Сегодня существует несколько наиболее авторитетных мировых рейтингов вузов. В их числе следует назвать: британский рейтинг Times Higher Education[20], американский рейтинг US News and World Report[21], французский рейтинг Professional Ranking of World Universities, академический рейтинг университетов мира Шанхайского университета Цзяо Тун (ARWU)[22], Тайваньский рейтинг.

Следует отметить, что обозначенные выше рейтинги не являются равнозначными с точки зрения методологии ранжирования вузов. Шанхайский рейтинг университетов проводит сравнительную оценку непосредственно научно-исследовательской деятельности вузов, а не их образовательных услуг. Тайваньский рейтинг проводит ранжирование университетов по осуществляемым ими конкретным исследованиям. Всемирный рейтинг Times Higher Education измеряет позиции университетов по 13 индикаторам. Индикаторы объединены в 5 групп: препо-

давание (образовательная среда), исследование (объемы, доход, репутация), цитирование (влияние исследований), отраслевой доход (инновации), международное взаимодействие (сотрудники и студенты)[23].

Уровень цитируемости исследователей является важнейшим показателем, определяющим место университета в глобальном конкурентном пространстве вузов. Например, в упомянутом выше в британском рейтинге QS-THES данный показатель в совокупности определяет 20% позиции в общем рейтинге вузов[24].

Публикуемость в высокорецензируемых журналах становится важным критерием для оценки качества работы ученого руководством университета

Академические журналы служат информационной базой для определения научного уровня, статуса и рейтинга не только конкретного ученого, но также и университета. Оценить дискурсивную значимость того или иного академического журнала позволяют библиометрические данные о публикуемости и цитируемости исследований[25]. Университеты, в свою очередь, стремятся учитывать публикационную активность своих сотрудников. Тем самым, осуществляя контроль научной деятельности сотрудников, университеты стимулируют серьезное отношение своего профессорско-преподавательского состава к своей публикационной деятельности.

Публикуемость в высокорецензируемых журналах, таким образом, становится важным критерием для оценки качества работы ученого руководством университета. Университет может принимать решения о дополнительном материальном стимулировании, в частности, премировании таких сотрудников[26]. При этом университеты стремятся со своей стороны поддерживать продвижение научных работ своего профессорско-преподавательского состава в международное пространство академических журналов.

В этой связи университеты сегодня стремятся создавать собственные журналы и активнейшим образом продвигать их в мировое научное пространство. Это проявляется в том, что журналы продвигаются в зарубежные базы, оценки цитирования журналов. Ключевыми базами такого рода сегодня являются Web of Science, Scopus.

Сегодня существуют рейтинги академических журналов определенной специализации. Например, одним из популярных рейтингов эконо-

мических журналов является британский ABS-рейтинг (ABSR), составляемый Ассоциацией бизнес-школ Соединенного Королевства[27].

Университеты активно создают также собственные научные книжные издательства. Это позволяет вузам повышать собственный международный престиж не только за счет собственно научно-образовательной деятельности, но также за счет качества тех публикаций, которые отбираются вузами для своих собственных издательств. Сегодня в мире хорошо известны научные журналы издательства Cambridge University Press, Oxford University Press, Harvard University Press, Yale University Press и т.д.[28].

Наиболее высокие строчки в международных рейтингах занимают крупные, многопрофильные университеты

Помимо собственно повышения статуса национальных научных журналов, университеты стремятся к созданию международных научных журналов с участием университета и ведущих зарубежных издательств[29].

В целях повышения рейтинга цитируемости профессорско-преподавательского состава университеты могут инициировать программы повышения квалификации для своих преподавателей и научных сотрудников[30]. Кроме того, университеты могут заключать специальные соглашения о принципах взаимодействия в области оценки вузов с ключевыми организациями, осуществляющими подготовку международных рейтингов вузов[31]. В рамках такого рода взаимодействия вузы могут предлагать свои рекомендации по совершенствованию методологии составления международных рейтингов.

Продвижению научных журналов национальных вузов способствует создание университетами различного рода межуниверситетских научных ассоциаций. Такого рода университетские ассоциации могут различаться в зависимости от профиля своих исследований. Например, при создании Ассоциации культурных исследований одну из ключевых ролей сыграл Питтсбургский университет[32].

Повышению цитируемости университетов может служить создание лабораторий, возглавляемых ведущими учеными в соответствующих областях.

В современных исследованиях научно-публикационной активности университетов учитывается также такой показатель как индекс опера-

тивности (immediacy index). Данный индекс показывает, насколько быстро становятся известны в научном мире статьи, опубликованные в журнале.

Еще одним критерием эффективности научной работы вуза является наличие и количество выпускников и сотрудников вуза, награжденных наиболее значимыми в научном мире наградами: Нобелевской премией, медалью Филдса[33]. Например, этот критерий используется в рейтинге ARWU шанхайского университета Цзяо Тун[34].

В целях реализации своего брендового влияния университеты открывают новые кафедры, новые учебно-научные направления, создают лаборатории, занимающиеся прикладными исследованиями[35], патентуют собственные изобретения. Вузы создают инструменты привлечения в эти лаборатории талантливых исследователей из-за рубежа. В некоторых государствах научные лаборатории при вузах получают статус общегосударственного значения.

Университеты сегодня зачастую стремятся стать конкурентоспособными не в какой-то одной сфере образования, а в неком круге ключевых образовательных сфер. В этом плане показательно, что наиболее высокие строчки в международных рейтингах зачастую занимают именно крупные, многопрофильные университеты. Основная сложность для университетов в данном случае заключается в том, чтобы при увеличении количества своих образовательных подразделений, сохранить высокий уровень управляемости, минимизировать внутривузовские бюрократические издержки.

В целом, рассмотрение последних результатов университетских рейтингов позволяет сделать вывод, что происходит постепенное возвышение университетов развивающихся государств. Например, в рейтинге Times Higher Education-2013 в топ пятидесяти университетов, обладающих наиболее мощным потенциалом в сфере социальных наук, входят сразу три китайских вуза: университет Гонконга (30 место), Пекинский университет (41 место), а также Гонконгский университет науки и технологии (50 место)[36].

МГУ имени М.В. Ломоносова в 2013 году занял 50-е место среди 100 ведущих мировых вузов по рейтингу Times Higher Education. При этом в 2012 году ни один российских вузов в первую сотню данного рейтинга не попал. В свою очередь, в Шанхайском рейтинге-2013 МГУ оказывается только на 80-й позиции[37]. Если, например, Times Higher

Education-2013 ранжировать университеты по критерию «количество цитат на одного преподавателя», то МГУ не окажется в числе первых пятидесяти вузов[38].

В 2012 и 2013 годах ни один из университетов Латинской Америки в первую сотню Times Higher Education не попал[39]. Присутствие Азии в глобальном рейтинге Times Higher Education более не значительно. Например, помимо КНР, в рейтинге Times Higher Education-2013 присутствуют Токийский университет (9 место), Национальный университет Сингапура (22 место), Киотский университет (23 место), Сеульский национальный университет (41 место). Сильные позиции университеты КНР и Сингапура занимают также в рейтинге US News and World Report: Пекинский университет (44 место), Наньянский технологический университет (47 место), Университет Цинхуа (48 место).

В целом существующие международные университетские рейтинги показывают сохраняющееся значительное доминирование университетов США. Это касается как собственно американских рейтингов, так и, например, китайских рейтингов.

Нам представляется, что значение университетских рейтингов при оценке международного дискурсивного влияния вузов не следует абсолютизировать, однако, учитывать их необходимо.

В международно-политическом аспекте дискурсивное влияние университетов, таким образом, проявляется в том, что определенные международно-политические концепции за счет высоких рейтингов цитируемости их авторов распространяются в глобальном масштабе. В числе западных разработок такого охвата следует назвать концепцию глобализации, концепцию демократического мира, концепцию столкновения цивилизаций, концепцию «мягкой силы», концепцию человеческой безопасности и т.д. Российские разработки такого плана в настоящее время не получают в полной мере глобального распространения. При этом у российских международно-политических концепций имеется значительный потенциал дискурсивного влияния. Это можно отнести к концепции «реального суверенитета» А.А. Кокошина, концепции неделимости безопасности.

Следует отметить, что, говоря о дискурсивном влиянии университетов на мировые политические процессы, мы подразумеваем, что такого рода влияние может осуществляться не только в результате формули-

рования каких-либо международно-политических концепций, но также в результате комплексных междисциплинарных исследований, которые способны осуществлять вузы. Такого рода исследования также оказывают воздействие на специфику международных взаимодействий, так как оказывают значительное влияние на сознание лиц, принимающих решения.

В современных университетах, наряду с мирополитическими концепциями, рождаются социокультурные и философские концепции.

При этом необходимо учитывать, что университеты одних стран обладают большими возможностями по осуществлению дискурсивного влияния, по сравнению с другими вузами. Именитость профессоров вытекает не только из их публикационной активности, но также и из их послужного списка. Например, работы профессоров-международников, которые, наряду с работой в университете, в течение своей жизни активно занимались практической политикой в тех или иных государственных либо негосударственных структурах, вызывают больший интерес, нежели работы профессоров, которые всю жизнь проработали в университете. В данном случае можно отметить, что собственно интеллектуальный вклад новой идеи и факт международной известности того иного профессора ведущего вуза определенным образом переплетаются, но в конечном счете отражаются на эффективности публично-дипломатической деятельности университетов.

Реализуя дискурсивное влияние, университеты способны выступать центрами защиты от внешнего интеллектуально-управленческого воздействия, а также центрами разработки национальных и глобальных проектов развития. Говоря о защите от внешнего интеллектуально-управленческого воздействия, мы имеем в виду, например, то, что университеты, осуществляя рефлексию зарубежных международно-политических концепций, способны вскрывать недостатки, какие-либо «подводные камни» таких концепций.

2.4. УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ПЛОЩАДКИ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Конференц-ресурсы публичной дипломатии реализуются посредством проведения в университетах международных конгрессов, конференций, круглых столов, мастер-классов, выставок, лекций крупных зарубежных ученых.

В рамках университетских конференций могут обсуждаться как сугубо теоретические вопросы, так и актуальные проблемы сегодняшнего дня. Говоря об участии университетов в проведении значимых международных выставок, которые привлекают большое количество не только ученых, но и экспертов, журналистов, представителей власти отдельных государств и международных организаций, представляется возможным привести следующие примеры: Пекинская международная выставка образовательных услуг[40], конференция-выставка лидеров высшего образования, проводимая международным рейтинговым агентством QS[41] и т.д. Университеты не только проводят различного рода конференционные и иные обозначенные выше мероприятия на своей территории, но и сами принимают активное участие в аналогичных мероприятиях, проводимых другими университетами. Главным образом выставки, в которых принимают участие университеты, посвящены образованию.

Университеты сегодня становятся ключевыми площадками для выступлений политических лидеров — зарубежных глав государств и глав правительств. Сами эти визиты совершаются в определенные университеты и, как правило, носят символический характер. Например, в 2009 году тогдашний президент России Д.А. Медведев посетил Питтсбургский университет, а в 2010 году — Стэнфордский. Выбор площадки, как нам представляется, в значительной степени был обусловлен модернизационной повесткой дня, характерной для России. Питтсбургский университет знаменит своими достижениями в сфере медицины. Предоставляя свои площадки для выступлений российского президента, указанные университеты продемонстрировали свой ответ на российские внешнеполитические инициативы.

В целом следует отметить, что университеты, предоставляя возможность зарубежным лидерам выступить на своих площадках, де факто взаимодействуют с ними не как с официальными лидерами, но как с субъектами публичной дипломатии. Следует заметить, что, как правило, такого рода встречи президентов с зарубежной студенческой аудиторией носят неформальный характер и отличаются от официальных пресс-конференций, проходящих по итогам традиционных международных переговоров.

Представительские возможности университетов могут быть реализованы в формате участия вузов в международных межвузовских организациях. Университеты также могут развивать взаимодействие с за-

рубежными торговыми корпорациями, например, в рамках создания совместных технопарков. Зарубежные компании могут обращаться к университетам с целью заказа выполнения научных исследований либо проведения НИОКР. Вузы и иностранные корпорации могут создавать совместные лаборатории[42].

Обучая иностранных студентов, а также принимая иностранных профессоров, университеты осуществляют их знакомство с цивилизационными (историко-культурными, ценностными) особенностями принимающей страны. Важнейшая функция университетов проявляется в том, что осуществляя преподавание на национальном языке своей страны, они тем самым способствуют продвижению этого языка вовне.

Благодаря взаимодействию университетов в пространстве международных научных мероприятий у представителей академического сообщества различных университетов завязываются личные отношения. Такого рода отношения в дальнейшем становятся основой для заключения межвузовских и межфакультетских соглашений.

2.5. УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ЦЕНТРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ КООПЕРАЦИИ

Университеты способны привлекать вузы других стран к совместным исследовательским проектам, которые концептуально и содержательно осуществляются в интересах собственных государств. В качестве примера представляется возможным привести исследования идентичности поморов Северным Арктическим Федеральным университетом при активном участии университетов Норвегии. Аналогичные исследования могут происходить также применительно к изучению иных региональных идентичностей.

Неправительственные организации заинтересованы в выстраивании конструктивных отношений с университетами зарубежных государств. Это, в частности, относится к неправительственным организациям, ориентированным на продвижение культуры определенного государства вовне. Например, Институты Конфуция, являющиеся культурно-образовательными центрами, преимущественно создаются при университетах иностранных государств[43].

Университеты нескольких стран, расположенные в приграничных регионах, способны в рамках совместной научной кооперации активно участвовать в межгосударственной интеграции.

2.6. УЧАСТИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ В ВЫРАБОТКЕ МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Университеты способны разрабатывать экономические стратегии международного взаимодействия для своих государств. Кроме того, ведущие вузы обладают необходимым научным и технологическим инструментарием для проведения исследований прогностической направленности. Это могут быть сценарные разработки, форсайт-проекты и т.п.

Университеты не только оказывают интеллектуальную поддержку в разработке мирополитических стратегий, но и научным образом осмысляют, рефлексируют текущую внешнюю политику государства. В результате государственные структуры получают возможность увидеть реализуемую ими политику в целостном виде. В этом плане можно говорить о роли университетов как экспертно-аналитических центров внешней политики. В данном случае можно говорить о том, что университеты выступают субъектами публичной дипломатии не только как научно-образовательные корпорации, но и как «фабрики мысли».

3. МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПУБЛИЧНО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ

Результатом высоких рейтингов вуза становится ряд важных моментов, имеющих мирополитическое измерение. В частности, наличие устойчиво высоких позиций университета в международных рейтингах способствует более эффективному налаживанию партнерства с ведущими вузами мира, привлечению к данному учебному заведению большего количества талантливых студентов, обучение которых является основной целью существования вузов и важнейшим источником его финансирования.

Высокие позиции в международных рейтингах способствуют привлечению в ведущие университеты мира большого количества иностранных студентов, становятся значимым аргументом в привлечении самых квалифицированных ученых, составляющих мировую интеллектуальную элиту.

Осуществляя публичную дипломатию, университеты находятся в весьма конкурентном пространстве. В связи с этим университеты могут заимствовать наиболее оптимальные алгоритмы действий у других ву-

зов, однако, в определенной мере возможности для таких заимствований ограничены. Каждый университет представляет собой самостоятельный организм, для которого простое заимствование чуждого опыта может оказаться не слишком полезным.

4. ВОЗМОЖНОСТИ УНИВЕРСИТЕТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ «РАЗУМНОЙ СИЛЫ»

Потенциал университетов на сегодняшний день не исчерпывается исключительно публичной дипломатией. Например, вузы могут осуществлять исследования в сфере разработки технологий двойного назначения. Например, сегодня говорится о том, что технические вузы России будут активным образом взаимодействовать с создаваемыми специализированными «научными ротами». В частности, ставится задача разработки технических университетов и «научных рот» военных роботов. Таким образом, университеты сегодня — это не только участник реализации мирополитичесокой стратегии «разумной силы», но и участник реализации мирополитической стратегии «жесткой силы».

В рамках государствами стратегии «жесткой силы» университеты можно рассматривать в качестве центров, с которыми активным образом взаимодействуют спецслужбы.

О значении университетской публичной дипломатии говорит следующий факт. Соединенные Штаты сегодня несут значительные издержке в сфере международного престижа. Однако, лидирующие позиции американских университетов позволяют США сохранять достаточно прочное положение.

Публичная дипломатия университетов способствует развитию процессов регионализации. В частности, государства, развивая связи в сфере образования, зачастую опираются на ту систему взаимных контактов, которые ранее были наработаны в рамках межвузовского взаимодействия. Такого рода межвузовское взаимодействие на региональном уровне может проявляться не только в формате двусторонних договоров, но и в форме создания региональных межвузовских ассоциаций. В качестве примера можно назвать Ассоциацию азиатских университетов, первый учредительный съезд которой состоялся в мае 2013 года и собрал представителей 27 вузов из 8 стран[44].

Другим примером может являться университет РУДН, мощные связи которого с университетами государств СНГ, позволили создать

на его базе Сетевой университет СНГ. Объединения университетов могут также создаваться по принципу объединения вокруг неких общих целей. Например, университетами ряда стран была создана организация «Лидеры университетов для устойчивого развития».

Университеты сегодня могут становиться членами публично-дипломатических структур. Например, членами Российского совета по международным делам являются следующие российские университеты Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова, МГИМО (У) МИД России, Российский государственный гуманитарный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина[45].

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что университеты сегодня становятся значимыми субъектами публичной дипломатии. Чрезвычайно актуальным изучение инструментов публичной дипломатии университетов является для современной России. Потенциально совершенствование этого аспекта публичной дипломатии способно принести России значительные внешнеполитические выгоды. Учитывая хорошие позиции МГУ имени М.В. Ломоносова в международных рейтингах, представляется, что МГУ следует последовательно развивать потенциал своей публично-дипломатической деятельности.

Специфика университетов в качестве субъектов публичной дипломатии состоит в том, что они способны выступать не просто внешнеполитическими трансляторами каких-либо установок государства, но обладают возможностями для самостоятельного продуцирования нового знания, новых форматов публичной дипломатии.

Проведенный анализ показал, что интеллектуальному влиянию университетов сегодня уделяется все больше внимания. В значительной степени в целях оценки такого влияния создаются университетские рейтинги. При этом активную роль в создании такого рода рейтингов играют сами университеты. Исходя из этого, мы можем сказать, что активность университетов сегодня увеличивает динамику трансформации публичной дипломатии из инструмента «мягкой силы» в инструмент «разумной силы».

Нам представляется, что проведение полноценного исследования потенциала публичной дипломатии современных университетов на глобальном уровне может внести позитивный вклад в политическую науку. МП

Примечания

1 http://www.politex.info/content/view/643/
2 http://www.chinastudy.ru/news/show/id/523
3 http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/008.htm
4 http://spbu.ru/files/upload/disser/inter/2011/tsvetkov.pdf
5 http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2215/34873_6580.pdf
6 http://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-public-diplomacy
7 www.mgimo.ru/files2/y04_2011/186135/autoref_dolinskiy.doc
8 Нейматова А.Я. Роль дипломатии в формировании имиджа России на современном этапе // Дисс. канд. ист. н. – Москва, 2013. - mgimo.ru/files2/y05_2013/238207/neimatova_autoref.doc
9 http://spbu.ru/files/upload/disser/inter/2011/tsvetkov.pdf
10 http://rs.gov.ru/sites/rs-gov.ru/files/Spravka_o_publichnoy_diplomatii.pdf
11 http://www.business-gazeta.ru/article/83701/
12 http://www.mgimo.ru/news/press/document237384.phtml
13 http://ea.donntu.edu.ua:8080/jspui/bitstream/123456789/4254/1/4_15.pdf
14 http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/1783510/index.php?PAGE_NAME=read&FID=74&TID=15520
15 http://vestnik.udsu.ru/2009/2009-031/vuu_09_031_01.pdf
16 http://vestnik.udsu.ru/2009/2009-031/vuu_09_031_01.pdf
17 http://eprints.tversu.ru/2242/1/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%A2%D0%B2%D0%93%D0%A3._%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F._2012._%D0%92%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA_1._%D0%A1._153-160.pdf
18 http://akvobr.ru/britanskii_reiting_vedushih_universitetov_mira.html
19 priem.uniyar.ac.ru/articles/Rating_2012.doc
20 http://www.econorus.org/sub.phtml?id=210&PHPSESSID=e5gh4keq958ovb479fm72bvvd5
21 http://www.usnews.com/education/worlds-best-universities-rankings/top-400-universities-in-the-world
22 http://www.shanghairanking.com/ARWU2012.html
23 cibear.narfu.ru/cibear2012/about/materials/kritskaya.ppt
24 Международный рейтинг университетов THES&QS или QS WUR. - old.kpfu.ru / CAPR / bin_files / Фес - QS !-metod2 38.doc
25 http://www.econorus.org/repec/journl/2011-12-164-166r.pdf
26 http://mgimo.ru/files2/y03_2013/7102/bolshova_13_02_20.pdf
27 http://www.econorus.org/repec/journl/2011-12-164-166r.pdf
28 http://www.library.mrsu.ru/?area=zarub
29 http://nauka.dvfu.ru/nauchnye-zhurnaly/
30 http://urfu.ru/home/press/news/article/prepodavateli-i-nauchnye-sotrudniki-vuzov-proidut-kurs/
31 http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=28333
32 http://ejournals.pp.net.ua/_ld/1/145_knyga_kyrchanof.pdf
33 http://www.univer-rating.ru/FtpRoot/files/international_rankings.pdf
34 http://www.education-medelle.com/articles/rejtingi-luchschikh-vuzov-mira.html
35 http://www.intertrends.ru/twenty-three/010.htm
36 http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2012-13/subject-ranking/subject/social-sciences
37 http://www.shanghairanking.com/ARWU2012.html
38 http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2012?delta%5B%5D=field_ranking_scores_71967&ugrad_course=&pgrad_course=&loc=&field_ranking_scores_71962=0.4&field_ranking_scores_71963=0.1&field_ranking_scores_71964=0.2&field_ranking_scores_71965=0.05&field_ranking_scores_71966=0.05&field_ranking_scores_71967=0.2&field_ranking_scores_71968=0&field_ranking_scores_71969=0&field_ranking_scores_71970=0&field_ranking_scores_71971=0&field_ranking_scores_71972=0&custom_ranking=&save_my_rankings_data_sort=2%2Casc%2C0&save_my_rankings_data_limit=50&save_my_rankings_data_search=&save_my_rankings_data_start=0
39 http://www.ihe.nkaoko.kz/archive/318/2619/
40 http://ew.jmsu.cn/info/1006/1052.htm
41 http://www.mgimo.ru/news/university/document230647.phtml
42 http://www.msu.ru/science/forcoll.html
43 http://univer.ntf.ru/DswMedia/keystgu.pdf
44 http://www.interfax-russia.ru/Siberia/news.asp?id=403025&sec=1671
45 http://russiancouncil.ru/common/upload/%D0%91%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82_%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D1%8B2013_%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf

Феномен и концепт сверхсознания в политической психологии

Н.М. Ракитянский

«В безбрежном океане мирового бытия человеческое я занимает ничтожное место, однако смелою мыслью оно стремится охватить весь мир...».

Н.О. Лосский

Люди сбрасывают с себя иго одной религии только для того, чтобы подчиниться власти другой. Меняется объект поклонения, но само поклонение не исчезает.

А. де Токвиль

Не только в странах победившего психоанализа – в США и Западной Европе, но и в России, различные аспекты феномена бессознательного в поведении людей вызывают неослабевающий интерес у политиков, политтехнологов, представителей науки, публицистов, писателей, режиссеров и рядовых граждан.

Теория бессознательного, пережив в свое время пик всеобщего внимания к себе, и в настоящее время остается востребованной, в том числе и политологами. Она дала мощный импульс для создания претенциозных политических и культурных проектов по преобразованию человеческой природы на основе психоанализа, который до сих пор претендует на роль методологии в общественных науках [1]. Его автором традиционно считается Сигизмунд Фрейд, согласно которому сознание имеет

Н.М. Ракитянский доктор психологических наук, профессор кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. ломоносова.

трехуровневую организацию и включает в себя подсознание, сознание и сверхсознание.

На основе фрейдистской теории возник политический психоанализ [2], который внес свой вклад в формирование новых политологических понятий, например, таких как, «образ власти», «авторитарная личность», «образ врага», «паранойяльный сценарий», «невротическая идеализация», концепция «взаимных гарантий». Эти и другие концепты имеют инструментальный характер и используются в основном для изучения подсознательных процессов в политике. Современные психоаналитики активно участвуют в изучении политических событий, явлений и процессов, в том числе и в России [3].

Здесь надо пояснить, что в концептуальном пространстве современной психологии подсознание и сверхсознание образуют состав бессознательного. Но так сложилось, что как в современной позитивистской науке, так и в повседневных представлениях под подсознанием понимается, как правило, бессознательное.

В политологии и политической психологии в том или ином контексте обсуждаются различные аспекты феномена сверхсознания, которые, так или иначе, являются предметом изучения психологии, философии, культурологии и других наук о человеке. Это, например, — интуиция, догадки, озарения, гипотезы, идеи и «прямое усмотрение истины» [4], понимание [5], рефлексия [6], традиции [7] и т.д.

Понятие сверхсознания также используется в трансперсональной психологии [8], теософии и герметизме, адептами многочисленных сект эзотерической, оккультной, магической и гностической направленности, а также последователями индуизма, буддизма, даосизма и других политеистических культов Дальнего Востока и Южной Азии [9].

В истории философской и религиозной мысли идея сверхсознания появилась значительно раньше, чем соответствующее понятие и термин в психологии и в психоанализе. Так или иначе, к ней обращались Хилон из Лакадемона (VI в. до Р.Х.), Сократ, Платон, Аристотель и другие философы античности. Впервые природа объективно-сверхвременных содержаний сознания была сформулирована Платоном и представлена им как часть особого сверхчувственного мира идей.

В период позднего эллинизма идеи сверхсознания приобретают уже принципиально новое — монотеистическое осмысление у Филона Александрийского (ок. 25 до Р.Х. — ок. 50 от Р.Х.). Свое развитие они

получают также и в воззрениях христианских апологетов — Дионисия Ареопагита (? — 96 г.), Иринея Лионского (ок. 130 г. — 202), Аврелия Августина (354 — 430). В психологическом плане один из наиболее выразительных примеров сверхсознательной трактовки христианства находим у Апостола Павла в 1-м послании к Коринфянам: «мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» [1:23].

В начале первого тысячелетия в патристике складывается представление о трех базовых качествах человека — плотском, душевном и духовном: «иная плоть у человеков... есть тело душевное, есть тело и духовное... но не духовное прежде, а душевное, потом духовное» [1 Кор. 39:46]. Эта идея «троического единства» по мнению В.П. Андронова, Т.Д. Андроновой позволяет использовать развитый категориально-понятийный потенциал теологии в современной психологии применительно к анализу иерархической организации человека, где духовное — это высшее состояние сознания, душевное занимает среднее положение и плотское — низшее. Не только для психологов, «переболевших» психоанализом, очевидна мысль о том, что сверхсознание как духовное, высшее человеческое начало не может быть подчинено подсознательному — тому низшему, что составляет суть современного «перевернутого индивида» [10].

В дальнейшем тема сверхсознания явно звучала в трудах Аввы Дорофея (VI в.), Иоанна Лествечника (525-595 или 579-649 гг.), Феофилакта Болгарского (вторая половина XI в. — начало XII в.) и многих других авторов патристической традиции.

Представления о сверхсознании развивались также в работах Игнатия Брянчанинова (1807-1867), Феофана Затворника (1815-1894), В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева и других мыслителей. В этом контексте показательно мнение Е.Н. Трубецкого о сверхсознании. Он пишет: «есть некоторое сверхпсихологическое сознание, безусловное и всеобщее как по форме, так и по содержанию. И я — психологический субъект — могу сознать истину, лишь, поскольку я, так или иначе, приобщаюсь к этому сознанию» [11].

Принцип единства сознания и деятельности, сформулированный в 1933 г. С.Л. Рубинштейном является одним из важнейших методологических оснований и для политической психологии. В свете этого при-

нципа разрабатывается понятийный аппарат, методы исследовании, а также научные основы интерпретации политических процессов и явлений. Сама суть этого постулата дает нам возможность включить концепт сверхсознания в сферу его применения и позволит нам рассматривать деятельность, сознание и сверхсознание как инстанции, образующие нерасторжимую целостность. Из этого следует тезис о правомерности постулирования принципа единства сознания, сверхсознания и деятельности и его применения в практике политико-психологических исследований [12]. Такой подход отражает и закрепляет научный статус понятия сверхсознания, позволяет раскрывать его суть, значение и инструментальные возможности в современных политико-психологических исследованиях.

В настоящее время феноменология сверхсознания рассматривается как возможность преодоления субъектом политики пределов обыденно-необходимого измерения жизни посредством представлений и стоящих за ними значений языка. Сверхсознание отражает вертикально-ценностную — вневременную, трансцендентальную устремлённость человека к высшему, бытийному началу.

Понятие сверхсознания дает возможность выявить новые измерения в политической психологии [13], постигнуть связь между политико-психологическими и религиозными, т.е. по своей сути сверхсознательными феноменами, которая в современном мире остается мало изученной. Но их отношения дают о себе знать столь неотвратимо, сколь политологи не обращают на них внимания или даже продолжают отстаивать их невозможность [14]. Редко принимается и даже отрицается тот факт, что всякая политическая система опирается на свои постулаты веры, т.е. a priori или догматически утверждаемые истины при том, что они могут иметь не только собственно религиозный, но и атеистический характер. Г. Лебон ещё в 1885 г. писал о том, что из всех сил, которыми располагает человечество, сила веры всегда была самой могущественной, и не напрасно в Евангелии говорится, что вера может сдвинуть горы. Дать человеку веру значит удесятерить его силы. Великие исторические события были осуществлены безвестными верующими [15].

Сверхсознательные интенции и мотивации в течение длительного исторического времени непреложно воспроизводились в ментальных особенностях обыденной и общественной жизни наций, народов и конкретных людей, во всех сферах знания, образования, права, науки, фи-

лософии, культуры, экономической и политической деятельности. При этом представления, ценности, идентичность, установки, стереотипы, нормы, традиции в результате этого процесса со временем стали неотъемлемой частью не только сознания, но и других — подсознательных и сверхсознательных, компонентов психики людей. Все это составляет конструкты монотеистических менталитетов, посредством которых стало возможным их изучать, а также проводить сравнительные ментальные исследования.

Религиозная вера в любом монотеизме, будучи, феноменом сверхсознания, выступает для его последователей как ценность высшего порядка. Основа этой веры, пребывая неизменной во времени, выражается понятием догмата и является базовой системой априорного знания о началах мироздания и смысле человеческого существования. Принятые тысячи лет назад сначала иудаизмом, затем христианством и позже исламом догматические системы сформировали устойчивые и не всегда осознаваемые структуры массовой веры как феномена сверхсознания, которое и стало основой соответствующих политических менталитетов.

Следуя за академиком А.А Ухтомским [16], мы можем полагать, что религиозные догматы как предмет монотеистической веры в психологическом плане исполняют роль сверхсознательной доминанты (или «вектора поведения»), которая направляет мышление и волю людей на деятельность определённого рода, в том числе и на политическую деятельность. Именно сверхсознание формирует концентрированную устремленность больших масс людей к достижению политических и иных целей, которые устойчиво доминируют в иерархии их мотивов и ценностей. Собственно доминирующая потребность и включает механизмы сверхсознания и приводит к результатам, недостижимым никаким иным рациональным способом [17].

Так, Византийская православная цивилизация с её сверхсознательными политическими, культурными и правовыми установками просуществовала более тысячи лет. Снижение религиозности, трансформация догматов в светские традиции вели к инверсии сверхсознательных установок веры и утрате онтологической субъектности политических элит, что привело к разрушению ментально-догматических основ государственной мощи ромейской империи.

Киевская Русь, преодолевая глубокий кризис язычества, в конце X века приняла православие, объединив разрозненные племена и народы

в великое государство, построение которого осуществлялось под напряжением сверхсознательной детерминации. Собственно сама история русского народа как единого политического и имперского суперсубъекта начинается с крещения Руси. Сверхсознательные установки русского православия явились важнейшим фактором формирования политической субъектности и политического менталитета, как русских политических элит, так и народов России.

Догматическая, сверхсознательная особенность монотеистического менталитета определила и тот исторический факт, что из всех языческих народов античного Средиземноморья только монотеисты евреи сберегли свою политическую общность и в середине XX в. восстановили свое государство.

Религиозная вера в любом монотеизме выступает для его последователей как ценность высшего порядка

Если в Средневековье в сознании и поведении людей определяющим был догмат о творении мира Богом, то уже в Новое время — вера в постижение и преображение мира человеческим разумом. Именно в этот период гуманизм стал новой доминантой мировоззрения, и процесс секуляризации, начавшийся в эпоху Возрождения, набирал силу. Центральный постулат гуманизма — «человечность» подразумевал отношение к человеку как к высшей ценности среди всех возможных ценностей во Вселенной и отвержение власти Бога. Возвысившись над всем миром, человек не чувствовал такой силы и власти ни в античности, ни в средние века [18]. Отход от догматов теоцентризма и принятие постулата антропоцентризма привел к модификации и редукции сверхсознательных установок политических элит.

В Европе с началом эпохи Нового времени гуманистическим и реформационным движениями была поколеблена ментально-догматическая основа теоцентрического мировоззрения. Сверхсознательные установки христианства стали утрачивали абсолютную ценность, как в среде правящих сословий, так и на уровне государственной политики стран континентальной Европы. Самые крупные из них прошли трагический путь внутреннего распада, что сопровождалось трансформацией и деградацией ментальности и, как следствие, самостоятельной политики, которая изначально предполагала утверждение своих сверхсознательных, догматически непререкаемых систем ценностей.

Так, первой в конце XVIII в. пала Франция. Будучи самой большой и мощной страной католического мира, она пережила катастрофу атеистической революции, идейными вдохновителями которой были французские гуманисты, просветители, энциклопедисты и атеисты [19].

Столетие спустя, крупнейшее государство католицизма и континентального протестантизма – Германия, поддалась соблазну саморазрушения через отказ от сверхсознательных мотиваций христианства. Правящие элиты в лице нацистской партии и многочисленных ее последователей приняли неоязычество и оккультизм, и в итоге были разгромлены Советским Союзом, руководители которого во время войны в известной мере опирались на ценности православия [20].

Либерализм, провозгласивший человека высшей ценностью, стремительно входит в фазу «короткого замыкания»

Усвоив уроки прошлого, Германия, одна из немногих стран послевоенного мира, стала позитивно решать проблему реставрации христианских ценностей, что позволило ей стать политическим и экономическим лидером современной Западной Европы. Вместе с тем, она до сих пор не в силах противостоять ментально-догматической экспансии своего союзника-оккупанта – США.

По тем же причинам в феврале 1917 г. трагедия не обошла и Российскую империю как безусловный центр политики православного мира. Впоследствии в СССР уже в радикально насильственных формах продолжилось разрушение православного догматического исповедания, что не могло не вызвать деструкцию ментальных основ общества и, в итоге советской государственности. Атеистическое руководство страны было в принципе не способно сформировать сверхсознательные мотивации и как следствие духовно-нравственный иммунитет у советского народа против «идеологической диверсии» и информационной войны со стороны ментальной экспансии либерального Запада.

Ментально-догматический статус США, который с момента утверждения своей государственности в XVIII в. имеет дискретно-мозаичный – полиментальный характер, по настоящее время сохраняет собственную политическую целостность и устойчивость. Его потенциал поддерживает возможность организовывать и направлять совокупную

политическую мощь Запада, что обеспечивается интегрирующей и доминирующей ролью англо-американского протестантизма с его сверхсознательными мессианскими установками, глобально-политическими устремлениями и верой в свою исключительность [21].

В течение трех-четырёх столетий в контексте нарастания секулярных тенденций во внутренней и внешней политике стран Запада был сформирован комплекс либеральных концептов, на критическое и публичное обсуждение которых наложен негласный запрет. Например, статус таких понятий как «демократия», «рынок», «частная собственность», «индивидуализм», «толерантность», «мультикультурализм» и многих других догматически и непререкаемо утверждается. Эти понятия a priori всегда полагаются непреложно позитивными и сверхценными, хотя никто не может внятно объяснить, почему они имеют универсальную, «общечеловеческую» ценность и обязательны для всех людей, живущих на планете.

Либерализм, зародившийся в Западной Европе в эпоху борьбы против абсолютизма и политического господства католической церкви в XVI–XVIII вв. и провозгласивший человека высшей ценностью, стремительно входит в фазу «короткого замыкания». Западный безбожный человек осознанно поддался искушению, которое И.И. Сикорский трактует как своего рода сделку, по условиям которой ценности низшего порядка приобретаются путём отказа от ценностей высшего порядка [22]. Либеральный «телесно-потребляющий» индивид, отрекшийся от трансцендентного Закона бытия, отказался и от своей онтологической идентичности. Он уже не выдерживает бремени собственного эгоизма, жажды обладания и комфорта и стремительно движется к самораспаду через духовную деградацию и различного рода извращения.

В конце XX – начале XXI в. в США и Западной Европе по сути уже постхристианской[1], набирают силу антихристианские тенденции. Они проявляются, например в неопаганизме (Neopaganism) [23], а также в своевольно утверждаемых «ценностях» политически активных сексуальных меньшинств с их «гей-культурой», «однополыми браками», ЛГБТ-пропагандой, «гей-лоббизмом» и проч.[2][24]. На смену «сексуальной революции» второй половины ушедшего века грядет гомосексуальный переворот[3], потенциал которого, конечно, ограничен. Но его инициаторы и активисты, упорно стремятся к политической

власти[4], используя возможности либеральной демократии — «формально-правовое государство», «толерантность», «мультикультурализм», «права меньшинств» и проч. Мерилом толерантности и демократичности «развитого» и «цивилизованного» государства теперь становится проведение гей-парадов. Современную Европу так же невозможно представить без обсуждения гомосексуальных проблем, как средневековую — без обсуждения проблем религиозных.

Б. Констан де Ребек главный теоретик французских либералов XIX в., писал в свое время о «триумфе индивидуализма». Он, будучи религиозным человеком, видимо меньше всего, предполагал, что этот триумф в XXI в. выродится в триумф агрессивного гомосексуализма.

Вместе с тем в настоящее время, несмотря на масштабную секуляризацию цивилизованного мира, монотеизм остается средоточием жизни и ценностей огромного количества людей. Именно поэтому все политические менталитеты, имеющие теоцентрические основания, относятся к сфере сверхсознательного.

Четыре монотеистические системы религиозного исповедания: иудаизм, восточное христианство, западное христианство и ислам пока ещё определяют типы политических менталитетов значительной части человечества [25]. Каждая из этих догматических систем — неизменные во времени и необходимые для исповедания больших масс людей, имеют свою структуру, что позволяет осуществлять их политико-психологический анализ. Именно система догматов представляет собой глубинную суть политического менталитета и именно к ней сводятся наиболее сущностные различия, которые позволяют отделить один менталитет от другого.

РЕЗЮМЕ

На основании четырех догматических систем относящихся к сверхсознательным интенциям мышления, сформировались современные политические миры с характерными для них устойчивыми и унифицированными ментально-догматическими — сверхсознательными установками. Эти установки охватывают и пронизывают буквально каждого из своих членов — мир западно-христианской Европы, мир православного христианства, мир ислама, и автономно существующий внутри этих трех миров, мир иудаизма. Все эти миры отстаивают свои неизменные сверхсознательные системы ценностей в их религиозном или

секуляризованном варианте и выражают свои глобально-политические устремления и интересы. МП

Примечания

[1] В Лиссабонском договоре 13 декабря 2007 г. не нашлось места для упоминания о христианских корнях Европы или о Боге. Хотя западные церкви смогли добиться признания их «идентичности и особого вклада», в Договоре это прозвучало наравне с аналогичным признанием для философских и неконфессиональных организаций, которые во многих случаях антирелигиозны – как, например, Европейская гуманистическая федерация.

[2] По данным Г.С. Кочаряна Общий синод Объединенной церкви Христа (the General Synod of the United Church of Christ, UCC) принял решение о поддержке однополых браков, что сделало UCC первой большой американской христианской религиозной конфессией, одобрившей гомосексуальные браки (same-sex marriages).

[3] Епископ Стокгольма – Ева Брюнне, открытая лесбиянка, которая живет в зарегистрированном однополом «партнерстве» с женщиной-священнослужителем утверждает, что «после того, как вы прошли обряд крещения, никто не имеет права говорить, что вы не принадлежите церкви лишь потому, что вы – гомо-, би- или трансексуал» [URL: // http://epop.ru/news/1471/].

[4] Г.С. Кочарян со ссылкой на The Gay & Lesbian Victory Fund пишет о политической активности открытых геев и лесбиянок, которые ныне занимают должности в 228 из 511 тысяч органов власти США, комплектуемых на основе выборов и т.д.

Литература

1. Эткинд А. Эрос невозможного. – М., 1994.
2. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. 2-е издание. – СПб.: Питер, 2000.
3. Решетников М.М. Психологические факторы развития и стагнации демократических реформ. – СПб. 2012.
4. Симонов П.В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознании // Бессознательное. Сборник статей. Том I. – Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. – С. 60-68.
5. Книгин А.Н. Философские проблемы сознания. Томск: Издательство Томского университета, 1998.
6. Шарден П.Т. де Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – С. 136-143.
7. Кутырев В.А. Философский образ нашего времени: безжизненные миры постчеловечества. Смоленск. – 2006. – С. 220.
8. Майкова К.Ю. Основные направления трансперсональной психологии: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01/ Майкова Кристина Юозовна. – Ярославль., 1999. – 293 с.
9. Югай Г.А. Сверхсознание и эзотерика // http://www.lomonosov.org/article/super_consciousness_spirituality.htm
10. Андронов В.П., Андронова Т.Д. Духовно-нравственное развитие личности в свете православного религиозного опыта. URL: // http://www.academia.edu/3145439/_
11. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 1994. – С.14.
12. Никитина Е.А. Сознание и бессознательное в структуре познания: автореф. дисс. ... докт. философ. наук: 09.00.01/ Никитина Елена Александровна. – М., 2011. – 37 с.
13. Ракитянский Н.М. Иудейский менталитет. Политико-психологическое эссе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 2013. № 4. – С. 55-81.
14. Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб.: ОВИЗО, 2002. – С. – 11.
15. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1995. – С. 236.
16. Ухтомский А.А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2002.
17. Симонов П.В. Указ. соч. С. 60-68.
18. Веселова Е.К., Дворецкая М.Я. Философская антропология и психология в контексте духовно-нравственного становления человека. – СПб., 2011. – С. 34-35.
19. Жискар д'Эстен В. Французы: Размышления о судьбе народа: Пер. с фр. – М.: Ладомир, 2004. – С. 151-156.
20. Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Русскій мир, 2005. – С. 167.
21. Ракитянский Н.М. Догматические основания англо-американской ментальной экспансии (психолого-политический анализ). // Актуальные проблемы современной политической психологии. – М.: РИОР, 2010. – С. 89-110.
22. Сикорский И.И. Небо и Небеса. Собрание религиозно-философских работ / Сикорский И.И. – М., 2010. – С. 117.
23. Ракитянский Н.М. Иудейский менталитет... С. 55-60.
24. Кочарян Г.С. Гомосексуальные отношения и современная Америка // Здоровье мужчины. – 2007. – №4 (23). – С. 42–53.
25. Можаровский В.В. Указ соч. С. 15-158.

Иранская ядерная программа как потенциальная угроза мировой стабильности

С.Н. Бурцев

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетия иранская ядерная проблема продолжает оставаться одной из самых острых международных проблем, вызывающей напряженность во взаимоотношениях государств и угрожающей безопасности на Ближнем Востоке. Для Ирана ядерная программа стала своего рода национальной идеей, вокруг которой объединены все политические силы и от которой Иран вряд ли откажется. Ключевой же задачей международного сообщества является предотвращение трансформации иранской ядерной программы в программу военную.

Подписанный в 1968 г. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) является основой недопущения распространения ядерных вооружений. В то же время он фактически закрепил монопольное право за ядерными державами на обладание и совершенствование ядерного оружия, которые произвели и испытали его до 1 января 1967 г. Тогда таких стран было пять: СССР, США, Великобритания, Франция и КНР. Остальные государства, согласно ДНЯО, имели право лишь на производство и использование ядерной энергии в мирных целях. Однако ряд стран отказался подписать ДНЯО. Такими государствами были Индия, Пакистан, ЮАР, Израиль и Бразилия. В контексте наших размышлений важно, что ни мировое сообщество, ни пять ядерных держав не смогли воспрепятствовать созданию ядерного оружия в Индии, Пакистане и Израиле, в том числе потому, что формально эти государства находились за рамками ДНЯО. Это способствовало формированию у ряда неядерных государств мнения о том, что находиться за рамками

С.Н. Бурцев - аспирант Дипломатической академии МИД РФ.

ДНЯО гораздо выгоднее. В итоге в 1993 г. КНДР вышла из ДНЯО, а в 2005 г. объявила о наличии у нее ядерного оружия[1]. Таким образом, у многих политических элит сложилось впечатление о том, что создать ядерное оружие можно практически беспрепятственно.

Объявление КНДР об испытании своего ядерного оружия стало важным событием не только регионального, но и международного значения. В случае с иранской ядерной программой встает вопрос, были ли переданы Ирану корейские ядерные технологии. Важным является то, что КНДР самостоятельно (в отличии от Израиля, Индии и Пакистана) разработала и испытала ядерное оружие, а это означает, что в научно-техническом плане КНДР имеет возможности создания ядерного оружия[2]. А учитывая враждебные отношения КНДР и Ирана по отношению к США и невозможность США напрямую повлиять на КНДР, то вероятность передачи Ирану ядерных технологий нельзя отрицать.

Сегодня можно утверждать, что создание КНДР своего ядерного оружия произошло без особого противодействия со стороны мирового сообщества, фактически также беспрепятственно произошла и его «легализация». Иран принял это к сведению. Составные части цикла по созданию ядерного оружия, такие как добыча урана, переработка урана в центрифугах в Иране уже фактически «легализованы».

В результате становления Индии и Пакистана как ядерных держав в 90-е гг., напряжение в регионе заметно возросло, что не могло не сказаться и на Иране. Сегодня, важнейшим фактором, определяющим позицию Ирана касательно ядерной программы, являются его отношения с другими ядерными державами региона, непосредственно граничащими с ним и не входящими в ДНЯО. Это также усугубляется тем, что Иран не может получить от мирового сообщества никаких гарантий безопасности от ядерных держав, которые не подписали ДНЯО.

Однако, в отличии от других ядерных держав, которые не подписали ДНЯО, Иран в 1963 г. его подписал. Это означает, что с точки зрения международного права, любые попытки Ирана создать ядерное оружие являются незаконными. В то время, когда Иран подписывал этот договор, он имел мощного союзника в лице США, чья военная мощь была достаточной для гарантии его безопасности. Однако современный Иран не имеет такого мощного и надежного союзника, а политика США теперь напротив является первоочередной угрозой его безопасности. Также не стоит забывать и о натянутых отношениях Ирана со своими

арабскими соседями, что связано в первую очередь с разногласиями шиитов Ирана и суннитов стран Персидского залива. Это также может повлиять на решение Ирана в пользу создания ядерного оружия.

Сегодня мировое сообщество беспокоят два аспекта иранской ядерной программы — насколько далеко продвинулась ядерная программа этой страны, и существуют ли признаки ее переключения на военные цели. Конечной целью является контроль над неукоснительным соблюдением Ираном своих обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия и укрепление безопасности в регионе и в мире в целом.

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

Иранская ядерная программа была принята еще во времена правления шаха Пехлеви и основывалась на тесном научно-техническом сотрудничестве с Западом. В первую очередь она зависела от партнерских отношений Ирана со странами, являющимися поставщиками ядерных технологий. Такими странами в первую очередь США и ряд стран Западной Европы.

В 1954 г. в США был принят закон, разрешающий распространение атомных технологий и материалов при гарантиях их неиспользования в военных целях, а годом ранее, в 1953 г., ООН была объявлена программа «Атом для мира». В результате в 1957 г. было создано Агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), целями которого было содействие развитию мирного атома и недопущение его использования в военных целях. В рамках программы «Атом для мира» в 1957 г. между Ираном и США было подписано соглашение о мирном использовании ядерной энергии[3]. В рамках соглашения США обязались поставлять Ирану оборудование и ядерные установки, а также подготовить специалистов. В обмен США получили право инспектировать иранские ядерные объекты.

США были заинтересованы в усилении и модернизации Ирана ввиду того, что Пехлеви был ориентирован на недопущение усиления советского влияния в Иране и регионе в целом. Также США были заинтересованы в развитии ядерной энергетики в Иране еще и потому, что в результате высвобождались тонны нефтепродуктов для экспорта на Запад. В 1974 г. Пехлеви создает Организацию по атомной энергии Ирана (ОАЭИ) и начинает строительство 23 ядерных реакторов, ко-

торое должно было быть завершено к 1994 г.[4]. При этом также был подписан договор с МАГАТЭ о контроле над использованием имеющихся ядерных материалов. Основными целями развития ядерной программы Ирана на тот момент были:

- использование ядерной энергии для удовлетворения потребностей в электроэнергии;
- приобретения технологий создания собственных реакторов;
- приобретение технологий обогащения урана;
- использование ядерных технологий в промышленности, медицине и сельском хозяйстве;
- защита людей и окружающей среды от воздействия радиации.

В 1970-е гг. никто не сомневался в мирной направленности иранской ядерной программы. Это объяснялось тем, что Иран в то время был проводником интересов США на Ближнем Востоке и соответственно находился под их защитой. Поэтому Иран был одним из первых государств подписавших ДНЯО в 1970 г.[5]. Однако существует мнение, что в 1970-е гг. Иран не ограничивался развитием мирного атома, а параллельно велась тайная военная ядерная программа, которая включала в себя разработку технологий обогащения урана, выделение плутония и проектирование ядерных зарядов[6]. Также с 1975 г. в Иране начали производиться исследования по лазерному обогащению урана и выделения плутония из отходов ядерного топлива, который, в свою очередь, мог быть использован в создании ядерного оружия. Одновременно велась широкомасштабная геологоразведка своих месторождений урановой руды, и проводились переговоры о приобретении технологий ее обогащения. Хотя даже и не обладая подобной информацией можно предположить, что Пехлеви, взявший курс на перевооружение и переоснащение иранской армии, а также стремящийся вывести Иран на уровень регионального лидера не будет интересоваться вариантом превращения Ирана в ядерную державу.

Революция 1979 г. коренным образом поменяла ситуацию в стране, Иран занял ярко выраженную антиамериканскую позицию, что привело не только к ухудшению отношений между Ираном и США и к полному сворачиванию сотрудничества в ядерной сфере, но и к остановке программы строительства в Иране АЭС и других мирных ядерных объектов. Зависимость Иранской ядерной программы от ее поддержки иностранными партнерами привела к потере не только всех подписанных

контрактов с США, но и к оттоку из страны большого количества иностранных и иранских специалистов в области атомной энергии. Первое время новое иранское руководство не видело необходимости в продолжении развития собственной ядерной программы, все проекты были заморожены, а обученные специалисты уехали из страны.

Возобновление интереса Ирана к ядерной программе произошло лишь в середине 1980-х гг. Опыт ирано-иракской войны навел руководство Ирана на мысль о необходимости собственной ядерной программы. Однако сам Иран аргументировал возобновление интереса к ядерным исследованиям высоким уровнем потребления нефтепродуктов в ТЭС и сокращением экспорта нефти в будущем для удовлетворения национальных нужд. На этом этапе в проведении исследований Иран был вынужден опираться на собственные силы, так как все его бывшие партнеры по ядерным испытаниям отказались от сотрудничества. Иран начал политику возврата уехавших за рубеж иранских специалистов, а также занялся подготовкой собственных молодых кадров в зарубежных вузах и научно-исследовательских институтах[7].

Однако без сотрудничества с иностранными государствами Иран не смог бы реализовать ни военную, ни мирную ядерную программу. Поэтому в 1986-1987 гг. в режиме полной секретности Иран закупил у Пакистана техническую документацию и компоненты двух газовых центрифуг для обогащения урана, которые могут также использоваться и для производства оружейного урана[8]. Также существует информация о том, что Иран даже пытался купить у Пакистана ядерный боезаряд[9]. Однако Пакистан осуществил свои первые подземные испытания ядерного оружия только в 1998 г. и маловероятно, что в 1988 г. они могли иметь готовый ядерный боезаряд. НО ввиду угрозы со стороны радикального суннитского ислама в Пакистане, Иран отказался от этой идеи.

Не найдя партнеров, Иран начал искать поддержки среди тех государств, которые были достаточно сильны, чтобы не поддаваться давлению со стороны США. С этой точки зрения особое внимание Иран уделял КНДР и КНР. В 1990 г. между Ираном и КНДР было подписано соглашение о научном сотрудничестве в ядерной области[10]. При этом КНДР постоянно заверяла о том, что сотрудничество в ядерной сфере ведутся исключительно в мирных целях. В рамках договора был поставлен один нейтронный реактор, а также был подписан контракт на поставку еще двух. Однако в 1995 г. контракт был аннулирован КНДР

по политическим и экономическим причинам[11]. Возможно, это было связано с активизацией отношений между КНДР и США, что повлекло за собой обещание последних оказать экономическую помощь в обмен на приостановку разработки ядерного оружия.

Что касается сотрудничества Китая и Ирана в области ядерных технологий, то оно началось с подписания в 1992 г. протокола о сотрудничестве в области атомной энергетики. В рамках соглашения Китай поставил оборудование и ядерные установки для научно-исследовательской работы. В 1993 г. также было подписано соглашение о строительстве двух ядерных реакторов в Иране. Однако в 1997 г. в результате переговоров США и Китая, а также в результате потепления китайско-американских отношений, Китай принял решение о прекращении участия в иранской ядерной программе.

Как мы видим, любая попытка Ирана привлечь иностранных партнеров к реализации своей ядерной программы заканчивалась неудачей, главным образом из-за позиции США, обращенной против государств, выказавших готовность сотрудничать с Ираном. Однако с 1989 г. наметились реальные принципиальные улучшения в российско-иранских отношениях, что открыло перед Ираном и Россией новые перспективы взаимовыгодного сотрудничества, в том числе и в ядерной сфере.

УЧАСТИЕ РОССИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА

Долгосрочная программа научно-технического сотрудничества была подписана между СССР и Ираном еще в 1989 г. Она заложила основы будущих российско-иранских отношений, в том числе и в области ядерной программы. В 1992 г. было также подписано соглашение об использовании ядерной энергии в мирных целях[12]. В рамках соглашения планировалось проектирование, строительство и эксплуатация ядерных реакторов, а также промышленное производство материалов и компонентов для их функционирования. Также позже были достигнуты договоренности и в области обучения иранского персонала. Однако в результате сбоев в сроках выполнения контрактов по ядерной программе между Россией и Ираном, проекты не были завершены в срок. Так, например, АЭС в Бушере должна была быть завершена по договору за 55 месяцев, но реально была достроена и запущена только в 2011 г.

Иранская ядерная программа стала одним из основных дискуссионных вопросов российско-американских отношений. Через призму российско-иранских отношений США рассматривают практически весь комплекс своих отношений с Россией и, прежде всего, это касается сотрудничества в области высоких технологий. И даже несмотря на то, что в 1995 г. Россия отказалась от поставок в Иран технологий и оборудования, необходимых для создания в стране инфраструктуры обогащения урана, США и Израиль по-прежнему выражают крайнюю неудовлетворенность и обеспокоенность сотрудничеством России и Ирана в ядерной сфере.

Для России сотрудничество с Ираном является очень важным с точки зрения укрепления своих позиций в регионе

На протяжении всего времени сотрудничества в области ядерных технологий России и Ирана от США исходили множественные угрозы применения санкций против российских предприятий, имеющих, по мнению США, отношение к развитию Иранской ядерной программы. За период 1998-99 гг. были наложены санкции на 13 российских предприятий[13]. Другим важным фактором подобной политики США в отношении российско-иранских отношений, является давление израильского лобби на руководство США. Для Израиля на сегодняшний день основным противником является именно Иран и соответственно он всеми силами пытается достичь отмены договоренностей между Россией и Ираном в ядерной сфере. Также стоит отметить, что Израиль считает именно Россию главным партнером Ирана в реализации программы создания ядерного оружия и средств его доставки.

Однако что касается непосредственно российско-иранского партнерства в области ядерной энергетики, то оно сопряжено с определенными проблемами с выполнением своих обязательств, что, несомненно, может повлиять на дальнейшее политическое, экономическое и научно-техническое сотрудничество между двумя странами. Еще большей проблемой для России может стать возможное подтверждение факта того, что Иран действительно ведет разработку ядерного оружия в обход международного законодательства. До 2005 г. основной проблемой был договор о возврате в Россию отработанного ядерного топлива, которое могло бы быть использовано в создании ядерного оружия. Хотя Иран

пока и не обладает технологиями, необходимыми для создания оружейного плутония из отработанного ядерного топлива, такая угроза существует, что подтверждается стремлением Ирана к созданию замкнутого ядерного топливного цикла. Однако в 2005 г. эту проблему все-таки решили, и Иран дал согласие на возврат отработанного топлива[14].

Несмотря на подозрения в прикрытии Ираном разработки ядерного оружия гражданской ядерной программой, развитие последней носит объективный характер и достигла определенных результатов. Учитывая то, что потребление энергии в Иране растет ежегодно на 8% и то, что она полностью обеспечивается ТЭС, работающими на нефтехимии, можно сделать вывод, что Иран действительно нуждается в атомной энергетике. Конечно, с точки зрения экологической безопасности атомная энергетика является важной не только для Ирана, но и для всего мирового сообщества. Использование ископаемых видов топлива для выработки электроэнергии является недопустимым. При подобном росте энергопотребления в Иране, через определенное время вся добытая нефть будет уходить на обеспечение энергопотребления, что приведет к уменьшению прибылей от экспорта нефти. Именно этот фактор сегодня толкает Иран к развитию гражданской ядерной программы, а это достаточно сложно осуществлять без иностранной технической поддержки и в условиях международного давления.

Для России сотрудничество с Ираном является очень важным с точки зрения укрепления своих позиций в регионе, а также потому, что Иран является крупным и в то же время перспективным импортером российской высокотехнологичной продукции. Стоит отметить, что в настоящее время Россия является крупнейшим игроком на иранском рынке высоких технологий, в том числе и на рынке ядерных технологий, хотя существует потенциальная вероятность конкуренции со стороны ЕС, а именно Германии, Франции и Великобритании, которые стремятся играть активную роль посредников в урегулировании Иранской ядерной проблемы.

То, что в 2006 г. Иран начал работы по самостоятельному обогащению урана и создания производства ядерного топлива, которое может быть использовано в военных целях, стало рубежным моментом в российско-иранских отношениях. С одной стороны, Россия выступала за недопустимость применения «двойных стандартов» в отношении ядерной программы Ирана, настаивала на невозможности военного разрешения

иранского кризиса. Россия также посчитала нецелесообразным применение серьезных политических и экономических санкций в Иране. С другой стороны, Россия категорично выступила за нераспространение ядерного оружия и за достижение прекращения обогащения урана Ираном, а также за прекращение строительства реактора на тяжелой воде. Таким образом, начиная с 2006 г., Российская позиция по ядерной программе Ирана стала сближаться с Западной, чему также способствует дальнейшая радикализация иранской политики в отношении ядерной программы.

Еще одной проблемой является обнаружение в Иране, мощностей по обогащению урана

Очевидным является тот факт, что дальнейшее развитие иранской ядерной программы и российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики зависит скорее не от уровня научно-технических и экономических возможностей Ирана и не от уровня российско-иранских межгосударственных взаимоотношений. Это скорее зависит от международной политической ситуации в целом. Однако США так и не смогли доказать факт экспорта в Иран китайских или российских технологий для разработки и производства ядерного оружия. Начиная с 1979 г., Иран сотрудничал в области поставок вооружений с такими государствами как Аргентина, Бразилия, Вьетнам, Израиль, Индия, Исландия, Италия, Китай, Ливия, Сирия, Нидерланды, Пакистан, Польша, Португалия, КНДР, СССР, Тайвань, Франция, Чехословакия, Чили, Швейцария, Швеция, Эфиопия, Южная Корея, Япония[15]. При всем этом сложно доказать, что ни одно из этих государств не предоставляло Ирану технологии, которые могут быть применены в военной ядерной программе.

Еще одной проблемой является обнаружение в Иране, мощностей по обогащению урана. В 2003 г. в Иране были обнаружены или раскрыты самим иранским руководством практически все ядерные предприятия, известные сегодня. После этого был достигнут ряд соглашений с Ираном о прекращении работ на некоторых предприятиях до достижения договоренностей по ядерной программе, однако после избрания Ахмадинежада президентом, все объекты были вновь открыты, а также были сделаны заявления о начале промышленного обогащения урана, но при заверении о мирной направленности программы.

В этой обстановке Россия прекрасно понимает стратегическое значение Ирана как одного из факторов своего влияния на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В то же время российско-иранским политическим отношениям присуща некая противоречивость. С одной стороны Иран является ключевым партнером России по противодействию радикальным суннитским и ваххабитским группировкам в Центральной Азии и на Северном Кавказе в частности. Также Россия и Иран совместно выступают против внерегионального вмешательства в дела Центральной Азии, особенно в районе Каспия. С другой стороны радикализация иранской идеологии, его провокационная антизападная и антиамериканская политика усугубляет и без того напряженную ситуацию в регионе, что для России означает угрозу безопасности своих границ и дестабилизацию ситуации в случае военного конфликта.

Серьезные опасения, вызванные ядерной программой Ирана, а именно программой по обогащению урана, заключаются в том, что в стране недостаточно мощностей для мирного использования обогащенного урана, так как единственный энергетический реактор предполагается полностью обеспечить российским ядерным топливом[16]. Строительство же других подобных объектов не подтверждается практическими действиями. Также опасение вызывает и параллельно развивающаяся иранская ракетная программа. Ввиду возможного выхода Ирана из ДНЯО и создания собственного ядерного оружия, Россия выступает против создания в Иране замкнутого цикла по производству ядерного топлива, что могло бы стать основой создания ядерного оружия. Однако, в то же время, в России считают, что иранское руководство еще не приняло окончательное решение о создании ядерного оружия. Также Россию беспокоит возможность того, что, следуя иранскому примеру, оружие могут попытаться создать такие государства, как Турция, ОАЭ, Египет, Алжир и другие. Вместе с тем, Россия выступает против силового разрешения проблемы, а также против введения экономических или политических санкций, которые могут привести к ухудшению материального благосостояния иранского народа. Однако дальнейшая политика Ирана по строительству новых ядерных объектов сильно подорвало доверие России к Иранской ядерной программе, что привело к присоединению России к некоторым санкциям против Ирана и к резкому ухудшению политических отношений между двумя странами, что, однако, не должно мешать России продолжать активную политику

по разрешению сложившейся ситуации, что отмечено в Концепции внешней политики РФ от 12 февраля 2013 г[17].

ПОЗИЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ ПО ВОПРОСУ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА

Ситуация вокруг иранской ядерной проблемы является сложной и напряженной. Определяющим фактором, оказывающим влияние на ее развитие, являются принципиальные разногласия между Ираном и ведущими государствами мирового сообщества в оценках целей и хода иранской ядерной программы, а также нежелание Тегерана выполнять требования СБ ООН о прекращении деятельности по обогащению урана. Самыми заинтересованными в решении данной проблемы государствами и, соответственно, оказывающими наибольшее влияние на обстановку, являются Израиль, США, Россия, страны ЕС и Китай.

Израиль, как региональная сверхдержава, возможно, в наибольшей степени заинтересован в решении Иранской ядерной проблемы. Самой большой проблемой для Израиля является доказательство факта ведения разработки ядерного оружия Ираном. Это связано с тем, что уничтожить ядерное оружие будет гораздо проще на стадии его создания, нежели в уже готовом виде. Для проведения упреждающего удара нужны неопровержимые доказательства, однако получить их крайне трудно. Заставить же Иран политико-экономическими методами самому ликвидировать свои ядерные боеприпасы не представляется возможным, так как политическая элита достаточно консолидирована, а население страны всячески поддерживает идею развития ядерной программы. Однако в целом сегодня существует система взаимного сдерживания между Ираном и Израилем. Иран ясно осознает возможность военного удара со стороны Израиля, в том числе и с применением ядерного оружия. Израиль же свою очередь осознает возможность передачи Ираном ракет дальнего радиуса действия таким радикальным группировкам как ХАМАС и Хезболла, а также подтолкнуть их к массированному удару по Израилю. Также стоит отметить, что и в случае нанесения упреждающего удара Израиля по ядерным объектам Ирана не сможет уничтожить их полностью, что только еще больше подтолкнет иранское руководство к ускоренному созданию ядерного оружия.

Что касается **США**, то они на протяжении долгого времени уделяли самое пристально внимание Ближнему Востоку, что частично вызвано

огромными запасами энергоресурсов. США постоянно стремились усилить свое присутствие в регионе, в том числе и военное, что также привело и к укреплению позиций Израиля. Однако это привело к острой конфронтации с рядом арабских государств, имеющих яркую антиамериканскую позицию, такими как Сирия и Иран. Возможность приобретения Ираном ядерного оружия является для США одной из ключевых проблем в этом регионе, ведь это означало бы появление новой ядерной державы в регионе и, следовательно, вызвало бы сложности с реализацией безоговорочного доминирования там США. В своем стремлении проведения стратегии смены режима и продвижения демократии, США только укрепили позиции Ирана по развитию своей ядерной программы. Однако им удалось реализовать в Совете Безопасности ООН несколько проектов санкций против Ирана (резолюции 1737, 1747, 1803, 1929). Но наибольшую опасность представляют возможные односторонние силовые действия США и Израиля без одобрения Совета Безопасности ООН, что также еще более усугубит и без того напряженную ситуацию. Как уже говорилось выше, надежды на полное уничтожение иранских ядерных объектов одним ударом нет, а это только спровоцирует Иран к производству ядерного оружия.

В отличие от США политика стран **ЕС** в отношении Ирана является скорее направленной на сотрудничество, нежели на конфликт. ЕС обеспокоен общей нестабильностью всего региона. В связи с этим Иран воспринимается странами ЕС как потенциальный источник стабильности и влияния на ситуацию в регионе. А это означает не только возможность положительного влияния Ирана на состояние конфликтов в регионе, но и то, что сотрудничество с ним может быть крайне выгодным. Стоит также отметить, что товарооборот между Ираном и рядом европейских государств, таких как Германия, Италия, Франция и Испания, постоянно растет. Также растет и заинтересованность ЕС в энергоресурсах ввиду роста их потребления. К иранской ядерной проблемы наибольший интерес проявляет так называемая «Большая тройка» в составе Великобритании, Франции и Германии. С 2003 г. между Ираном и большой тройкой начался переговорный процесс, направленный на нормализацию отношений Ирана с ЕС, а также для установления сотрудничества в области экономики, политики и безопасности. Однако с приходом к власти Махмуда Ахмадинежада в 2005 г. начался процесс ухудшения европейско-иранских отношений, а отсутствие конкретных

предложений Ирану со стороны большой тройки привело к тому, что иранское руководство в одностороннем порядке прекратило переговорный процесс, а решение иранского руководства продолжить развитие мощностей по обогащению урана еще больше усугубило проблему. Тем не менее, ЕС пытался наладить диалог и в обмен на широкомасштабное экономическое сотрудничество, надежду убедить Иран отказаться от работ по обогащению урана, но ощутимых результатов они так и не смогли добиться. В результате против Ирана был принят ряд санкций и ЕС взял курс на ужесточение европейского подхода к решению иранской ядерной проблемы.

Китай является одним из ведущих торговых партнеров Ирана. Иран же, в свою очередь, обеспечивает 11% потребностей Китая в нефти[18]. Исходя из важности для Китая отношений с Ираном, китайское руководство достаточно сдержанно относится к попыткам введения новых санкций против Ирана. Руководство Китая считает, что подобное давление на иранское руководство с целью решения ядерной проблемы недопустимо. С их точки зрения, подобные проблемы должны решаться исключительно дипломатическими методами, то есть в первую очередь путем переговоров. Китай выступает за предоставление возможности Ирану обогащать уран на своей территории, но под жестким контролем МАГАТЭ. Китайское руководство полагает, что политика США и Израиля по этому вопросу лишь подталкивает руководство Ирана пойти по пути создания ядерного оружия, а вариант силового разрешения проблемы является неприемлемым. Однако позиция Китая по данной проблеме целиком и полностью зависит от американо-китайских отношений. Пока США продолжает поставлять вооружения Тайваню, а также проводит встречи с лидером Тибета, надеяться на поддержку Китая по вопросу введения новых санкций в отношении Ирана нельзя. Можно утверждать, что, несмотря на важное место Ирана во внешней политике Китая, последний будет вести крайне осторожную политику в отношении Ирана до стабилизации ситуации по ядерной проблеме для поддержания партнерских отношений со странами ЕС. Китай придерживается такой политику из-за нежелания ухудшить отношения с Западом. Китай займет активную позицию по защите Ирана только в том случае, если будут затронуты его жизненно важные интересы, например, если под угрозой окажутся поставки ресурсов.

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ ИРАНСКОИ ЯДЕРНОИ ПРОБЛЕМЫ

Хотя сегодня нет единого мнения мирового сообщества о том, как решить иранскую ядерную проблему, существует определенное множество путей ее решения. Прибегая к поисковому политическому прогнозу, можно нарисовать несколько сценариев:

1. Сценарий признания. Признать за Ираном статус ядерной державы, обладающей ядерным оружием. Выбор этого пути решения проблемы может привести к тому, что, во-первых, это даст прецедент другим государствам обзавестись своим собственным ядерным оружием, а во-вторых, для этого потребуется отмена ряда резолюций Совета Безопасности ООН в отношении Ирана, связанные с обогащением урана и выработки плутония. Последнее нанесет серьезный удар по международному статусу СБ ООН, а это может вылиться в новые беспорядки на международной арене.

2. Компромиссный сценарий. Убедить Иран не создавать замкнутый цикл по производству ядерного топлива в обмен на определенные привилегии, а именно восстановления экономических отношений, обеспечения Ирана технологиями, а также предоставления Ирану гарантий безопасности от внешней агрессии при ужесточении контроля со стороны контролирующих организаций за ходам ядерной программы.

3. Силовой сценарий. Провести силовую операцию по ликвидации ядерной инфраструктуры Ирана. Подобный сценарий развития проблемы активно прорабатывает США и Израилем. В первую очередь рассматривается возможность ракетно-бомбового удара по ядерным объектам на территории Ирана. Однако тут необходимо учитывать ряд факторов. Во-первых, все иранские ядерные объекты хорошо защищены, во-вторых, с уверенностью можно сказать, что часть объектов уцелеет, а руководство Ирана убедится в необходимости создания ядерного оружия, в-третьих, незамедлительно последуют ответные действия и будет развязан очередной конфликт, а также усугубятся уже существующие. Стоит отметить, что Иран сможет оказать ощутимое влияние на ситуацию в Афганистане и Ираке, повлиять на ход израильско-палестинского конфликта, а также подтолкнуть ряд экстремистских организаций к активной деятельности против США. При проведении подобной операции, существует большая вероятность того, что одних ракетно-бомбовых ударов не хватит, что потребует проведе-

ния наземной операцию по зачистке, а это, в свою очередь, грозит США ввязыванием в очередной долгосрочный конфликт, в котором потери их будут несравнимо выше, чем в ходе иракского конфликта ввиду существенного военного потенциала Ирана. Другой проблемой является то, что для переброски наземных сил в Иран у США нет надежного плацдарма для вторжения в Иран, а среди союзников они смогут рассчитывать лишь на Израиль. Маловероятно, что государства Персидского залива, имеющие общины шиитов и этнических персов на своей территории, с энтузиазмом отнесутся к подобной акции. Также не стоит сбрасывать со счетов и фактор арабской солидарности.

4. Революция-сценарий. Еще одним средством решения проблемы, разрабатываемом в США какое-то время, была идея проведения своего рода «цветной революции» в Иране путем поддержки оппозиционных группировок в Иране с целью свержения действующего режима[19]. Однако подобная стратегия не сможет принести желаемых результатов в короткие сроки, ввиду отсутствия в Иране серьезной оппозиции, а политические силы, недовольные существующим положением дел в стране, скорее недовольны определенными группами, находящимися у власти, а не режимом в целом. Также усугубление ирано-американских отношений привело бы только к еще большему сплочению иранского народа вокруг правящей элиты, а в таких условиях любые либеральные группировки будут рассматриваться как предатели интересов народа.

5. Сценарий экономических санкций. Сегодня основным методом, использующимся для оказания давления на иранское руководство, являются экономические санкции. В первую очередь это санкции со стороны США. Их действия в первую очередь направлены на ущемление правящего режима, а также на принуждение крупных компаний к сворачиванию своей деятельности на территории Ирана. За последнее время с иранского рынка ушли французская Total, российская ЛУКОЙЛ и некоторые другие[20]. Применение подобных санкций против Ирана противоречит международному праву. Однако благодаря СБ ООН США удалось придать определенную легитимность подобным действиям. Так с 2006 г. в отношении Ирана был принят ряд резолюций (1737, 1747, 1803, 1929) вводивших определенные санкции[21]. В основном они касались передачи или продажи технологий, которые могут быть использованы для создания ядерного оружия, технологий, которые могут быть использованы для создания средств доставки, а также опре-

деленных лиц и организаций, связанных с подобной деятельностью. Важно сказать, что, даже не смотря на подорожание нефти на мировом рынке и предпринимаемые руководством Ирана шаги по стабилизации экономической ситуации в стране, эти санкции на фоне неэффективной экономической политики Ирана уже привели к негативным результатам. Так наблюдаются высокие темпы инфляции, рост безработицы и рост потребительских цен. Также сказался и мировой экономический кризис, что в общей сложности снизило ежегодные темпы экономического роста Ирана с 8 до 3%, а это грозит Ирану возможностью социального взрыва[22]. Несмотря на то, что Россия и Китай, негативно относятся к подобным методам давления на Ирана, но излишняя неуступчивость последнего все больше подталкивает международное сообщество к введению новых санкций. Не смотря на то, что подобные санкции направлены в первую очередь против правящей элиты, но косвенно они приводят к снижению уровня жизни иранского народа ввиду снижения темпов экономического роста и роста закупочных цен на ряд товаров. Таким образом, если иранское руководство примет решение о создании ядерного оружия, то никакие санкции не смогут остановить этот процесс. Санкции могут оказать значительное влияние лишь в случае серьезного снижения общемировых цен на нефть, что вынудит Иран ввиду угрозы экономического краха искать пути нормализации отношений с Западом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее время переговорный процесс мирового сообщества с Ираном идет недостаточно активно и в целом безрезультатно. Ситуация вокруг Ирана остается крайне сложной. Ограничительные меры в отношении Ирана в виде санкций до настоящего времени пока не привели к изменению подходов иранского руководства к вопросам ядерной проблематики. Также недостаточная гибкость Тегерана и отсутствие готовности к достижению компромиссов создает предпосылки еще большей напряженности. В то же время сосредоточение мировым сообществом и, прежде всего США, усилий на ужесточении режима санкций свидетельствует об отсутствии намерений со стороны США начинать войну для решения иранской «ядерной проблемы». Хотя позиция Израиля остается по-прежнему крайне жесткой, но он не имеет возможности полностью ликвидировать иранскую ядерную программу. Израиль, конечно, может разбомбить некоторые объекты, но, поскольку

они расположены по всей стране и глубоко под землей или под скалами, то полностью уничтожить своими силами Израиль их не сможет. США же в данный момент находятся не в том положении, чтобы в этом участвовать. Поэтому, израильский удар вряд ли сможет привести к тому, что Иран был бы окончательно обезоружен в плане создания бомбы. Скорее это как раз привело бы к тому, что Иран бы без всякого контроля с удвоенной скоростью взялся бы за создание настоящей бомбы. Израильское правительство, несомненно, это понимает, также оно понимает, что не стоит загонять Иран в угол, что только облегчило бы ему проблему решения вопроса о создании ядерного оружия и задачу мобилизации общественного мнения. Потому что в Иране, как уже было сказано, эта ядерная программа стала национальной идеей.

Для решения ядерной проблемы Ирана необходимо единство позиций среди постоянных членов Совета Безопасности. Стоит отметить, что санкции СБ ООН также начинают работать. Это серьезный фактор давления на иранские политические круги, это вынудит их идти на определенный компромисс. Однако при использовании санкций нужно не забывать и о переговорном процессе, а также о постоянных попытках поиска компромисса.

Сложно сказать, нужна ли Ирану атомная бомба, и собирается ли он ее создать. Однако крайне маловероятной является возможность агрессии Ирана против Израиля даже с учетом недружественной риторики. Скорее всего, иранское руководство планирует довести свой ядерный потенциал до состояния «пятиминутной готовности» от создания ядерного оружия и остановиться, чтобы дать понять мировому сообществу, что в случае чего им останется только один шаг до создания ядерного оружия. Это дало бы Ирану доминирующие позиции на Ближнем Востоке. Кроме того, это бы дало им возможность обезопасить себя и гарантировать себе неприкосновенность от Израиля и США.

В пользу этого говорят ряд факторов. Прежде всего, стоит отметить, что Иран отклонил предложения России о проведении процесса обогащения урана на ее территории с тем, чтобы потом отправить обогащенный уран во Францию и в виде уже готовых стержней отправить обратно в Иран. Это объясняется тем, что иранское руководство не хочет контроля, а также потому, что мировое сообщество бы не позволило им обогащать уран выше 20%. Поэтому, можно говорить о том, что политического решения о создании атомной бомбы в Иране еще не принято.

Тем не менее, во многом на развитие ситуации в Иране повлияют итоги гражданской войны в Сирии. Падение режима Асада равно как и начало полномасштабного вторжения на территорию Сирии приведет к серьезному ослаблению позиций Ирана в регионе, который в таком случае потеряет одного из своих ключевых союзников и станет более уязвимым для военного удара со стороны Израиля, который наверняка заручится поддержкой стран НАТО. В случае же сохранения в Сирии дружественного Ирану режима, с моей точки зрения, более вероятен компромиссный сценарий, описанный выше. Мировое сообщество будет вынуждено искать пути дипломатического урегулирования вопроса Иранской ядерной программы во избежание начала крупного регионального конфликта. МП

Примечания

[1] С.Н. Саруханян. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. – М.: Ин-т Ближнего Востока, 2007, с.14.
[2] Там же, с.71.
[3] В.В. Евсеев. Военно-политические аспекты иранской ядерной проблемы. – М.: ИПРАН, 2010, с.15.
[4] С.Н. Саруханян. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. – М.: Ин-т Ближнего Востока, 2007, с.39.
[5] В.В. Евсеев. Военно-политические аспекты иранской ядерной проблемы. – М.: ИПРАН, 2010, с.16.
[6] Данная информация была обнародована первым руководителем ОАЭИ Акбаром Этемадом в 1987 г.
[7] С.Н. Саруханян. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. – М.: Ин-т Ближнего Востока, 2007, с.50.
[8] Евсеев Владимир Валерьевич. Кто создавал в Иране ядерную инфраструктуру? http://ru.ino-ppic.ru/documents/kto-sozdaval-v-irane-yadernuyu-infrastrukturu-chas/
[9] В.В. Евсеев. Военно-политические аспекты иранской ядерной проблемы. – М.: ИПРАН, 2010, с.18.
[10] С.Н. Саруханян. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. – М.: Ин-т Ближнего Востока, 2007, с.52.
[11] С.М. Задонский. Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – М.: ИИИБВ, 2002, с.84-85.
[12] С.Н. Саруханян. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. – М.: Ин-т Ближнего Востока, 2007, с.89.
[13] С.Н. Саруханян. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. – М.: Ин-т Ближнего Востока, 2007, с.113.
[14] Там же, с.127.
[15] Ермаков С.М. Перспективы развития вооруженных сил Ирана. Иран в современном мире. – М.: РИСИ, 2003, с. 94.
[16] В.В. Евсеев. Военно-политические аспекты иранской ядерной проблемы. – М.: ИПРАН, 2010, с.128.
[17] Концепция внешней политики Российской Федерации; Положение 89. http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f
[18] В.В. Евсеев. Военно-политические аспекты иранской ядерной проблемы. – М.: ИПРАН, 2010, с.135.
[19] В.В. Евсеев. Военно-политические аспекты иранской ядерной проблемы. – М.: ИПРАН, 2010, с.189.
[20] Там же, с.197.
[21] Там же, с.200.
[22] Там же, с.207.

Влияние национальной идеи на формирование политического сознания граждан России и стран ближнего зарубежья

А.Е. Щегловитов

Распад социалистической системы, произошедшийв конце 1980-х — начале 1990-х гг.,помимо ряда геополитических изменений, инициировал процессы, связанные с трансформацией национальной идеи в пятнадцати бывших республиках Советского Союза. По прошествии более 20 лет можно констатировать, что дляних проблема поиска и формирования политических ценностей,объединяющих граждан внутри каждого из пятнадцати образовавшихся государств, по-прежнему острая и актуальная.

Опыт постсоветского пространства в этом направлении уникален, поскольку в новых государствах, в силу их исторической и геополитической специфики, вырисовались очертания моделей политических ценностей и предпочтений граждан, отличающихся друг от друга. При этом, до сих пор формирование национальных идей претерпевает значительную трансформацию и имеет незавершенный характер. Это происходит во многом, с одной стороны, из-за споров и противоречий по поводупоиска идеологических, ценностных, политических предпочтений, связанных с разнообразием взглядов различных групп граждан на национальные традиции, идентичность и историческую память. С другой стороны, важнейшим фактором, оказывающим влияние на политическое сознание граждан России и стран Ближнего зарубежья,являетсягеополитическая обстановка и положение их государств в макрорегионе, что, в свою очередь, обуславливает поиск главнейших функциональных предназначений, внешнеполитических миссий.

А.Е. Щегловитов Аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

На процесс формирования политического сознания влияет система политических ценностей, сложившихся под воздействием религиозной, культурной и языковой традиции, ментальности и этнических особенностей народонаселения, исторической трансформации государственности, взаимоотношений с окружающими этническими и гражданскими общностямии многими другими.В период существования СССР особенностью влияния перечисленных элементов на формирование гражданского политического сознания было то, что партийно-государственный механизм обладал монополией в утверждении национальной идеи государства. Здесь первостепенное значение имел феномен идеологии, которая доминировала в системе предпочтений граждан: религиозных, культурных, идентификационных, национальных. Идеология стала генерировать тип политического участия, политической культуры и электорального поведения, формируя массовое политическое сознание граждан.

С развитием глобального информационного общества возник дефицит информации, связанный с идеологической фильтрацией и преобладанием единственной ценностной модели, подкрепляемой мощью государственной машины. Отсутствие возможности распространения иных ценностей, не связанных с существовавшей политической системой, ограничивало стремительно развивавшееся информационное поле. Наступил период переосмысления ценностей и плюрализма идеологических моделей, что и привело к фракционности политических элит, дезориентации политического самосознания граждан и, в конечном итоге, к пониманию обществом в постсоветских странах необходимости поиска новых объединяющих каждое государство ценностей, оформления их в общегражданские, национальные идеи.

В СССР идеология имела такое значение, что под ее влиянием была культивирована большая надэтническая гражданская нация – советская общность людей, «советский народ». Используя определение идеологии, данное Э. Шилзом, социалистическая идеология и стала для советского общества«системой ценностей, выступающих в качестве политического мировоззрения, обладающего силой веры и большим ориентационным потенциалом».[4]

Таким образом, кризис политического сознания граждан на постсоветском пространстве вызван, с одной стороны, отменой обязанности для общества следовать курсу государственной идеологии, с другой стороны тем, что общность граждан стала определяться новыми границами от-

дельных государств, явившись осколками ранее существовавшего «советского народа». Советская общность была объединена не только надэтнической системой ценностей, ее существенной«скрепой»былтакже русский язык, культурные ценности, в основе которых лежала русская культурная традиция и которая оставилатот или иной след в сознании народов бывшего Советского Союза.

Сегодня для России внятная национальная идея — это не просто необходимый фактор усиления ее государственности

Определяя «нацию» как двуединство гражданского общества и государства, можно выделить два основных актора, максимально влияющих на формирование национальной идеи как системы политических ценностей — институт государства и государствообразующее (нациообразующее) ядро его народонаселения.

В ряде постсоветских государств системы национально-политических ценностей формируются на основемоноэтнического и монокультурного характера гражданского сознания. В их случаяхэтническая традиция и родной язык наряду с антропологическим сходством граждан остались важными скрепляющими факторами, которые легли в основу национальной идеи.

Гораздо сложнее происходит формирование политического сознания граждан Украины, Молдовы, отчасти Казахстана и других, население которых имеет мультиэтническую культуру. При этом, национальные традиции сильно переплетены с русской культурной традицией, русским языком, что в одних случаях объединяет народонаселение и разрешаетпротиворечия по поводу тех или иных политических ценностей (Беларусь), а в других приводит к общественно-политическим конфликтам.

В России трансформация системы политических ценностей происходит под влиянием смены всеобщей идеологической идентификации на идентификацию по признаку обладания гражданством. Мультиэтническое российское общество, помимо дифференциации по этнокультурным и религиозным традициям, разделилось еще и по идеологическим предпочтениям — на приверженцев демократических рыночных перемен, либеральных ценностей,сторонников социалистических идей, идеи «суверенной демократии» и многих других. Однако, важнейшими факторами, связывающими различные группы граждан и выступающими в роли

всеобщего идентификатора остаются русская культурная традиция и русский язык.

Кризис, связанный с формированием единой гражданской общности и политического самосознания в России преодолевается во многом за счет того, что острые гражданские противоречия и конфликты, имевшие место в 1990-х и начале 2000-х гг., «законсервированы». Во многом это произошло благодаря усилиям государственной власти, в интересах которой является установление гражданского согласия на едином политическом пространстве России. При этом, сформировавшаяся в сознании граждан постсоветская система политических ценностей так и не оформилась в единую непротиворечивую национальную идею, а политическое руководство осторожно делает акцент на установлении «общероссийского патриотизма» в качестве замены идеологических ценностей Советского государства.[3]

Сегодня для России внятная национальная идея – это не просто необходимый фактор усиления ее государственности. Оформление такой идеи в виде приемлемой для всего общества модели политических ценностей – это важное функциональное предназначениестраны. И если мнение критиков российской государственности основано на тезисе, что: «у России сегодня так и не появилось миссии, кроме как «мы продаем газ», то обоснованием антитезисов возможно при анализе ситуации, в рамках которой внутриполитическая миссия России еще не завершена. Ведь без этого условия невозможно стать тем субъектом мировой политики, который осуществляет глобальную мировую миссию, наподобие, например, миссии Соединенных Штатов Америки: «Мы несем демократию».

В связи с этим, задача российского государства и общества на ближайшее время должна заключаться в том, чтобы окончательно сформулировать в виде универсальной и внятной формулы ту идею, те символы и смыслы, которые на протяжении более 1000 лет лежат в основе российской государственности, объединяют народонаселение страны. В разное время они были сформулированы в виде различных формул, в зависимости от исторических событий и политических обстоятельств. Но под воздействием внутренних и внешних факторов часто испытывали трансформацию. В периоды угроз существованию государства и народонаселению России вовремя сформулированная идея, а главное, правильно, максимально точно отражающая ключевые категории, которыми народ в текущую эпоху мыслит, не раз спасала Россию от распада или уничто-

жения. Такая идея объединяла разрозненные локальные культурные, этнические общности, социальные страты и политические группировки.

Нынешний исторический период специфичен тем, что этнические границы в мире и внутри государств размываются столь стремительно, как никогда ранее. Этому причиной — процессы глобализации в отношении культур и экономик. Еще один фактор, усложняющий задачу по формированию объединяющей национальной идеи — это светский характерроссийского государства, поскольку народ России не только многонациональный, но и многоконфессиональный, и культивировать какую-то религию в качестве всеобщей и государственной невозможно.

На предшествующих важнейших этапах развития ядро российской государственности формировалось в соответствии со слоганами«За православную Веру!» («За Бога, Царя и Отечество!»; «Самодержавие, Православие и Народность!») или «За коммунизм!» («За Родину, за Сталина!»). Важнейшими составными элементами этих формул были царь (самодержавие), олицетворявшие государственную власть.Девиз«За Сталина!..» также олицетворял правящий режим государства, воплощенный в персоне «национального лидера». Кроме того, элементом объединяющих формул была система ценностей — т.е. вера или идеология (православие, коммунизм).[1]

Сегодня вышеуказанные лозунги утратили актуальность в качестве основы политических ценностей большинства граждан и остались только частицей исторической памяти. Однако такие символы как «Родина», «Отечество», «Народность», оставшиеся в исторической памяти, оставляют возможность вычленить тот базовый элемент, который и сплачивал страну не на государственно-управленческом, а на общественно-политическом уровне. По нашему мнению, таким элементом является «русскость».

Исторически феномен русскости всегда распространялся дальше этнических рамок. Государственное образование и самоназвание народа «Русь» вобрала в себя различные племена, как славянские, так и смешанные славяно-балтийские и финно-угорско-славянские этнические группы. Любой подданый Российской империи, исповедовавший православие, мог идентифицироваться как «русский», а в советский период гражданин СССР, обладавший степенью социализации, в основе которой был русский культурно-языковой код, идентифицировался как советский человек. Однако от смены самоназвания смысл не изменился.

Таким образом, в феномене «русскость» воплощено уникальное свойство – это идентичность, имеющая культурно-языковые, ментальные, историко-традиционные характеристики, распространяющиеся за рамками этнического славянства. Традиции отдельного обозначения надэтнической, «российской» общности нет практически ни в одном языке мира, и граждан России, как и в прошлом советских граждан, идентифицировали как «русские»вне зависимости от их этнического происхождения.

Исторически феномен русскости всегда распространялся дальше этнических рамок

Исторически прослеживается непротиворечивость и даже некая синонимичность понятий «российский» и «русский». Разница лишь в аспектах их применения. Если обратиться к семиотике идентификаторов «русский» и «российский», использовавшихся в период империи, то чаще всего можно наблюдать применение слова «российский» при наименовании атрибутов государства (российский герб, российский император), но в то же время словом «русский» обозначались явления, связанные с народными атрибутами (русский народ, русский царь (народный), русский язык, русская культура).

Однако, многие граждане современной России по-прежнему предпочитают идентифицировать культурно-ментальный код, носителем которого они являются, как «российский» либо «не русский», противопоставляя или отделяя его от русскости. Такая ситуация, на наш взгляд, тормозит складывание национальной идеи в рамках общей задачи нациестроительства, в основе которой, помимо политических, должны быть и общие культурно-исторические, ментальные ценности, выраженные в неких символах, а также в общем самоназвании и языке. Указанные общие признаки не противоречивы и в отношении декларируемыхгосударственной властью мультикультурности и мультилингвизму.

«Для внешнего мира различий в содержании «русский» и «российский» нет. Слово «Russian» относится в английском языке к обоим идентификаторам...В России же содержание понятий исторически менялось. Сегодня этноним «русский» выступает в качестве этнического идентификатора, тогда как «российский» – общегражданского».[5] В сознании этнических групп, составляющих как не славянское народонаселение России, так и славянскую этноязыковую общность, в качестве

самоидентификации укоренилось обозначение «не русский», отделяющее от русскости их представителей лишь на основе этнического фактора, не беря в расчет то, насколько яркими носителями русскостиони являются, сужающее это понятие до этнических рамок, что, в итоге, приводит к когнитивному диссонансу многих представителей этих народов.

В основу национальной идеи могла бы быть положена особая система ценностей, нивелирующая вышеописанные изъяны в политическом сознании многих граждан России и Ближнего Зарубежья. Также она могла бы компенсировать отсутствие обязательной государственной идеологии.

Целью статьи не является анализ дискуссии по поводу разведения понятий «идея» и «идеология», поскольку и тот и другой феномены в сфере политики выражены в системе политических ценностей граждан государства, что влияет на формирование национальной идеи в целом. Здесь важно другое. Конституционный порядок, сложившийся в России в период после распада СССР более не открывает возможность государству устанавливать единую идеологию, поскольку искусственное внедрение в сознание граждан определенной идеологической или религиозной концепции в качестве общенациональной нарушает демократические основы и принципы. В связи с этим, на первый план выходит анализ возможностей поиска и выработки единой символьной формулы, способной консолидировать граждан вокруг общей системы политических ценностей в качестве национальной идеи.

Основные ее принципы могут заключаться в следующем:

Идентификация «русский», представитель«русского народа», вне зависимости от этнической принадлежности, может относиться к любому гражданину Российской Федерации, а также бывшим гражданам всех государственных образований, ядром которых была Россия, если эти граждане в той или иной степени являются носителями «русскости», осознают это и стремятся сохранить в себе эту идентичность. Конституция декларирует порядок, при котором гражданин сам вправе определять свою национальность. Однако с этим вступают в противоречие общественные стереотипы, которые связывают слово «русский» с этничностью, что вызывает диссонанс и даже психологические комплексы. Выведение самоназвания и идентичности «русский» за этнические рамки (при этом обязательно сохранение его в рамках культурно-исторических, ментальных, языковых, прочих традиций) позволит нивелировать эти противоречия.

Такая система ценностей в форме национальной идеи кардинально повлияла бы и на гражданское политическое сознание, став идейной основой

гражданской нации России. Согласно ее логике,в сознании граждан идентификация «не русский» становится не совсем корректной, а вместо этого корректным становится использование идентификации «не этнический русский». В свою очередь, «этническими русскими» остаются русские славяне, в отношении которых также может использоваться экзоэтноним «славяно-русы» наряду с «русскими». Обретут смысл идентификации, использовавшиеся в досоветский период: «русские немцы», «русские татары» и т.д.

При этом важно, что такая формула гражданственности не должна стать аксиомой («если гражданин России, значит — русский!»). Навязывать подобные идеи государство не должно, да и не имеет правовых оснований. Важно в этом контексте то, что для большой части населения откроется возможность консолидироваться вокруг новой системы общественно-политических ценностей: для тех, кто испытывает кризис идентичности («экссоветские», «младший брат», «коренной и малочисленный народ»), либо под воздействием националистической риторики. То есть, появится не только юридическое, но и историческое, нравственное, идейное обоснование для объединения всех «русскокультурных» граждан.

Основываясь на тезисе: «политическая система есть производная от этнической, и Россия есть политическая система русского этноса»,[2] можно заключить, что «русскость» — это практически единственная идея, вокруг которой формируется общегражданская идентичность подавляющего большинства жителей России вне зависимости от их этнической принадлежности. Отказ от русскости, сведение этого явления в разряд лишь славянской этнической традиции затрудняет, тормозит развитие политического сознания граждан России в рамках единой гражданской, национальной идеи.

Также важно учитывать, что русская культурная идентичность присуща (в той или иной степени) большинству жителей стран-участниц Таможенного Союза, Украины, Молдавии. Привлекательность предложенной модели для ряда стран Ближнего Зарубежья будет зависеть от того, насколько эффективно новая национальная идея повлияет на политическое сознание их граждан. Ведь помимо имеющихся общих финансовых, экономических, энергетических, оборонных задач, у союзников России должен усилиться интерес к политической интеграции, которая не возможна без общей системы духовных и политических ценностей.

Захотят ли вновь партнеры России по Таможенному Союзу использовать русскую язык и культуру в качестве скрепы, объединяющей

Евразийское пространство, будет зависеть и от политической воли российской элиты и от имиджа государства в целом. Для этого российскому обществу необходимо наиболее полно осмыслить процессы, связанные с формированием гражданской нации, а также проблемы, которые мешают завершению данного процесса.

В целом, процесс трансформации «постидеологической» системы политических ценностей в России странах СНГ имеет незавершенный характер. В связи с этим, общество нуждается в особых стимулах для дополнительной консолидации. Таким стимулом может стать национальная идея, которая максимально отражает традиции, культуру, историческую память, этническую структуру народонаселения.

В России одной из моделей политических ценностей представляется сплочение граждан вокруг идеи «русскости» ее населения как системы культурно- языковой и политической, а не только этнической традиции. Став российской национальной идеей эти ценности в перспективе способны повлиять на политическое сознание граждан стран Ближнего Зарубежья, минимизировав отличия политических предпочтений и усилив интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Однако, для данного процесса не менее важное значение имеет роль политических элит и реализация ими соответствующей государственной политики. В России влияние на политическое сознание граждан предложенной политико-ценностной матрицы станет более эффективным при условии стимулирования со стороны государственных и общественных институтов политики поддержки русского языка, культуры, пропаганды общей исторической памяти в политическом сознании граждан. МП

Примечания

1. Кара-Мурза С.Г. Государственная политика нациестроительства в современной России // Материалы научного семинара. Вып. 2 (40). – М., 2011. – с. 7-12.
2. Морозов Е.Ф. Теория Новороссии // Русский геополитический сборник. – 2000. – №1. URL: http://whiteworld.ns-info.ru/rubriki/000102/001/00122008.htm (дата обращения: 21.06. 2013).
3. Стенографический отчёт о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 2010. URL: президент.рф/выступления/9913 (дата обращения: 21.06.2013)
4. Цит. по: Гизатов К.Т. Национальная идеология: В 2 т. – М., 1999. – Т.1, с. 10.
5. Якунин В.И. 1150-летие российской государственности: исторические традиции и вызовы XXI века // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всеросс. науч.-обществ. конф., 19 сентября 2012 г., Великий Новгород. - М.: Научный эксперт, 2013. — с. 27.

Евразийская шахматная доска: Новая «холодная война» США против России

В.И. Дашичев

Под таким названием в ФРГ опубликован фундаментальный труд Бернхарда Роде, насчитывающий 1245 страниц[1]. О громадной работе, проделанной автором, свидетельствует тот факт, что к тексту прилагаются 4885 сносок на различные источники. Предисловие к книге написал французский исследователь теории и практики геополитики Алан де Бенуа.

Труд Роде — взгляд из ФРГ на развал Советского Союза и на обвал России после 1992г в экономической, политической, научной, культурной, нравственной сферах и на роль в этой глобальной трагедии США — представляет собой большой научный и политический интерес. Вместе с тем этот труд дает развернутое представление об особенностях становления и развития геополитической экспансии США с XIX века до наших дней. Но в центре внимания автора находится, естественно, рассмотрение движущих пружин, целей и результативности американской политики и стратегии в отношении России. О направлении и содержании исследования Роде дают представление названия основных глав книги: «Первая «холодная война» США против Советского Союза — борьба за контроль над Евразией», «Эра Рейгана — стремление добиться падения Советского Союза», «Скрытая роль США в процессе разрушения Советского Союза», «Российская политика США в девяностые годы», «Продолжение американской стратегии дестабилизации России в

В.И. Дашичев Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

правление Владимира Путина», «Новый проект США – военное окружение России: противоракетная программа и грузинская война», «Основы американской евразийской стратегии при Бараке Обаме»

В первой «холодной войне», пишет автор, представители американских спецслужб, занимавшихся «разработкой» Советского Союза, советовали президенту Бушу-старшему принять особый план действий – «отказаться от поддержки Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева» и ни в коем случае не допустить «сохранения статус-кво Советского Союза,» а содействовать его «социально-политическому преобразованию», т.е. устранить в стране социалистический строй, толкнуть ее на путь капиталистического развития и вовлечь в провозглашенный Бушем «новый мировой порядок» под верховенством США. Для осуществления этой цели американская правящая элита остановила свой выбор на Б.Ельцине, который и стал «непосредственным могильщиком Советского Союза»[2].

Далее Роде резюмирует: «Не будет преувеличением сказать, что Ельцин стал важнейшей шахматной фигурой в руках американских правящих кругов, на которую была возложена функция претворить в жизнь мечтания Мэккиндера, Спайкмена (теоретики американской мировой гегемонии – прим. авт.) и особенно Збигнева Бжезинского. Без Ельцина и его политики было бы немыслимо развитие 1989-1991 годов,

в результате которого произошло расчленение, анархизация и паралич евразийского блока. Поэтому Ельцин должен был и в последующее время играть для США важную роль. В девяностые годы он служил орудием, пользуясь которым американские банки и концерны смогли проводить меры по захвату российской экономики и сырьевых ресурсов, опираясь при этом на помощь так называемых олигархов — новой проамериканской криминальной правящей элиты России»[3].

После разрушения Советского Союза правящие круги США начали, по мнению автора, новую «холодную войну», на этот раз против России. Ей «удалось навязать проатлантический, антироссийский курс и Европейскому Союзу». Составной частью этого курса явилось «продолжение стратегии «мягких государственных переворотов», как это было в Украине, Грузии и Киргизии. То же самое должно было быть произведено в России с целью привести к власти силы, способные сохранить положение страны, которое существовало в эру Ельцина»[4].

Много места в книге отведено раскрытию мотивов и методов антироссийской политики США в новой «холодной войне». Здесь речь идет не только о превращении России в вассала США, но и об овладении доступом к ее природными, в первую очередь энергетическими ресурсам. Достижения этих целей мыслится «стратегией непрямых действий», т.е. без применения военной силы и занятия территории

Как же оценивает Роде перспективы политики глобального господства США, составной частью которой является ее антироссийский курс? Он считает, что эта политика неизбежно закончится провалом, все признаки этого налицо, однополярный мир превратился уже в многополярный. Доля США в мировой экономике сократилась с 50 % в 1945 г. до 25 % в 2008 г. «Имперское перенапряжение» оказалось превыше сил даже такой могущественной страны, как США. Заканчивает книгу Роде словами: «Следовательно, всякое стремление к господству таит в себе зародыш своего собственного поражения»[5]. МП

Примечания

1 Rode Bernhard. Das Europдische Schachbrett. Amerikas neuer Kalter Krieg gegen RuЯland. Hohenrain Tьbingen, 2012

2 Там же, стр. 432-433

3 Там же, стр. 435.

4 Там же, стр. 903

5 Там же, стр.1116.

Аннотации

З.В. Ивановский
Доктор политических наук,
профессор Институт Латинской Америки РАН, факультет глобальных процессов МГУ им. М.В.Ломоносова

Папа Франциск и вызовы Римско-католической церкви в современном мире

В статье, посвященной первому латиноамериканцу на папском престоле, рассматривается роль Римско-католической церкви и Ордена иезуитов на различных этапах исторического развития. Особое внимание уделяется современным вызовам католицизма и возможным изменениям политики Ватикана в глобальном мире.

Ключевые слова: Папа Франциск, Римско-католическая церковь, Орден иезуитов, Латинская Америка, секуляризация, протестантизм, номадизм, социальная справедливость, традиционализм, экуменизм.

И.В. Бочарников
доктор политических наук,
профессор, проректор по научно-исследовательской работе МГГЭИ,
действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса

Сирийский излом

События в Сирии, на территории которой на протяжении практически двух лет идут боевые действия, давно уже вышли за рамки противостояния власти и оппозиции. Не вписываются они и в канву регионального конфликта.

Ключевые слова: политика, международные отношения, Сирия, конфликт, БашарАсад, США, Россия, интересы, ценности, угрозы, безопасность.

А.И. Сизоненко
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН

Россия – Бразилия: богатые традиции, хорошее настоящее и перспективное будущее

Статья посвящена истокам, традициям и современному состоянию от-

ношений России с крупнейшим государством Южной Америки — Бразилией. Подчеркивается стремление обеих сторон к сотрудничеству, расширению связей во всех областях. Особое внимание уделяется встречам и переговорам лидеров двух стран в последние два года, проходившим в обстановке взаимопонимания и близости интересов РФ и Бразилии.

Ключевые слова: Россия, Бразилия, традиции, истоки, сотрудничество, современный этап отношений.

М.В. Каргалова
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН

Европейские ценности и облик современного государства

Настоящая статья посвящена анализу роли европейских ценностей в формировании внешнеполитического имиджа современного государства.

Ключевые слова: ценности,имидж государства, Европейский Союз, политика, международные отношения.

О.Г. Карпович
ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор политических наук, профессор

Взгляды США на формирование новой системы международных отношений в условиях нарастающей политической нестабильности

Настоящая статья посвящена исследованию взглядов США на систему международных отношений в двадцать первом веке. Отмечается, что при формировании новых концепций и доктрин своей внешней политики Соединенные Штаты создают глобальную систему управления политической нестабильностью, основанную на применении новейших технологий информационно-психологического воздействия на индивидуальное и массовое сознание мирового сообщества — «управляемого хаоса», рефлексивного управления, коррекции сознания.

Ключевые слова: США, политика, международные отношения, безопасность, политическая стабильность, интересы, ценности, мягкая сила, конфликты, миротворчество.

Л.Н. Анисимов
профессор, заслуженный юрист РоссийскойФедерации, зав. кафедрой государственно-правовыхдисциплин Московскогоинститута мировой экономики и международных отношений, профессор Российского государственного социального университета

Мюнхенский сговор 1938 г. как трагический рубеж начала Второй мировой войны и современные реалии

75 лет тому назад 29 сентября 1938 г. в Мюнхене встретились Гитлер, Чемберлен, Доладье и Муссолини и в ночь на 30 сентября между правительствами нацистской Германии, фашистской Италии, Великобританией и Францией после коротких переговоров и выступлений Гитлера была заключена одна из постыдных предвоенных сделок, которая получила названия Мюнхенское соглашение. В тот трагический день были открыты шлюзы Второй мировой войне, в преддверии которой с политической карты Европы исчезло суверенное государство — Чехословацкая Республика

Ключевые слова: Мюнхенский сговор, Вторая мировая война, Чехословацкая Республика, Германия, Италия, Великобритания, Франция, конфликт, война, политическая история

Г.М. Сидорова
Кандидат исторических наук,
Сотрудник посольства РФ в Демократической республике Конго

Особенности конголезско-руандийского конфликта и поиски путей его преодоления

В статье анализируются истоки военно-политического кризиса в районе Великих озер, который с апреля 2012 г. заметно обострился и дестабилизировал обстановку в регионе. Процесс примирения двух основных политических игроков, ДРКонго и Руанды, идет непросто. Причины конфликта кроются не только в этнических противоречиях, имеющих давнюю историю, но и в «скрытых» факторах. В первую очередь, это экономические и демографические интересы Руанды в восточных провинциях ДРКонго. Автор предпринял попытку разобраться в сложном конфликте, определить роль региональных и международных партнеров обеих стран в выработке мирных инициатив для решения проблемы района Великих озер.

Ключевые слова: Демократическая Республика Конго, Руанда, Центральная Африка, район Великих озер, военно-политический кризис, Организация объединенных наций, конфликты, военные формирования, боевые действия.

А.Л. Лукин
кандидат политических наук,
заместитель директора Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток

А.В. Губин
кандидат политических наук,
руководитель научных программ Азиатско-тихоокеанского

регионального центра Российского института стратегических исследований, г. Владивосток

«Грянет ли буря» в Восточно-Китайском море?

В статье анализируются риски военного конфликта в Восточно-Китайском море между Китаем и Японией из-за спора о принадлежности островов Сенкаку (кит. — Дяоюйдао). Рассматриваются военные и политические сценарии возможного столкновения и его вероятные международные последствия. Оцениваются перспективы вовлечения в конфликт третьих сторон, прежде всего США. Рассматриваются также интересы России относительно конфронтации в Восточно-Китайском море. Авторы полагают, что Россия должна придерживаться позиции конструктивного нейтралитета и использовать имеющиеся у нее политико-дипломатические рычаги, чтобы постараться предотвратить опасный кризис между Китаем и Японией.

Ключевые слова: Сенкаку, Дяоюйдао, Восточно-Китайское море, Азиатско-Тихоокеанский регион, Япония, Китай, США, Россия, военный конфликт.

Е.В. Мартыненко
кандидат юридических наук
доцент кафедры международного права РУДН

А.А. Сырхаев
аспирант кафедры международного права РУДН

Проблемы привлечения к ответственности частных военных и охранных компаний за нарушение норм международного гуманитарного права на основании законодательства США

В статье исследуются проблемы правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний и ответственности их персонала за нарушение норм международного гуманитарного права на основании законодательства США.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, приватизация войны, аутсорсинг военных и охранных функций, законодательство США о деятельности частных военных и охранных компаний.

А.В. Манойло
Профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

О противодействии распространению идеологии «цветныхреволюций» в студенческой среде

Настоящая статья посвящена исследованию форм и методов противо-

действия распространению идеологии «цветных революций» в молодежной студенческой среде.

Ключевые слова: студенты, молодежь, идеология, цветные революции, угрозы, безопасность, политика.

А.А. Канунников
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН

Путь России в будущее: «Восток или Запад?»

В статье рассматриваются вопросы о роли и месте России в условиях глобализации, поставленные в ходе дискуссии о цивилизационном развитии современного мира, проведенной Институтом Европы РАН. Автор выделяет два наметившихся среди участников дискуссии подхода в определении будущего развития России: интеграции с Западом и создания самостоятельного интеграционного объединения. Автор излагает свое отношение к состоявшейся дискуссии, дает оценку аргументам, высказанным участниками диалога. Автор приходит к выводу, что Россия в обозримом будущем продолжит движение по пути, соответствующему ее геополитической истории, в частности продолжит стремиться к расширению евразийской интеграции и созданию Евразийского союза при сохранении диалога и сотрудничества с Западом и Востоком.

Ключевые слова: глобализация, цивилизационное развитие, Россия, Евразийский союз, западная цивилизация, евразийская интеграция, Европейский Союз, США, устойчивое развитие.

В.Л. Бунчук
Кандидат политических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД РФ

Модели взаимодействия Центра и регионов в современной России

Настоящая статья посвящена классификации и характеристике современных российских моделей взаимодействия федерального Центра с регионами. Эти модели являются важнейшей сущностной характеристикой отечественной федеративной системы, лежащей в основе современного российского государственного устройства.

Ключевые слова: Россия, федерализм, федеративные отношения, федеральный центр, регионы, политика, экономика, управление, безопасность.

А.Г. Нечаев
Эксперт в области права и безопасности СПб Центра политических исследований

Проблема признания государства агрессором

В настоящей статье рассматривается вопрос о признании государства пер-

вым применившим силу против другого государства агрессором, наличии международно-правовых норм дающих определение агрессии, международных организациях, в компетенцию которых входит признание агрессии и наказание виновных лиц.

Ключевые слова: международные отношения, политика, государство, агрессия, ответственность, право, международные организации, конфликты, интересы, ценности, безопасность.

Д.В. Скрипниченко
Научный сотрудник МГУ
им. М.В. Ломоносова

Особенности трансформации статуса и властных полномочий национальных республик Северного Кавказа в условиях политической модернизации региона

Распределение полномочий между уровнями власти — одна из важнейших характеристик федеративных отношений государства. Республики Северного Кавказа оказались в особых условиях после распада СССР. Одновременно шел процесс становления нового государства и складывания полномочий новых субъектов федерации.

Ключевые слова: федерализм, политика, властные полномочия, Северный Кавказ, регион, региональная политика, СКФО, модернизация, безопасность, угрозы, политическая трансформация.

В.Н. Гуриевская
кандидат государственного управления
доцент кафедрыпарламентаризма и политическогоменеджментаНациональнойакадемиигосударственногоуправления при Президенте Украины

Применение метода системных расстановок в системе парламентских отношений

Данная статья содержит анализ теоретического материала научных исследований психологии управления по применению метода системных расстановок в практической управленческой деятельности.В частности, акцент сделан на анализе сущности метода, его преимуществ в практическом использовании при решении государственно-управленческих задач, влияния системных расстановок на индивидуальном и социальном уровнях, проанализированы сферы практического применения метода как средства оптимизации процесса управления и парламентских отношений.

Ключевые слова: психология управления, метод системных расстановок, управленческая деятельность, органы государственной власти, парламентские отношения.

И.В. Федякин
Кандидат политических наук,
доцент кафедры «Политология, история и социальные технологии»
Московского государственного университета путей сообщения

Мегаполисы в политических процессах: опыт и перспективы

В статье предпринята попытка определить основные направления комплексного исследования мегаполисов в рамках предметного поля политической науки. Обозначены перспективы политологического анализа мегаполисов и возможные научные проблемы в данной области исследований.

Ключевые слова: мегаполисы, политическая наука, политологический анализ, урбанистика, междисциплинарный подход.

Н.В. Ивкина
Эксперт центра стратегических оценок и прогнозов

Европейская «мягкая сила»: правда или вымысел?

Статья посвящена рассмотрению фактора коллективной «мягкой силы» Европейского Союза, а также состоянию дел с культурной привлекательностью Европы. Проведен анализ основных проблем производства европейских культурных ценностей и предложены пути их решения.

Ключевые слова: «мягкая сила», Европейский Союз, США, культурная привлекательность, транснациональные бренды, публичная дипломатия.

А.С. Скриба
Аспирант НИУ ВШЭ

Классификация политики балансирования в современных международных отношениях

В статье рассматривается политика балансирования в условияхвсевозрастающего влияния малых и средних государств на региональные и международные процессы. В рамках теорий реализма производится уточнение некоторых положений с учетом обозначенной тенденции. В результате автором формулируется классификация политики балансирования государств с точки зрения системности и самостоятельности такого поведения. Одновременно автор доказывает, что полученные результаты исследования имеют не только научную, но и практическую значимость на фоне растущей конкуренцией отдельных мирополитических акторов за региональные сферы влияния, где малые и средние государства становятся главными объектами их внешней политики.

Ключевые слова: баланс сил, международная система, балансирование, малые и средние государства, теории реализма, классификация.

Хас Керим
Аспирант кафедры политологии Востока ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

«Опережая время» – может ли новая концепция внешней политики Турции достичь реальных успехов в Центральной Азии?

Предлагаемая статья затрагивает ряд важнейших вопросов новой внешнеполитической стратегии Турции в Центральноазиатском регионе при правительстве Партии справедливости и развития в новых геополитических, геоэкономических и геокультурных условиях. Проведенный анализ способствует пониманию новой позиции Турции в данном регионе. Важное значение в статье придается проблемам регионального и двустороннего сотрудничества Турции с государствами Центральной Азии.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, геополитика, мягкая сила, Партия справедливости и развития.

М. Ковальска
Аспирантка кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Актуальность исследования процессов принятия политических решений в современной России

Настоящая статья посвящена обоснованию актуальности исследования процессов и механизмов принятия политических решений в современной России.

Ключевые слова: политика, Россия, власть, политические решения, политические процессы, политические институты, политическая система.

О.В. Столетов
кандидат политических наук, младший научный сотрудник кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

И.А. Чихарев
кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Университеты как субъекты публичной дипломатии

В статье рассматривается понятие публичной дипломатии и основные подходы к ее определению. Особое внимание уделяется публичной дипломатии как составляющей стратегии «мягкой силы» современного государства. Анализируются возможности влияния университетов на международные отношения и мировую политику с помощью таких инструментов, как формирование дискурсов, элитообразование, научно-информационные кампании. Подробно исследуются политические аспекты пози-

ционирования высших учебных заведений в международных рейтингах как фактор повышения престижа государства, продвижения его позитивного образа. Рассматривается роль университетов в формировании социально-экономической и внешнеполитической стратегий государств. Авторы приходят к выводу, что все более активное участие университетов в публично-дипломатической деятельности и все большее их влияние на мировые политические процессы выписывается в тренды трансформации власти в современной мировой политике, актуализации информационно-интеллектуальных инструментов и так называемой «разумной силы» (smart power).

Ключевые слова: публичная дипломатия, университеты, «мягкая сила», «разумная сила».

Н.М. Ракитянский
доктор психологических наук,
профессор кафедры социологии
и психологии политики
факультета политологии
МГУ им. М.В. ломоносова

Феномен и концепт сверхсознания в политической психологии

В работе представлен концептуальный анализ феномена сверхсознания как понятийной новации политической психологии и политологии. Рассматривается историческая эволюция концепта в философском, теологическом, психологическом и политологическом контексте. Автор высказывает мнение о том, что содержание принципа единства сознания и деятельности позволяет включить концепт сверхсознания в сферу его применения и дает возможность рассматривать деятельность, сознание и сверхсознание как инстанции, образующие нерасторжимую целостность. Из этого следует тезис о правомерности постулирования принципа единства сознания, сверхсознания и деятельности и его применения в практике политико-психологических исследований. В статье раскрывается и закрепляется научный статус понятия сверхсознания. Показано его значение и инструментальные возможности в современных политико-психологических исследованиях. Концепт сверхсознания дает возможность выявить новые измерения в политической психологии, постигнуть связь между политико-психологическими и религиозными, т.е. по своей сути сверхсознательными феноменами.

Ключевые слова: политический менталитет, сверхсознание, доминанта, догматическая система, теоцентризм, антропоцентризм, монотеизм, неопаганизм.

С.Н. Бурцев
Аспирант Дипломатической
академии МИД РФ

Иранская ядерная программа как потенциальная угроза мировой стабильности

Иранская ядерная проблема сегодня продолжает оставаться одной из наиболее острых международных проблем, которая вызывает напряженность во взаимоотношениях между различными государствами, а также является очередной потенциальной угрозой безопасности на Ближнем Востоке. В свою очередь в Иране ядерная программа стала своего рода национальной идеей, которая объединяет все политические силы страны и от которой Иран вряд ли откажется. В статье рассматривается не только история становления Иранской ядерной программы, а также роль и участие России в ее развитии, но также позиции ведущих мировых держав, таких как США, Китай и страны ЕС, по отношению к ней. Целью данной статьи является рассмотрение различных возможных путей решения Иранской ядерной проблемы и изучение факторов, влияющих на выбор одной из альтернатив.

Ключевые слова: Россия, США, Иран, Иранская ядерная программа, международная безопасность

А.Е. Щегловитов
Аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Влияние национальной идеина формирование политического сознания граждан России и стран ближнего зарубежья

В статье анализируется трансформация системы идейно-политических ценностей России и особенности политического сознания российских граждан. Проводится сравнение ценностных ориентаций граждан постсоветских стран в условиях распада единой советской гражданской общности. Автор описывает новую модель политических ценностей, которая может стать основой национальной идеи у граждан России и Ближнего Зарубежья. Прогнозируется изменение политического сознания граждан под влиянием трансформирующейся национальной идеи.

Ключевые слова: национальная идея, политические ценности, политическое сознание, идеология, гражданская нация, национальная идентичность, «русскость».

В.И. Дашичев
Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

Евразийская шахматная доска: новая «холодная война» США против России

Рецензия на книгу Rode Bernhard. Das Europdische Schachbrett. Amerikas neuer Kalter Krieg gegen Ru-Яland.Hohenrain Тьbingen, 2012.

ДЛЯ АВТОРОВ

Все рукописи, предлагаемые к публикации в журнале «Мир и политика», проходят обязательное последовательное анонимное рецензирование. В качестве рецензента выступает как минимум один специалист, имеющий ученую степень доктора наук по специальности данной работы, а также члены редакционного совета журнала и независимые специалисты-эксперты.

Поступившая статья регистрируется секретариатом редакции и направляется на рецензирование. Срок рецензирования рукописи – от 2-х до 4-х недель. После этого статья направляется другому эксперту с приложением первоначальной рецензии. В случае получения не менее 2-х положительных рецензий, статья выносится на рассмотрение редакционного совета журнала. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Итоговое решение о публикации статьи в журнале принимается главным редактором (ответственным секретарем) или редакционным советом журнала. Авторы информируются обо всех этапах прохождения статьи.

В случае получения отрицательной рецензии, статья возвращается автору на доработку, а в спорных случаях может направляться на дополнительное рецензирование. Авторам предоставляются замечания и рекомендации рецензентов. После доработки статьи, она направляется на повторное рецензирование, и в случае положительного результата, выносится на рассмотрение редакционного совета на вопрос опубликования. При получении повторной отрицательной рецензии, автору направляется аргументированный отказ в публикации статьи.

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (дискета 3,5», CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель), либо отправить по электронной почте на адрес red@mir-politika.ru. Объем публикуемых материалов не должен превышать 0.7 печатного листа и 500 Кб. Материалы, не удовлетворяющие требованиям к оформлению, редакция не рассматривает. Редакция журнала обеспечивает хранение контрольных экземпляров статей, опубликованных в журнале, в течение трех лет со времени публикации.

Связаться с представителем редакции можно по телефонам (495) 628 49 92 или по адресу электронной почты red@mir-politika.ru.

Сдано в печать 21.10.13. Подписано в печать 20.10.13. Формат 60x90/8. Объем 36 п.л.
Тираж 10 000 экз. Печать офсетная.

Точка зрения авторов публикуемых работ не обязательно отражает мнение редакции.
Редакция не несет ответственности за достоверность материалов авторов публикуемых работ.
При перепечатке и цитировании ссылка на журнал «Мир и политика» обязательна